О. Г. ФРЕЙНАТЪ.

ПРАВДА
о дѣлѣ
Мясоѣдова и др.

ПО ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ
И ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ.

ВИЛЬНА
Типографія В. О. Гентшеля.
1918.

О. Г. ФРЕЙНАТЪ.

ПРАВДА

о дѣлѣ

Мясоѣдова и др.

ПО ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ
И ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ.

Я не рыдаю нѣтъ...
Мои глаза безъ слезъ,
Я жертвамъ палачей
Несу вѣнокъ изъ розъ.

ВИЛЬНА
Типографія В. О. Гентшеля.
1918.

Дозволено цензурою.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кончилась самая ужасная и самая кровавая изъ всѣхъ войнъ міровой исторіи. Пошатнулись въ своихъ основахъ могущественнѣйшія государства Европы, одичали ихъ измученные народы и на развалинахъ своей прежней культуры человѣчеству приходится строить новую жизнь, новыя условія своего существованія.

Настало время разобраться, какъ въ грустныхъ причинахъ, вызвавшихъ это всемірное безуміе, такъ и въ тяжелыхъ явленіяхъ, его сопровождавшихъ. Среди послѣднихъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ постоянныя посягательства на непреложные принципы права, и не только международнаго, но и общегосударственнаго.

Въ области уголовнаго права расплодились жестокія дѣла о „шпіонствѣ" и „государственной измѣнѣ", разбираемыя притомъ не отвѣчающими своей задачѣ военными судами разныхъ наименованій — безъ соблюденія самыхъ элементарныхъ гарантій правосудія. Разумѣется, что въ наименѣе культурныхъ государствахъ, какъ наша злосчастная родина, было особенно широкое поле для разныхъ взаимныхъ заподозрѣваній и даже недобросовѣстной провокаціи и всѣ тюрьмы были переполнены ни въ чемъ неповинными соотечественниками, которые содержались по цѣлымъ мѣсяцамъ за разными жандармскими или военными властями, пока они въ лучшемъ случаѣ не ссылались тысячами ужас-

нымъ этапнымъ порядкомъ въ восточныя губерніи и Сибирь, а въ худшемъ судились въ тяжелыхъ условіяхъ средневѣковаго процесса и приговаривались къ самымъ жестокимъ карамъ — вплоть до смертной казни.

Опредѣлить, хотя бы приблизительно, количество этихъ дѣлъ, подвергнуть ихъ объективной оцѣнкѣ и установить число жертвъ, врядъ-ли когда либо удастся, такъ какъ большинство ихъ уничтожено въ первые дни революціи при сожженіи возмущеннымъ народомъ производствъ жандармскихъ управленій и военныхъ судовъ почти во всѣхъ городахъ Россіи. Тѣмъ важнѣе конечно сохранить для потомства то немногое, что въ этомъ отношеніи такъ или иначе уцѣлѣло, потому что это одна изъ страницъ печальной исторіи развала нашей государственности и ключъ для пониманія того, какъ и почему мы дошли, и должны были дойти, до того безвыходнаго положенія, въ которомъ нынѣ очутились.

Дѣло подп. Мясоѣдова и такъ называемыхъ „соучастниковъ" его, несомнѣнно самое громкое и наиболѣе яркое изъ всѣхъ этихъ дѣлъ, какъ по числу жертвъ, такъ и потому, что оно было использовано, сначала какъ мостъ для подхода, а потомъ какъ фундаментъ для привлеченія къ уголовной отвѣтственности самого военнаго министра, члена государственнаго совѣта и ген.-адъют. В. А. Сухомлинова. Но главное его значеніе въ томъ, что въ немъ, какъ въ калейдоскопѣ отражается наша дореволюціонная дѣйствительность, съ ея закулиснымъ вліяніемъ темныхъ силъ, неограниченнымъ произволомъ безотвѣтственной власти, забитымъ угодничествомъ подчиненныхъ и безславнымъ состояніемъ развращеннаго правосудія.

Нарисовать по однимъ только докумен-

тамъ съ достаточною яркостью картину создания и производства этого кошмарнаго дѣла чрезвычайно трудно, потому что оно заполчено безпорядочно подтасованнымъ, въ большей своей части къ нему неотносящимся и въ сущности совершенно необслѣдованнымъ матеріаломъ. По самому существу своему все производство — одно сплошное извращеніе дѣйствительности и прямой служебный подлогъ, скрытый въ загроможденіи его посторонними фактами, въ голословныхъ выводахъ и безсодержательныхъ, отвлеченныхъ формулахъ. Это вызывало необходимость останавливаться дольше, чѣмъ это можетъ быть желательно съ точки зрѣнія популярности изложенія, на многихъ документахъ и нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, сопоставить ихъ съ дѣйствовавшими тогда узаконеніями и вообще входитъ въ болѣе подробный разборъ юридической стороны дѣла.

Задача этой брошюры не столько во всестороннемъ обслѣдованіи отдѣльныхъ подтасованныхъ фактовъ и раскрытіи всѣхъ виновниковъ этого, сколько въ сохраненіи историческаго матеріала для будущаго безпристрастнаго изученія и въ исполненіи обѣщанія, даннаго передъ ихъ казнью жертвамъ этого дѣла, съ полною правдивостью довести до свѣдѣнія обманутаго общественнаго мнѣнія объ ихъ безвинныхъ страданіяхъ и мученической смерти. Подвести же итоги всему этому ужасу, возстановить ихъ доброе имя и поруганную честь, а также наложить Каинову печать на ихъ убійцъ, дѣло самого русскаго народа, на отвѣтственности котораго лежитъ этотъ небывалый позоръ отечественнаго правосудія.

I. Общія свѣдѣнія.

Въ виду того, что Мясоѣдовъ составляетъ центральную фигуру настоящаго дѣла, какъ потому, что всѣ остальные осуждены, какъ „соучастники“ его, такъ и потому, что корни этого дѣла восходятъ еще къ 1912 г., когда на него было брошено первое подозрѣніе выступленіемъ лидера октябристовъ А. И. Гучкова, для правильной оцѣнки дальнѣйшаго, необходимо прежде всего подробнѣе остановиться на біографіи самаго Мясоѣдова, его службѣ и вообще тѣхъ отношеніяхъ, которыя получили въ дѣлѣ рѣшающее значеніе.

Полковникъ въ отставкѣ Сергѣй Николаевичъ Мясоѣдовъ родился 5 іюля 1866 г. въ старой дворянской семьѣ Смоленской губерніи *) — отецъ его былъ долгое время Виленскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства — и, по окончаніи Московскаго кадетскаго корпуса и Александровскаго военнаго училища, 14 августа 1884 г. былъ произведенъ въ офицеры. 31 октября 1892 г. онъ перешелъ въ корпусъ жандармовъ и 17 января 1894 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника желѣзно-дорожнаго жандармскаго отдѣленія въ Вержболовѣ, а 12 мая 1901 г. начальникомъ того же отдѣленія, въ каковой должности состоялъ до 31 сентября 1907 г.

---

*) Этимъ опровергается распространенная по всему міру ложь, будто Мясоѣдовъ «нѣмецкаго происхожденія», повторенная извѣстнымъ писателемъ А. В. Амфитеатровымъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій изъ Рима въ газету «Русское Слово».

Изъ этого видно, что онъ пробылъ въ Вержболовѣ свыше 13 лѣтъ и въ охранныхъ отдѣленіяхъ и губернскихъ жандармскихъ управленіяхъ никогда не служилъ. Желѣзно-дорожныя жандармскія отдѣленія, какъ извѣстно, политическимъ сыскомъ не занимались, а исполняли чисто полицейскія функціи, замѣняя на территоріи желѣзныхъ дорогъ общую полицію.

Вслѣдствіе частыхъ проѣздовъ черезъ Вержболово разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, это отдѣленіе занимало исключительное мѣсто и Мясоѣдовъ, пользуясь по этой причинѣ широкою извѣстностью, былъ въ особомъ положеніи. Этому отчасти содѣйствовало и его матеріальное обезпеченіе, такъ какъ онъ женился на дочери богатаго виленскаго заводчика Гольштейна *) и за женою получилъ свыше 100 тысячъ приданаго. Жилъ онъ сравнительно широко, но не пилъ, въ карты не игралъ и въ расходахъ своихъ отличался извѣстною расчетливостью **). По случаю своихъ хорошихъ отношеній съ германскими пограничными властями, что начальствомъ

---

*) а не Гольдштейнъ, какъ пишетъ судебный слѣдователь Матвѣевъ, чтобы потомъ въ своемъ постановленіи инсинуировать, что Мясоѣдовъ «женатъ на еврейкѣ...»

) Эта сторона жизни Мясоѣдова въ справкѣ Петроградскаго охраннаго отдѣленія отъ 18 февраля 1915 г. изложена такъ: «по негласнымъ свѣдѣніямъ охраннаго отдѣленія Мясоѣдовъ въ началѣ 90-хъ годовъ былъ сначала помощникомъ, а затѣмъ начальникомъ Вержболовскаго отдѣленія. Будучи тогда еще поручикомъ, онъ обращалъ на себя вниманіе, что **дѣлая изъ себя видъ человѣка расточительнаго, въ дѣйствительности онъ былъ чрезвычайно прижимистъ и ищетъ невѣсту съ деньгами, хотя онъ самъ по себѣ имѣлъ нѣкоторыя средства».

поощрялось, Мясоѣдовъ получилъ приглашеніе 18 сентября 1905 года на богослуженіе въ церкви имѣнія германскаго императора въ Роминтенѣ, въ 15 верстахъ отъ Вержболово. Выходя изъ церкви, императоръ Вильгельмъ замѣтилъ Мясоѣдова, бесѣдовалъ съ нимъ и пригласилъ къ часу дня на обѣдъ. На этомъ обѣдѣ присутствовали, кромѣ императора, императрица, принцесса Луиза, министръ Подбѣльскій и другіе придворные. Императоръ предложилъ тостъ за „русскаго ротмистра Мясоѣдова“ и милостиво бесѣдовалъ съ нимъ до 3-хъ час. дня. Объ этомъ Мясоѣдовъ тогда же донесъ по начальству и на донесеніи его положена слѣдующая резолюція: „Его Превосходительство (командиръ корпуса жандармовъ) призналъ поведеніе Мясоѣдова антидисциплинарнымъ“. По даннымъ охраннаго отдѣленія, Мясоѣдовъ въ то время былъ нѣсколько разъ приглашенъ на придворныя охоты, когда Вильгельмъ II пріѣзжалъ въ Ромнитенъ, и имѣлъ его портретъ съ собственноручною надписью, которымъ очень гордился.

Какъ видно изъ его формулярнаго списка, Мясоѣдовъ за время своей службы въ Вержболовѣ получилъ невѣроятное количество иностранныхъ орденовъ, а именно: кавалерскій крестъ 2 кл., баварскій орденъ за заслуги, офицерскій крестъ итальянскаго ордена короны, кавалерскій крестъ I кл. Саксоніи, китайскій орденъ Дракона 3 ст., французскій знакъ Officier d'Academie, кавалерійскій крестъ гессенскаго ордена, крестъ 4 кл. дома Шаумбургъ-Липпе, кавалерійскій крестъ бельгійскаго ордена Леопольда, кавалерійскій крестъ португальскаго ордена Зачатія Св. Богородицы, сіамскій орденъ Бѣлаго Слона 4 ст., мекленбургскій кавалерій-

скій крестъ, французскій крестъ почетнаго Легіона, прусскій орденъ короны 3 кл., болгарскій орденъ за гражданскія заслуги 3 ст., персидскій орденъ Льва и Солнца 3 ст., датскій орденъ Данеборгъ, черногорскій орденъ кн. Даніила I 4 ст., офицерскій крестъ итальянскаго ордена Св. Маврикія и Лазаря, сіамскій орденъ короны 3 ст., испанскій орденъ Изабеллы Католической, и кромѣ того золотые часы изъ кабинета Его Величества и золотой браслетъ съ бриллiантами.

Въ 1907 г. Мясоѣдовъ былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля по одному политическому дѣлу и на судѣ подъ присягою удостовѣрилъ, что запрещенная литература и оружіе провозились изъ-за границы самимъ охраннымъ отдѣленіемъ, вслѣдствіе чего виленскій военно-окружный судъ обвиняемыхъ оправдалъ, а о дѣйствіяхъ чиновъ охраннаго отдѣленія постановилъ довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ случай обошелъ въ свое время всѣ газеты и послужилъ предметомъ запроса въ Государственной Думѣ. Послѣ этого отношенія Мясоѣдова съ департаментомъ полиціи окончательно испортились. О дѣйствіяхъ его было произведено разслѣдованіе, на которомъ какой то агентъ охраннаго отдѣленія показалъ, будто „Мясоѣдовъ провозилъ въ своемъ автомобилѣ изъ-за границы контрабанду“, а другіе, что „онъ не проявлялъ интереса къ своимъ обязанностямъ“. Истинная причина неудовольствія Мясоѣдовымъ ясна изъ подлинной резолюціи П. А. Столыпина на докладѣ объ этомъ: „вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу несоотвѣтствующимъ долгу службы показаніе на судѣ со стороны подп. Мясоѣдова, разсказъ его къ дѣлу не относится, позорилъ офицеровъ корпуса жандармовъ разоблаченіемъ

фактовъ непровѣренныхъ... я не ожидалъ такой опрометчивости и несдержанности отъ такого, казалось, опытнаго офицера". Послѣдствіемъ этой резолюціи было предложеніе Мясоѣдову перевода „не ближе меридіана Самары", но онъ отъ этого отказался, не смотря на то, что начальникъ штаба корпуса жандармовъ тогда же писалъ, что „онъ скоро получитъ должное мѣсто и положеніе, такъ какъ считаетъ его прекраснымъ офицеромъ" — и 26 сентября 1907 г. вышелъ въ запасъ.

Въ пограничномъ мѣстечкѣ Вержболово Мясоѣдовъ близко познакомился съ нашимъ эмиграціоннымъ движеніемъ и нѣкоторыми дѣятелями на этомъ поприщѣ. Тамъ-же онъ сошелся съ зажиточною семьею Фрейдберговъ, владѣльцами экспедитерской конторы „Беркгеймъ" въ Эйдкуненѣ. Нѣкоторые члены этой семьи уже давно занимались продажею билетовъ на проѣздъ въ Америку, а одинъ изъ нихъ, Самуилъ Яковлевичъ Фрейдбергъ, послѣ службы въ этой области заграницею, основалъ еще въ 1900 г. въ Либавѣ эмиграціонную контору I-го разряда „Карлсбергъ и Спиро". Громадный ростъ нашей эмиграціи побудилъ наши пароходныя предпріятія Добровольный Флотъ и Русско-Азіатское Общество открыть постоянные рейсы изъ Либавы въ Америку, но сильная конкурренція могущественныхъ заграничныхъ трэстовъ скоро принудила первый изъ нихъ прекратить это дѣло. Тогда С. Я. Фрейдбергъ рѣшилъ продолжать первый опытъ развитія нашего отечественнаго мореплаванія, но въ болѣе скромномъ масштабѣ, и создалъ Общество сѣверо-западнаго пароходства, для доставленія пассажировъ на своихъ пароходахъ только до Англіи, откуда они, по соглашенію съ компаніею „Cunard-

Line", отправлялись дальше въ Америку. Уставъ этого Общества утвержденъ въ 1911 г. и однимъ изъ учредителей и предсѣдателемъ правленія его былъ С. Н. Мясоѣдовъ, на обязанностяхъ котораго лежали главнымъ образомъ сношенія съ министерствами и мѣстными административными властями. Членами правленія состояли отст. дѣйств. ст. сов. О. О. ф. Гротгусъ въ Петроградѣ и бывшій собственникъ эмиграціонной конторы „Кни и Фалькъ", домовладѣлецъ и гласный либавской городской думы Робертъ Исааковичъ Фалькъ. Директоромъ распорядителемъ остался С. Я. Фрейдбергъ, братъ его, Б. Я. Фрейдбергъ, былъ управляющимъ конторою въ Либавѣ, а другой братъ, Д. Я. Фрейдбергъ — управляющимъ конторою въ Одессѣ.

Жалованья Мясоѣдовъ получалъ въ этомъ Обществѣ 6,000 руб. въ годъ, кромѣ разъѣздныхъ и наградныхъ, съ контрактомъ на 12 лѣтъ. Обществомъ оплачивалась и часть его квартиры въ Петербургѣ, въ которой помѣщалось правленіе. Если прибавить къ этому его пенсію по службѣ въ корпусѣ жандармовъ ок. 1,000 р. и доходы съ принадлежавшаго ему въ г. Вильнѣ дома — ок. 3,500 руб. въ годъ, то нужно прійти къ выводу, что Мясоѣдовъ имѣлъ постоянныхъ доходовъ свыше 10,000 р. въ годъ и слѣдовательно послѣ выхода въ запасъ былъ матеріально вполнѣ обезпеченъ. Въ его домѣ иногда собиралось блестящее общество, среди котораго были бывшій морской министръ, членъ Государственнаго Совѣта Бирилевъ, помощникъ СПБ. градоначальника, камергеръ В. В. Лысогорскій, генералъ П. Н. Соловьевъ, крупный коммерсантъ Радау, офицеры кавалерійской школы — товарищи и сослуживцы его брата Д. Н. Мясоѣдова и мн. др.

Въ 1909 г. супруги Мясоѣдовы встрѣтились въ домѣ сенатора Викторова съ Е. В. Бутовичъ, которая въ то время вела бракоразводный процессъ со своимъ мужемъ и въ концѣ года вышла замужъ за военнаго министра ген.-адъют. В. А. Сухомлинова. По поводу этого процесса въ печати поднялась противъ нихъ цѣлая травля, но Мясоѣдовы все время продолжали проявлять къ Сухомлиновымъ сердечное участіе, что не мало содѣйствовало ихъ сближенію. Въ августѣ 1910 г. Сухомлиновы и Мясоѣдовы лечились въ Карлсбадѣ и проживали въ одномъ домѣ, а 31 декабря того же года Сухомлиновы встрѣтили Новый Годъ у Мясоѣдовыхъ. Это сближеніе подало Мясоѣдову мысль просить Сухомлинова принять его опять на дѣйствительную службу, уже при немъ, военномъ министрѣ, на что послѣдній согласился. Условія, при которыхъ состоялось это принятіе на службу, ясны изъ имѣющихся въ дѣлѣ Сухомлинова писемъ: 5 октября 1910 г. Мясоѣдовъ препроводилъ Сухомлинову письмо помощника начальника штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ ген. Залѣскаго отъ 4 сентября слѣдующаго содержанія: „Многоуважаемый и добрѣйшій Сергѣй Николаевичъ, командиръ корпуса лично сказалъ мнѣ, что въ его глазахъ и шефа Вы вполнѣ реабилитированы, причемъ нѣсколько удивился, что Вы, имѣя свое дѣло, опять хотите поступить на службу“. Послѣ этого Мясоѣдовъ въ началѣ 1911 г. запросилъ Сухомлинова „не отказать поставить меня въ извѣстность, могу ли я вообще разсчитывать на опредѣленіе на военную службу или нѣтъ... я рѣшилъ просить Васъ устроить меня на какую либо должность, хотя при Главномъ штабѣ, но не по корпусу жандармовъ, а если это

будетъ невозможно, то хоть по корпусу жандармовъ, но съ назначеніемъ на должность, оставшуюся не занятой послѣ отчисленія полковника Горленко. Мнѣ хотѣлось бы прослужить хоть годъ или два, чтобы моя 24-лѣтняя служба не пропала даромъ. Я буду Вамъ безконечно признателенъ, если Вы меня устроите на военную службу, но если Вы считаете это почему-либо неудобнымъ, то я буду крайне благодаренъ за прямой отказъ". На это письмо Сухомлиновъ 13 февраля 1911 г. отвѣтилъ: „Неудобнымъ, какъ Вы пишете, считать Ваше поступленіе на военную службу я не имѣю никакихъ основаній. Что же касается возможности привести его въ исполненіе, то это дѣло нелегкое, благодаря условіямъ Вашей предыдущей службы, что и привело меня къ предположенію, что лучше всего было бы опредѣленіе Васъ въ то вѣдомство, изъ котораго Вы ушли..."

15 апрѣля 1911 г. Сухомлиновъ обратился къ командиру корпуса жандармовъ П. Г. Курлову и уже 18 апрѣля Мясоѣдову было официально предложено подать прошеніе, чѣмъ онъ воспользовался однако только 23 августа, послѣ чего 28 сентября состоялся объ этомъ приказъ — съ откомандированіемъ его въ распоряженіе военнаго министра. Личными адъютантами у Сухомлинова тогда были полковникъ Булацель и капитанъ Коломнинъ, внукъ основателя газеты „Новое Время" А. С. Суворина, женатый на дочери жандармскаго полковника И. В. Горленко, мужа извѣстной оперной пѣвицы Долиной. Назначеніе Мясоѣдова вызвало съ ихъ стороны крайнее неудовольствіе и возбужденіе противъ него, какъ бывшаго жандарма, и они черезъ чиновъ Департамента полиціи добились того, что завѣдующій Особымъ отдѣ-

ломъ послѣдняго, полк. Ереминъ, ѣздилъ къ Сухомлинову съ дѣломъ о Мясоѣдовѣ, но докладъ этотъ желаемаго успѣха не имѣлъ.

Опредѣленныхъ обязанностей Мясоѣдовъ по службѣ у военнаго министра не имѣлъ. Сначала было предположеніе, возложить на него доклады и порученія по борьбѣ съ революціонною пропагандою въ войскахъ. Съ этою именно цѣлью ранѣе былъ прикомандированъ полк. Горленко, оказавшійся однако для этого непригоднымъ, такъ кадъ онъ свою задачу сводилъ къ личной охранѣ министра, а оптому былъ скоро отчисленъ. Эта борьба была всецѣло сосредоточена въ рукахъ Департамента полиціи и поэтому всѣ разработанные въ этомъ направленіи проекты встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны послѣдняго и въ особенности его Особаго отдѣла. Этимъ Особымъ отдѣломъ, возглавлявшимъ охранныя отдѣленія въ Россіи, въ то время руководили наиболѣе отличавшіеся въ политическомъ сыскѣ жандармскіе офицеры, и не только штабъ корпуса жандармовъ, вѣдавшій личнымъ составомъ и хозяйственною частью, и директора Департамента полиціи, мало знакомые съ техникою политическаго розыска, но и товарищи министра и даже министры внутреннихъ дѣлъ поневолѣ находились подъ его вліяніемъ. Поэтому возстановить противъ себя Особый отдѣлъ значило пріобрѣсти грознаго и сильнаго врага. Врагъ этотъ былъ тѣмъ опаснѣе, что во главѣ его стоялъ тогда полк. А. М. Ереминъ — жандармскій офицеръ изъ казаковъ, который еще въ молодыхъ чинахъ въ 1905 г. съумѣлъ устроить удаленіе съ поста кіевскаго генералъ-губернатора ген.-адъют. Клейгельса, личнаго протежэ императрицы Маріи Θеодоровны, а потомъ, когда онъ, въ качествѣ начальника

тифлискаго жандармскаго управленія, послѣ постановки знаменитаго дѣла Дашнакцутюнъ, намѣстникомъ на Кавказѣ, престарѣлымъ любимцемъ 3-хъ государей Россійской Имперіи, кн. Воронцовымъ-Дашковымъ, не былъ болѣе допущенъ въ предѣлы намѣстничества, то за это получилъ повышеніе по службѣ, съ назначеніемъ завѣдующимъ Оособымъ отдѣломъ.

Послѣ того, какъ указанное предположеніе о возложеніи на Мясоѣдова порученій по борьбѣ съ революціонною пропагандою въ войскахъ, въ цѣляхъ защиты военныхъ отъ произвола Департамента полиціи, натолкнулось на такія препятствія, возникла мысль использовать его для организаціи разсмотрѣнія въ военномъ министерствѣ переписки, получаемой изъ цензуры *). Военный министръ былъ постановкою этого дѣла настолько недоволенъ, что одно время принималъ доклады завѣдуюшаго контръ-развѣдивательнаго отдѣленія подп. Ерандакова, минуя высшихъ чиновъ генеральнаго штаба, а срочные документы изъ цензуры поручилъ докладывать Мясоѣдову. Ерандаковъ самъ ѣздилъ къ министру и возилъ ему требуемые доку-

* Какъ видно изъ отобраннаго у Мясоѣдова проекта, дѣло это находилось въ рукахъ морского министра. Лейтнантъ Дунинъ-Борковскій получалъ деньги для выплаты чинамъ цензуры и передавалъ получаемыя имъ свѣдѣнія въ контръ-развѣдочный отдѣлъ генеральнаго штаба. Во измѣненіе этого Мясоѣдовъ предлагалъ всѣ сношенія съ цензурою **«для устраненія повода Департаменту полиціи вмѣшиваться въ это дѣло и забрать его совершенно въ свои руки»**, возложить на завѣдующаго контръ-развѣдывательнымъ отдѣленіемъ, хотя бы черезъ генеральный штабъ, а для дальнѣйшаго закрѣпленія этого дѣла перевести офицеровъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія въ военное министерство.

менты, помимо чиновъ генеральнаго штаба, но о порученіи Мясоѣдову доложилъ послѣднимъ и заручился ихъ разрѣшенія Мясоѣдову въ сообщеніи свѣдѣній отказать *). Все это конечно создало широкое поле для взаимнаго неудовольствія, сплетень и интригъ между высшими чинами военнаго министерства и предметомъ ихъ сдѣлался естественно — прежде всего Мясоѣдовъ.

Въ то время, а это было скоро послѣ смерти П. А. Столыпина, — исключительнымъ вліяніемъ въ Россіи пользовался предсѣдатель Государственной Думы и вождь октябристовъ А. И. Гучковъ, который, въ качествѣ предсѣдателя коммиссіи государственной обороны страны, былъ въ открытой враждѣ съ военнымъ министромъ и, окруживъ себя многими сочувствовавшими ему, и въ томъ числѣ и военными спеціалистами, образовалъ такъ наз. „новый штабъ". Отъ военнаго министерства въ думскихъ коммиссіяхъ выступалъ тогда помощникъ министра А. А. Поливановъ и опредѣленно говорили, будто предсѣдатель Совѣта министровъ В. Н. Коковцевъ согласился съ Гучковымъ о желательности замѣны Сухомлинова Поливановымъ. Между прочимъ на послѣдняго былъ полученъ доносъ, что онъ „давно и систематически выдаетъ австрійскому посольству наши военные секреты" и этотъ доносъ ген.-

*) Нравственная личность жандармскаго полковника Ерандакова обрисовывается хотя бы тѣмъ, что онъ все время бывалъ въ гостяхъ у Мясоѣдовыхъ и въ дневникѣ К. С. Мясоѣдовой упоминается въ числѣ **лучшихъ ихъ друзей**, а потомъ на процессѣ Сухомлинова объяснилъ свое частное знакомство съ Мясоѣдовыми цѣлями **личнаго за ними наблюденія.** Даже собственные сослуживцы аттестуютъ его съ худшей стороны.

адъют. Сухомлиновъ передалъ Мясоѣдову для выясненія личности анонимнаго автора.

16 марта 1912 г. военный министръ Сухомлиновъ выѣхалъ по дѣламъ службы въ Туркестанскій край и этимъ повидимому рѣшили воспользоваться для сверженія его. Въ тотъ же день министръ внутреннихъ дѣлъ А. А. Макаровъ подписалъ составленное въ Особомъ отдѣлѣ Департамента полиціи письмо за № 98509, на имя военнаго министра *) о томъ, что Мясоѣдовъ основалъ съ „нѣкіимъ евреемъ" Фрейдбергомъ пароходное общество, что Фрейдбергъ находится въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ нѣкіимъ Каценэлленбогеномъ, который въ 1907 г. изобличенъ въ злоупотребленіяхъ съ заграничными паспортами для эмигрантовъ а Каценэлленбогенъ — въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ германскимъ подданнымъ Ленцеромъ, уполномоченнымъ германскаго центральнаго бюро по найму сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, Ленцеръ же состоитъ „секретнымъ сотрудникомъ при германскомъ генеральномъ штабѣ".

Письмо это было получено и. д. военнаго министра Поливановымъ и послано Сухомлинову, который, вернувшись 10 апрѣля, несмотря на то, что оно заключало въ себѣ только старыя агентурныя данныя, и ничего предосудительнаго противъ самаго Мясоѣдова и что Мясоѣдовъ представилъ ему въ тотъже день на оффиціальномъ бланкѣ секретный рапортъ за № 31 съ ходатайствомъ, въ виду непрекращающихся нареканій по поводу прежней его службы просить шефа жандармовъ о производствѣ тщательнаго разслѣдованія обстоятельствъ, сопровождавшихъ уходъ

*) Подлинный текстъ этого письма см. Приложеніе I.

его въ 1907 г. въ запасъ арміи, съ приложеніемъ копіи его письма П. А. Столыпину, въ которомъ Мясоѣдовъ обвиняетъ полк. Еремина и др. въ неправильныхъ дѣйствіяхъ, — распорядился о составленіи письма на имя министра внутреннихъ дѣлъ объ откомандированіи Мясоѣдова. Нѣсколько странно, что на упомянутомъ секретномъ рапортѣ за № 31, присланномъ къ слѣдствію по дѣлу Сухомлинова при отношеніи начальника Главнаго штаба отъ 25—26 августа 1916 г. за № 2333, никакой резолюціи не положено, но сдѣлана надпись рукою Мясоѣдова „12 апрѣля этотъ самый рапортъ былъ предъявленъ военнымъ министромъ министру внутреннихъ дѣлъ, который сказалъ, что вся исторія эта давно разъяснена и Мясоѣдова ни въ чемъ этомъ не обвиняютъ, а теперь ему ставятъ въ вину занятія въ еврейскомъ дѣлѣ. Въ виду такого заявленія военный министръ взялъ бумаги эти обратно. Такимъ образомъ разслѣдованія не производятъ, а при случаѣ меня обвиняютъ въ экспортѣ и импортѣ и во всякихъ неблаговидныхъ поступкахъ на прежней службѣ". 12 апрѣля Мясоѣдовъ писалъ Сухомлинову: „Ваше Высокопревосходительство Владиміръ Александровичъ. На Страстной недѣлѣ Ереминъ съ злорадствомъ говорилъ въ одномъ обществѣ, что „мы написали военному министру о Мясоѣдовѣ письмо, посмотримъ, какъ онъ себя послѣ этого будетъ чувствовать. Не могу понять, въ чемъ еще меня обвиняютъ, но могу Васъ завѣрить, что я никакой вины за собою не знаю, какъ въ частной жизни, такъ и въ служебномъ отношеніи и только объ одномъ очень прошу Васъ, глубокоуважаемый Владиміръ Александровичъ, это, чтобы Вы настояли на производствѣ разслѣдованія..." Генералъ Сухомли-

новъ однако этой просьбы не внялъ, по крайней мѣрѣ на письмѣ не имѣется никакой резолюціи, а напротивъ 13 апрѣля за № 146 отправилъ письмо на имя министра внутр. дѣлъ объ откомандированіи Мясоѣдова и 15 апрѣля за № 1228 начальникъ С. П. Б. губернскаго жандармскаго управленія ген.-м. Клыковъ предписалъ Мясоѣдову немедленно подать прошеніе объ отставкѣ.

Но и этотъ поспѣшный шагъ военнаго министра уже опоздалъ. Въ тотъ же день, когда онъ отправилъ свое письмо министру внутр. дѣлъ, въ № 118 Суворинской газеты „Вечернее Время", и 14 апрѣля въ газетѣ „Новое Время", въ которыхъ А. И. Гучковъ состоялъ пайщикомъ, — а 23 апрѣля въ „Голосѣ Москвы", органѣ октябристовъ, вождемъ которыхъ былъ тотъ-же Гучковъ, — появились — и слѣдовательно были до этого подготовлены, — замѣтки, полныя гнусныхъ инсинуаціонныхъ намековъ, смыслъ которыхъ сводился къ тому, что дѣло борьбы съ иностраннымъ шпіонажемъ поручено уволенному изъ жандармскаго корпуса офицеру, состоящему по слухамъ дидекторомъ въ какомъ то еврейскомъ обществѣ „не то по экспорту, не то по вывозу эмигрантовъ въ Америку", и что со времени возложенія на это лицо завѣдыванія контръ-развѣдки освѣдомленность австрійскихъ шпіоновъ *(замѣтьте, не германскихъ, а австрійскихъ шпіоновъ, какъ и въ доносѣ на Поливанова)* значительно усилилась *). Фамилія этого офицера названа не

---

*) Въ упомянутой выше справкѣ охраннаго отдѣленія это изложено слѣдующимъ образомъ: «Года 3 или 4 тому назадъ въ газетѣ «Новое Время» или «Вечернее Время» появилась замѣтка, въ которой указывалось, что при особѣ военнаго министра состоитъ подп. Мясоѣдовъ — лицо слишкомъ **близкое къ Императору Вильгельму,** для того, чтобы ему довѣрять документы и планы особой важности».

была, равно какъ и не были указаны, ни какіе либо факты, ни источники, изъ которыхъ авторъ узналъ объ „освѣдомленности австрійскихъ шпіоновъ“, но намеки были настолько ясны, что Мясоѣдовъ потребовалъ отъ редактора газеты Бориса Суворина указанія автора, а когда тотъ прикрылся редакціонною тайною, хотя, какъ оказалось потомъ, статьи эти подписаны собственнымъ его псевдонимомъ, нанесъ ему 15 апрѣля въ Петербургѣ, въ членской бесѣдкѣ на бѣгахъ, публичное оскорбленіе дѣйствіемъ. Тогда въ газетѣ Новое Время отъ 17 апрѣля была напечатана бесѣда сотрудника съ А. И. Гучковымъ, который, уже называя фамилію Мясоѣдова, заявилъ, что общая картина, нарисованная въ „Вечернемъ Времени“, близка къ дѣйствительности, а именно, что Мясоѣдовъ былъ въ свое время „удаленъ изъ корпуса жандармовъ, вслѣдствіе доказанныхъ неблаговидныхъ поступковъ“, но по настойчивому требованію военнаго министра возвращенъ на службу, послѣ чего „одна изъ сосѣднихъ державъ *(вслѣдствіе подтвержденія статьи Суворина, нужно думать австрійская)* стала значительно освѣдомленнѣе въ нашихъ военныхъ дѣлахъ чѣмъ раньше“; кромѣ того Гучковъ добавилъ, что Мясоѣдовъ сталъ во главѣ органа, вѣдающаго дѣлами политическаго сыска и являющагося какъ бы „охраннымъ отдѣленіемъ“ этого вѣдомства. Насколько все это не соотвѣтствовало истинѣ, ясно изъ изложеннаго выше. Послѣ этого Мясоѣдовъ получилъ возможность вызвать на дуэль самого Гучкова и 22 апрѣля 1912 г. стрѣлялся съ нимъ въ Новой Деревнѣ близъ Петрограда. Исторія эта тогда облетѣла почти всѣ русскія и многія иностранныя газеты и сосредоточила на себѣ общее вниманіе.

Самъ Мясоѣдовъ приказомъ по военному вѣдомству отъ 17 апрѣля былъ уволенъ въ отставку съ производствомъ въ чинъ полковника, съ мундиромъ и пенсіею и съ зачисленіемъ въ пѣшее ополченіе. Но еще до этого, а именно 15 апрѣля, военный министръ предложилъ командиру корпуса жандармовъ и начальнику генеральнаго штаба ген. Жилинскому провѣрить вышеприведенныя газетныя обвиненія и 18 апрѣля за № 54 послѣдній донесъ, что по произведеннымъ ген.-м. Бѣляевымъ разслѣдованіямъ „предположеніе объ участіи подп. Мясоѣдова въ дѣятельности главнаго управленія генеральнаго штаба и его прикосновенность къ развѣдывательной и контръ-развѣдывательной службѣ опровергаются самымъ категорическимъ образомъ". А командиръ корпуса жандармовъ отвѣтилъ 6 мая за № 319, что „какихъ либо свѣдѣній по обвиненію подп. Мясоѣдова въ шпіонствѣ, какъ въ корпусѣ жандармовъ, такъ и въ Департаментѣ полиціи, какъ видно изъ письма директора департамента Бѣлецкаго отъ 4 мая за № 100634 не имѣется". Послѣ полученія донесенія ген. Жилинскаго, военный министръ 19 апрѣля представилъ свои разъясненія коммиссіи Государственной Думы, указывая на полную необоснованность газетныхъ статей и несоотвѣтствіе дѣйствительности сообщенныхъ ими данныхъ, такъ какъ Мясоѣдовъ прямого отношенія къ дѣламъ тайной развѣдки не имѣлъ и не несъ никакихъ отвѣтственныхъ обязанностей и коммиссія по оборонѣ, предсѣдателемъ которой состоялъ самъ Гучковъ, разъясненіями этими повидимому осталась удовлетворенною.

Но кромѣ этого военный министръ 2 мая за № 137 предписалъ Главному военному прокурору произвести разслѣдованіе, имѣ-

лись ли въ распоряженіи Суворина фактическія данныя о преступной дѣятельности Мясоѣдова. Дознаніе это производилъ начальникъ отдѣленія военно-судебнаго управленія Палибинъ, которымъ былъ опрошенъ рядъ лицъ. Суворинъ показалъ, что о чрезвычайномъ развитіи *австрійскаго* шпіонажа онъ слышалъ въ сентябрѣ 1911 г. (слѣдовательно еще до поступленія Мясоѣдова на службу къ Сухомлинову), а Гучковъ подтвердилъ свое объясненіе объ учрежденіи военнымъ министромъ Сухомлиновымъ „системы политическаго розыска въ арміи" и добавилъ, что въ послѣднее время (слѣдовательно какъ будто послѣ описаннаго Суворинымъ чрезвычайнаго его развитія) *австрійскій* шпіонажъ въ Петербургѣ въ своихъ донесеніяхъ въ Вѣну проявлялъ большую освѣдомленность о происходившемъ въ ближайшемъ вѣдѣніи военнаго министра, вплоть до его разговоровъ съ Государемъ, но указать источникъ его знакомства съ положеніемъ дѣлъ австрійскаго шпіонажа отказался и даже впослѣдствіи на судѣ по дѣлу Сухомлинова, принявъ присягу показать „сущую о всемъ правду" и не утаить „ничего мнѣ извѣстнаго", скрылъ этотъ источникъ даже отъ высшаго въ государствѣ суда и послѣдній не только не осмѣлился напомнить этому свидѣтелю принятую имъ присягу, но и придалъ этимъ неизвѣстно отъ кого исходящимъ слухамъ значеніе судебнаго доказательства. Между тѣмъ, генералъ-квартирмейстеръ генеральнаго штаба письмомъ отъ 19 мая за № 875 сообщилъ, что „ни въ настоящее время, ни въ прошломъ генеральный штабъ не получалъ рѣшительно никакихъ, ни прямыхъ ни косвенныхъ указаній на то, чтобы австрійскому правительству или его агентамъ въ

Петербургѣ извѣстно было происходящее въ ближайшемъ окруженіи военнаго министра, вплоть до его разговоровъ съ Государемъ Императоромъ“, а равно и на то „чтобы австрійское правительство вообще въ послѣднее время являлось бы болѣе освѣдомленнымъ, чѣмъ прежде, въ относящихся къ Россіи военныхъ и иныхъ вопросахъ...“, а дежурный генералъ Главнаго штаба Кондзеровскій удостовѣрилъ, что подп. Мясоѣдову никакихъ свѣдѣній изъ Главнаго штаба не сообщалось. По этимъ даннымъ Главный военный прокуроръ призналъ установленнымъ, „что подп. Мясоѣдовъ никакого доступа къ секретнымъ свѣдѣніямъ Главнаго управленія генеральнаго штаба и Главнаго штаба не имѣлъ и порученій по политическому сыску на него никогда не возлагалось“. Объ этомъ 16 мая въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ и другихъ органахъ повременной печати было опубликовано оффиціальное сообщеніе и 21 мая доложено военнымъ министромъ Государю Императору.

Послѣдствіемъ этой скандальной исторіи было еще назначеніе ген. А. А. Поливанова, по инициативѣ самого Императора, въ Государственный Совѣтъ, а помощникомъ военнаго министра ген. Вернандера. Такимъ образомъ гнусная кампанія А. И. Гучкова на этотъ разъ была проиграна, но глухая борьба всетаки продолжалась и ждала только удобнаго момента для того, чтобы разгорѣться съ новою силою и въ болѣе смутное время окончиться успѣшно. Мясоѣдовъ тоже остался исходомъ дѣла недоволенъ. Въ № 12915 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ отъ 1 мая онъ помѣстилъ открытое письмо къ Гучкову, въ которомъ обвиняетъ послѣдняго въ поднятіи противъ него газетной кампаніи, чтобы выдвинуть на постъ военнаго министра генерала

Поливанова. Противъ редакторовъ газетъ „Новое и Вечернее Время“ Михаила и Бориса Сувориныхъ онъ возбудилъ уголовное дѣло, которое на судѣ тянулось годами, пока въ началѣ войны онъ самъ его не прекратилъ, о чемъ и увѣдомилъ Суворина, который на это ему отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ: „М. Г. Сергѣй Николаевичъ.. Я былъ крайне обрадованъ получить Ваше письмо. Какъ Вы совершенно вѣрно говорите въ немъ, теперь намъ не время считаться и я съ своей стороны радъ протянуть Вамъ руку и предать забвенію все прошлое. Примите увѣреніе...“ — что впрочемъ не помѣшало ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ своей газетѣ „Вечернее Время“ тою же протянутою рукою облить простившаго его Мясоѣдова, уже мертваго, потоками грязи. Генералу Сухомлинову Мясоѣдовъ 14 апрѣля 1912 г. писалъ: „Мое немедленное откомандированіе лишь дастъ возможность врагамъ говорить, что, взявъ меня, Вы сдѣлали ошибку, которую теперь спѣшите исправить въ угоду прессы. Я же буду этимъ совершенно опозоренъ..“ И на слѣдующій день онъ вновь обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ говоритъ: „послѣ такихъ обвиненій въ государственной измѣнѣ, появившихся въ газетахъ, надлежитъ возбудить противъ меня немедленно слѣдствіе или же военное вѣдомство должно опровергнуть самымъ категорическимъ образомъ возведенное на меня обвиненіе“. 5 іюня Мясоѣдовъ представилъ предсѣдателю совѣта министровъ В. Н. Коковцеву пояснительную записку о существѣ его отношеній къ Сѣв.-зап. пароходному обществу съ просьбою настоять, чтобы министръ вн. дѣлъ приказалъ провѣрить неправильныя свѣдѣнія полк. Еремина, легшія въ основаніе его письма отъ 16 марта

на имя военнаго министра и копіи этихъ документовъ представилъ послѣднему, но несмотря на это такое разслѣдованіе опять произведено не было.

Наконецъ 16 іюня Мясоѣдовъ писалъ Сухомлинову между прочимъ: „Пишу Вамъ вѣроятно послѣднее письмо... я не хотѣлъ бы повторить ошибку, которую я сдѣлалъ два года тому назадъ въ Карлсбадѣ, попросивъ принять меня на службу... Ваше объясненіе въ Думѣ конечно тоже до извѣстной степени послужило мнѣ въ пользу, но простите, избранный Вами способъ защиты былъ для меня не слишкомъ лестенъ... Ваши разъясненія въ Думѣ можно резюмировать такими словами: служебное положеніе Мясоѣдова было ничтожное и такъ какъ въ рукахъ у него ничего важнаго не было, то поэтому украсть онъ ничего не могъ... конечно Вамъ Дума не повѣрила..." На послѣднее письмо Сухомлиновъ ему отвѣтилъ: „Письмо Ваше меня удивило прежде всего своимъ тономъ, какимъ я, съ своей стороны, не позволю себѣ отвѣчать Вамъ, несмотря на то, что и мои нервы издерганы, вѣроятно не меньше Вашихъ. Что же касается содержанія его, то я совершенно опредѣленно долженъ сказать, что не могу представить себѣ, какъ бы мы съ Вами могли служить вмѣстѣ послѣ этого письма Вашего". На слѣдующій день Мясоѣдовъ письменно извинился: „Когда я писалъ Вамъ послѣднее письмо, то вѣрьте мнѣ, я ни одной минуты не думалъ Васъ оскорбить, а потому я спѣшу принести Вамъ самое глубокое и искреннее сожалѣніе и извиненіе за тонъ и горечь вызвавшіеся у меня въ минуту отчаянія. Простите и не поминайте лихомъ преданнаго Вамъ всей душой С. Мясоѣдова".

Послѣ выхода въ отставку Мясоѣдовъ продолжалъ жить въ Петербургѣ на той же квартирѣ — Колокольная 11 и оставался предсѣдателемъ правленія Общества сѣв.-зап. пароходства — слѣдовательно матеріальное его положеніе и образъ жизни измѣнились мало, а скорѣе къ лучшему. Нравственный вѣсъ выступленій противъ него Гучкова сталъ понемногу выясняться. Такъ осенью 1912 г. въ органѣ октябристовъ „Голосъ Москвы" было помѣщено письмо Мясоѣдова слѣдующаго содержанія: „М. Г. г. редакторъ. Вслѣдствіе поданной мною жалобы 30 іюня состоялось мировое разбирательство у судебнаго слѣдователя 6 уч. Петербургскаго окружнаго суда, на которое прибылъ уполномоченный вами прис. пов. В. М. Голиковъ, заявившій, что Вы желали бы окончить дѣло миромъ и что Вы согласны напечатать опроверженіе по поводу статьи „Шпіонажъ и сыскъ" помѣщенной въ № 93 отъ 23 апрѣля с. г. Полагая, что за 6 мѣсяцевъ Вы могли разобраться въ доходившихъ до Васъ слухахъ и свѣдѣніяхъ обо мнѣ, я воздерживаюсь отъ предъявленія Вамъ текста опроверженія, которое меня удовлетворило бы и, полагаясь всецѣло на Вашу корректность, представляю составленіе таковаго Вамъ самому". И къ этому прибавлено отъ редакціи: „Съ полною готовностью помѣщаемъ въ нашей газетѣ письмо полк. С. Н. Мясоѣдова и считаемъ своимъ долгомъ заявить, что, изучивъ и провѣривъ самымъ тщательнымъ образомъ имѣющіеся въ редакціи матеріалы, мы пришли къ сожалѣнію, къ заключенію, что редакція была введена въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями о полковникѣ Мясоѣдовѣ, о которомъ мы рѣшительно ничего предосудительнаго сказать не можемъ и, въ цѣляхъ

возстановленія добраго имени его, несправедливо нами задѣтаго въ статьѣ „Шпіонажъ и сыскъ“, помѣщаемъ настоящее опроверженіе, которое просимъ и другія газеты перепечатать. При этомъ мы заявляемъ, что опроверженіе это разумѣется, ни въ какой степени не умаляетъ и не смягчаетъ тѣхъ тяжелыхъ обвиненій, которыя мы въ то время предъявили военному министерству и которыя не были и не могли быть опровергнуты“.

Но времена мѣняются. По отбытіи наказанія по суду за дуэль, Гучковъ какъ бы сошелъ съ арены политической борьбы и мѣсто предсѣдателя Государственной Думы занялъ менѣе умный М. В. Родзянко. Потомъ, послѣ осужденія Мясоѣдова и паденія Сухомлинова, военнымъ министромъ былъ назначенъ А. А. Поливановъ, а Гучковъ сдѣлался предсѣдателемъ военно-промышленнаго комитета. Въ дни революціи Гучковъ ѣздилъ съ Шульгинымъ къ Императору съ предложеніемъ объ отреченіи отъ престола, а потомъ онъ вошелъ во временное правительство и уже самъ, въ чинѣ прапорщика, сдѣлался военнымъ министромъ. Однако очень скоро они вмѣстѣ съ лидеромъ партіи „оппозиціи его Величества“ министромъ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковымъ вынуждены были оставить свои посты и тогда Гучковъ, еще до того какъ скрыться изъ Петрограда отъ большевиковъ, хвалясь передъ малоосвѣдомленною аудиторіею своею неустрашимостью, съ которою онъ въ свое время выступилъ противъ Мясоѣдова, выразился, что это онъ его „приберегъ для висѣлицы“ и вообще не боится ничего, кромѣ своей совѣсти. Этимъ признаніемъ онъ съ одной стороны росписался въ авторствѣ тѣхъ „невѣрныхъ свѣдѣній, ко-

торыми были введены въ заблужденіе" не только редакція „Голоса Москвы", но и все общественное мнѣніе, а съ другой ясно доказалъ, что менѣе всего ему страшна была собственная совѣсть, почему и приходится задумываться надъ вопросомъ, не слѣдуетъ ли въ интересахъ Россіи пожалѣть, что Мясоѣдовская пуля въ свое время не попала въ цѣль.

24 апрѣля 1913 г. Мясоѣдовъ подалъ вновь назначенному министру вн. дѣлъ, Н. А. Маклакову, оффиціальную жалобу на полковника Еремина и его сотрудниковъ за служебные подлоги и клевету и просилъ пересмотрѣть дознаніе, произведенное о немъ въ 1906 г. чиновникомъ особ. пор. А. С. Губонинымъ. Въ дѣлѣ имѣется письмо послѣдняго, въ которомъ онъ извиняется передъ Мясоѣдовымъ за некорректныя выраженія потому, что онъ „пользовался матеріаломъ изъ дѣла, не зная, что онъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности". Но директоромъ Департамента полиціи былъ тогда небезизвѣстный по статьямъ кн. Мещерскаго С. П. Бѣлецкій, вся дѣятельность котораго сводилась къ личному, въ цѣляхъ собственной карріеры, угодничеству *) и поэтому не мудрено, что жалоба Мясоѣдова законнаго движенія не получила. Копію этой жалобы Мясоѣдовъ препроводилъ и военному министру при письмѣ, въ которомъ между прочимъ говоритъ: „не въ моихъ правилахъ платить зломъ за добро. Вы меня приняли на службу и благодаря Вамъ въ газетахъ было напечатано опроверженіе отъ

*) Во время революціи тотъ же Бѣлецкій, будучи задержанъ, неоднократно выступалъ въ Революціонномъ Трибуналѣ свидѣтелемъ противъ тѣхъ, которые привлекались большевиками къ отвѣтственности, но и это не спасло его и онъ былъ въ Москвѣ разстрѣлянъ.

военнаго вѣдомства. Это опроверженіе заставило меня забыть непоправимое зло, испортившее всю мою жизнь, которое Вы мнѣ причинили поспѣшнымъ откомандированіемъ и у меня въ памяти осталась лишь признательность къ Вамъ за сдѣланное добро".

Въ началѣ войны Мясоѣдовъ былъ призванъ въ государственное ополченіе, а 29 іюля обратился къ военному министру съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Въ виду наступающихъ дней тяжкихъ испытаній я обращаюсь къ Вамъ съ просьбою простить мнѣ по христіански мои противъ Васъ погрѣшенія, вольныя и невольныя, и разрѣшить мнѣ послужить еще разъ Царю и Родинѣ и дать возможность пожертвовать за нихъ жизнью въ дѣйствующей арміи, а дѣтямъ оставить честное имя". Того же числа ген.-адъютантъ Сухомлиновъ отвѣтилъ, что противъ поступленія его на дѣйствительную службу лично онъ ничего не имѣетъ и объ этомъ ему надлежитъ подать прошеніе въ установленномъ порядкѣ. Съ этимъ письмомъ Мясоѣдовъ обратился сначала къ ген. Ренненкампфу и Курлову, но безуспѣшно, а потомъ къ начальнику штаба X арміи ген.-лейт. Одишалидзе, который нуждался въ людяхъ, знакомыхъ съ восточною Пруссіею и нашими пограничными мѣстностями и владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ. И на рапортѣ о назначеніи въ дѣйствующую армію имѣется резолюція: „Доложено, отвѣтить, что можетъ быть назначенъ переводчикомъ при штабѣ, съ возложеніемъ затѣмъ порученій по развѣдкѣ. 13/X бар. Будбергъ". 1-го ноября 1914 г. состоялся объ этомъ приказъ по военному вѣдомству и 9 ноября Мясоѣдовъ выѣхалъ въ штабъ X арміи, гдѣ онъ однако оставленъ не былъ изъ опасенія, чтобы „по-

вседневная интимная жизнь штаба не сдѣлалась извѣстною военному министру", а былъ командированъ въ районъ Іоганнисбурга. Должность предсѣдателя правленія Общества сѣв.-зап. пароходства Мясоѣдовъ оставилъ за собою, поручивъ женѣ всѣ письма главной конторы въ Либавѣ на имя „Cunard Line" въ Англіи сдавать на почту, а о письмахъ и телеграммахъ на его имя сообщать ему въ дѣйствующую армію, что та добросовѣстно и исполняла.

Съ женою у Мясоѣдова въ послѣдніе годы были нѣсколько натянутыя отношенія, потому что онъ въ 1912 г. сошелся съ Е. А. Столбиною, дочерью своего бывшаго начальника въ Вержболовѣ, которую зналъ еще ребенкомъ. Съ тѣхъ поръ она успѣла выйти за жандармскаго ротмистра и встрѣтившись въ Петербургѣ, они полюбили другъ друга. Возникшія по этому поводу столкновенія съ женою особенно обострились, когда онъ 4 іюля 1914 г. ночью пріѣхалъ домой со своею возлюбленною. Эта семейная драма однако была урегулирована тѣмъ, что изъ-за дѣтей — сына—кадета и дочери—невѣсты офицера одного изъ гвардейскихъ полковъ, — они рѣшили пока не расходиться, а сохранить внѣшнія приличныя отношенія, которыя въ процессѣ были использованы какъ улика противъ К. С. Мясоѣдовой.

Съ фактическимъ хозяиномъ Общества сѣв.-зап. пароходства и директоромъ-распорядителемъ его С. Я. Фрейдбергомъ, у Мясоѣдова за самое послѣднее время тоже возникли недоразумѣнія. По существу дѣло это было весьма прибыльное: Общество владѣло уже 2 большими пароходами „Саратовъ" и „Одесса" и выстроило въ Либавѣ громадный эмигрантскій домъ, но мелкія непріят-

ности съ администраціею и нѣкоторыя безтактности Мясоѣдова при улаживаніи ихъ, вызвали неудовольствіе Фрейдберга и съ досады онъ какъ то выразился, что не прочь бросить все это дѣло. Тогда Мясоѣдовъ вошелъ въ переговоры съ другимъ эмиграціоннымъ дѣятелемъ и притомъ врагомъ Фрейдберга Каценэлленбогеномъ по поводу продажи Общества сѣв.-зап. пароходства. По найденному у него условію Каценэлленбогенъ долженъ былъ устроить эту продажу за 600,000 руб., изъ которыхъ 200 тыс. пошли бы С. Я. Фрейдбергу за акціи, 200 тыс. за эмигрантскій домъ въ Либавѣ, а 200 тыс. руб. — Мясоѣдову, съ оставленіемъ его директоромъ-распорядителемъ на 5 лѣтъ и окладомъ въ 30,000 руб. въ годъ. Но за то Мясоѣдовъ, роспискою отъ 27 мая 1914 г. обязался уплачивать Каценэлленбогену 30% изъ получаемыхъ имъ какъ 200 тыс. руб., такъ и ежегоднаго жалованья. Очевидно по этому поводу Мясоѣдовъ 4 іюля 1914 г. писалъ Столбиной, что у него „былъ большой планъ, при выполненіи котораго онъ могъ сразу заработать 100,000 руб. и увеличить въ нѣсколько разъ свой доходъ“. Это ясно изъ прибавки, что „Фрейдбергъ, какъ будто, раздумалъ отказаться отъ дѣла (Фр. думаетъ уже объ устройствѣ дѣла на новыхъ началахъ, а не объ отказѣ отъ него), что составляло главное условіе при выполненіи моего плана“. Но несмотря на то, что въ дѣлѣ находятся всѣ подлинные документы, письма, условія, росписки и пр., это мѣсто изъ письма Мясоѣдова къ Столбиной было использовано какъ намекъ на таинственныя деньги.

Лѣтомъ 1914 г. г. С. Я. Фрейдбергъ отвезъ свою жену для леченія въ одинъ изъ германскихъ курортовъ, а младшаго сына въ

Англію и 12 іюля вернулся въ Либаву. Но послѣ объявленія войны онъ немедленно выѣхалъ въ Копенгагенъ, спасти жену и старшаго сына изъ германскаго плѣна, и съ тѣхъ поръ остался тамъ. Узнавъ, что Мясоѣдовъ за его спиною велъ переговоры о продажѣ Общества, онъ обмѣнялся съ нимъ рѣзкими письмами и прекратилъ частное знакомство, а въ своемъ письмѣ отъ 21 декабря 1914 г., говоря о возникшихъ между ними недоразумѣніяхъ, предлагаетъ передать дѣло въ судъ. Но и эти несомнѣнныя данныя, тоже имѣющіяся въ дѣлѣ, не остановили судебнаго слѣдователя Матвѣева передъ привлеченіемъ ихъ обоихъ — какъ „сообщниковъ въ шпіонствѣ".

Пароходъ Общества „Одесса" застрялъ въ началѣ войны въ Англіи и телеграммы туда въ Либавѣ въ то время не принимались, поэтому, а отчасти и для расчетовъ съ датскимъ пароходствомъ, управляющій либавскою конторою Борисъ Фрейдбергъ выѣхалъ въ среднихъ числахъ декабря 1914 г. въ Копенгагенъ. Тѣмъ временемъ членъ ихъ правленія, Робертъ Фалькъ, былъ высланъ распоряженіемъ военныхъ властей отъ 16 декабря 1914 г. изъ предѣловъ Прибалтійскаго генералъ-губернаторства, хотя при обыскѣ у него ничего преступнаго не обнаружено. Тогда другой членъ правленія, бар. О. О. фонъ Гротгусъ, далъ ему 6 января визитную карточку къ двинскому предводителю дворянства бар. А. Ф. фонъ Мирбаху, съ просьбою „оказать Фальку помощь дѣломъ и совѣтомъ". Объ арестѣ Фалька дали знать и Фрейдбергу въ Копенгагенъ. Полагая, что Мясоѣдовъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ бывшимъ тогда помощникомъ командующаго войсками и Прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ П. Г. Курловымъ, которому онъ по-

могъ у Сухомлинова, когда противъ него было возбуждено уголовное преслѣдованіе въ связи съ дѣломъ объ убійствѣ П. А. Столыпина, С. Я. Фрейдбергъ 14 января телеграфировалъ женѣ Мясоѣдова въ Петроградъ: „Телеграфируйте Сергѣю, необходимо его видѣть, прибуду въ Петроградъ въ серединѣ будущей недѣли, прошу назначить время и мѣсто — Фрейдбергъ". К. С. Мясоѣдова въ тотъ же день протелеграфировала объ этомъ мужу и онъ письмомъ отъ 15 января отвѣтилъ ей, что „пріѣздъ С. Я. Фрейдберга его не особенно обрадовалъ, хотя по дѣламъ онъ давно долженъ быть; уѣзжая, онъ прекратилъ частную переписку и, проѣзжая черезъ Петроградъ, не пожелалъ повидаться съ нимъ, теперь онъ нуждается въ помощи по частному дѣлу, напр. по дѣлу Роберта, или, что вѣрнѣй, хочетъ убѣдить его отказаться отъ полученія денегъ".

Но С. Я. Фрейдбергъ въ дѣйствительности не пріѣхалъ, а вмѣсто него 18 января вернулся въ Петроградъ его братъ Борисъ Фрейдбергъ и телеграфировалъ Мясоѣдову: „Буду Бѣлостокъ воскресенье, телеграфируйте согласіе, назначьте гостинницу — Борисъ". И 22 января Мясоѣдовъ телеграфировалъ Столбиной, что онъ „24 января будетъ въ Бѣлостокѣ, куда пріѣзжаетъ младшій Фрейдбергъ, потомъ буду среду вечеромъ Вильна". Въ Бѣлостокъ Мясоѣдовъ пріѣхалъ изъ Маргграбово послѣ вызова его изъ Іоганнисбурга, пробылъ тамъ 23 и 24, а 25-го уѣхалъ обратно въ Маргграбово, какъ видно изъ телеграммъ, посланныхъ имъ той же Столбиной. Между тѣмъ Борисъ Фрейдбергъ, вслѣдствіе опозданія поѣздовъ, пріѣхалъ въ Бѣлостокъ только 25-го, когда Мясоѣдова тамъ уже не было, а потому рѣшилъ

встрѣтиться съ нимъ въ Вильнѣ, гдѣ, какъ ихъ встрѣча, такъ и свиданіе Мясоѣдова со Столбиной, состоялись между 1—5 февраля. Съ Фрейдбергомъ прибылъ и Робертъ Фалькъ, но Мясоѣдовъ отказался лично поѣхать въ Ригу къ Курлову, хлопотать о возвращеніи Фалька въ Либаву, а далъ имъ рекомендательную карточку на имя помощника Курлова — жандармскаго полковника М. М. Горленко.

Изъ Вильны Мясоѣдовъ вернулся съ приставленнымъ къ нему тайнымъ агентомъ Дистергофомъ на мѣсто своей новой командировки — въ Ковно, гдѣ они остановились у начальника жандармскаго управленія Нащокина, а черезъ нѣсколько дней переѣхали, съ разрѣшенія коменданта, въ отведенную Мясоѣдову по знакомству пустую квартиру на заводѣ Тильманса, за что всѣ главные служащіе этого завода и самъ Тильмансъ потомъ были арестованы, какъ „сообщники Мясоѣдова". Б. Фрейдбергъ и Робертъ Фалькъ вернулись домой, а Столбина къ себѣ въ Петроградъ. Считая одну визитную карточку на имя Горленко для успѣха ходатайства недостаточною, Б. Фрейдбергъ рѣшилъ запастись еще рекомендательными письмами для Фалька отъ городской управы и заказалъ прис. пов. Воишеву докладную записку, а Мясоѣдову послалъ телеграмму, которую подтвердилъ и письмомъ, о приглашеніи въ Ригу его самого, добавляя, что „документы Роберта будутъ готовы только 20 с. м.". Мясоѣдовъ сначала отказался, а потомъ рѣшилъ всетаки поѣхать и, передавая объ этомъ Дистергофу, добавилъ съ досадою: „не могутъ безъ меня обойтись". Получивъ отказъ Мясоѣдова, Фрейдбергъ 17 февраля послалъ ему новое письмо, въ которомъ говоритъ, что „нѣ-

которыя соображенія заставили меня измѣнить свой взглядъ, очень жаль, что Вы лишены возможности пріѣхать; такъ какъ дѣло касается не меня, то рѣшилъ представить свои соображенія Роберту, которому предоставляю рѣшить вопросъ, какъ правильнѣе поступить" и какъ на новый доводъ необходимости личнаго пріѣзда указываетъ, что „въ концѣ будущей недѣли состоится въ Ригѣ годичное общее собраніе акціонеровъ, пріѣдетъ Робертъ, баронъ и юрисконсультъ — очень жаль, повторяю, что Вы не можете пріѣхать. Возвращаясь къ главному вопросу я хочу еще присовокупить, что времени я все равно не потерялъ, такъ, какъ необходимые документы будутъ готовы не раньше 20 числа, а безъ документовъ мы рѣшили тогда ничего не предпринимать", причемъ адресъ свой въ Ригѣ даетъ у управляющаго мѣстною конторою Фрида — Романовская 52. Изъ этой простой и ясной по содержанію переписки слѣдствіе сумѣло сдѣлать одно изъ главныхъ доказательствъ виновности не только Мясоѣдова, но и Фрейдберга и даже Фрида — въ шпіонствѣ.

18 февраля Мясоѣдовъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Дистергофомъ и 2 офицерами на передовыя позиціи въ Дембову-Буду, гдѣ о чемъ то бесѣдовалъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Бучинскимъ, а вечеромъ того же дня былъ жандармскимъ полковникомъ Швачкиномъ арестованъ. Послѣ своего задержанія онъ написалъ по адресу своей сестры М. Н. Лесли открытку слѣдующаго содержанія: „Дорогая мама — очень прошу немедленно выѣхать, просить главнокомандующаго ген. Рузскаго спѣшно разсмотрѣть мое дѣло. Я *безусловно ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не виноватъ* и не знаю, въ чемъ меня обвиня-

ютъ“. Эта открытка была переслана его брату отст. шт.-ротм. Н. Н. Мясоѣдову, въ имѣніе Ивановское, близь Рославля и послѣдній прiѣхалъ 2 марта въ Варшаву. Послѣ долгихъ хлопотъ комендантъ варшавской крѣпости объявилъ ему, что его братъ дѣйствительно задержанъ и числится за ген. Рузскимъ. Не добившись у послѣдняго прiема, Н. Н. Мясоѣдовъ послалъ ему письмо, въ которомъ между прочимъ говоритъ: „Ему приписываютъ дѣянiе, передъ которымъ блѣднѣетъ измѣна Мазепы. Если бы онъ совершилъ даже часть этихъ преступленiй, то я просилъ бы о милости: позволить мнѣ объявить ему, отъ имени всѣхъ предковъ, всего рода, служившаго вѣрно и скромно 450 лѣтъ своей родинѣ, проклятiе и повѣсить его своими руками... *Но мой мозгъ и серце отказываются вѣрить*, чтобы мой братъ могъ пойти на что либо подобное, пасть такъ низко. Его воззванiе къ матери, непоколебимое благородство и честь которой ему извѣстны, даетъ мнѣ еще большую увѣренность. Онъ не осмѣливался бы взывать къ матери на защиту его предательства, если бы его совершилъ... Я не прошу ни о чемъ, хочу хоть чѣмъ нибудь освѣтить это дѣло. Я знаю, что въ интересахъ государства и армiи слѣдствiе будетъ скорое и самое тщательное, такъ какъ необходимо парализовать послѣдствiя предательства, если таковое совершено. И позоръ ложится не только на фамилiю, но и на армiю и народъ, въ средѣ котораго могутъ народиться предатели“.

Этотъ вопль отчаянiя съ его трогательною вѣрою въ порядочность человѣческой личности и въ безпристрастiе слѣдствiя „въ интересахъ государства и армiи“ остался однако гласомъ, вопiющимъ въ пустынѣ. Гене-

ралъ Н. В. Рузскій рекомендовалъ ему обратиться къ жандармскому генералу Клыкову, а тотъ послалъ это письмо 13 марта за № 2426 ген. Рузскому. И на препроводительной имѣется классическая надпись начальника штаба послѣдняго: „Спѣшно направить *по закону* — Гулевичъ“, потомъ оно попало къ начальнику контръ-развѣдочнаго отдѣленія полк. Батюшину и отъ него къ судебному слѣдователю Матвѣеву — уже послѣ казни Мясоѣдова.

II. Исторія возникновенія дѣла.

Возникло это исключительное по своей обстановкѣ и послѣдствіямъ дѣло при слѣдующихъ весьма странныхъ обстоятельствахъ: Въ декабрѣ 1914 г. вернулся изъ германскаго плѣна подпоручикъ 23 Низовск. пѣх. полка Яковъ Павловичъ Колаковскій, 26 лѣтъ, и разсказалъ, сначала нашему военному агенту въ Стокгольмѣ, подп. Кандаурову, а потомъ въ главномъ управленіи генеральнаго штаба въ Петроградѣ, что онъ, попавъ 17 августа 1914 г. въ плѣнъ, по собственной инициативѣ предложилъ германскимъ военнымъ властямъ свои услуги въ качествѣ шпіона. На первыя его письма переводчику при лагерѣ военноплѣнныхъ Э. Рубену онъ не получилъ отвѣта, а когда написалъ ему третье письмо, то былъ вызванъ въ канцелярію, гдѣ онъ объявилъ, что онъ и всѣ его родственники анархисты-революціонеры, что онъ желаетъ заслужить „милость служить въ нѣмецкомъ подданствѣ“, знаетъ гдѣ закопано знамя и денежный ящикъ Кексгольмскаго полка съ 2-мя серобрянными трубами и т. п.

Послѣ этого его перевезли съ острова Денгольмъ въ Берлинъ, затѣмъ въ Алленштейнъ въ штабъ XX корпуса, гдѣ онъ познакомился съ завѣдующимъ развѣдкою, германскимъ офицеромъ Скопникомъ, который предложилъ ему послѣ войны мѣсто въ Польшѣ или Малороссіи, гдѣ для него купятъ имѣніе и указалъ ему на картѣ мѣстность, гдѣ прорвутся германцы и гдѣ австрійцы, и какъ они окружатъ нашу Вар-

шавскую армію. 6 декабря они отправились на мѣсто, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но ничего конечно не нашли, тѣмъ не менѣе Скопникъ отозвался о немъ „съ лучшей стороны“. Черезъ два дня его доставили въ Инстербургъ, гдѣ нѣмецкіе офицеры, „за чашкою кофе“, опять разсказывали ему свои планы объ окруженіи русской арміи въ Варшавскомъ районѣ. 9 декабря онъ былъ приглашенъ въ штабъ и тамъ предложили ему 2,000 м. въ мѣсяцъ и кромѣ того отдѣльныя денежныя награды за исполненіе возложенныхъ порученій.

Поручили же ему взорвать жел. дорож. мостъ въ г. Варшавѣ, за что обѣщали 200,000 руб., убить вел. кн. Николая Николаевича, за что онъ долженъ былъ получить милліонъ и поднять Польшу и Украйну — также за милліонъ. Возложеніе на него одного такихъ обширныхъ задачъ онъ мотивировалъ тѣмъ, что „офицеры германскаго генеральнаго штаба оцѣнили его какъ человѣка дѣйствительно могущаго произвести цѣлый государственный переворотъ“. 10 декабря его повезли въ Берлинъ, гдѣ ему выдали нѣмецкій паспортъ и 2,000 марокъ и отправили черезъ Стральзундъ въ Стокгольмъ, а черезъ 4 недѣли онъ долженъ былъ возвратиться обратно и доложить обо всемъ.

Такія показанія подпор. Колаковскій далъ 17 декабря въ главномъ управленіи генеральнаго штаба подп. Мочульскому и, какъ видно, о Мясоѣдовѣ въ немъ нѣтъ ни слова. Послѣ этого Колаковскій поселился въ Сѣверной гостинницѣ и сталъ, по его словамъ, „посѣщать проживающихъ въ Петроградѣ полковыхъ дамъ“. 23 декабря онъ былъ опять допрошенъ подп. Мочульскимъ и передалъ мнѣніе „нѣмцевъ въ Инстербургѣ“ о

пріемѣ германцевъ въ русское подданство, о симпатіяхъ русскихъ нѣмцевъ къ Германіи, о безпорядкахъ въ Россіи, издѣвательствѣ тамъ надъ евреями, которые оказываютъ Германіи „большую услугу въ шпіонствѣ“, а также, что лейтн. Бауэрмейстеръ ему говорилъ, что онъ родился въ Петроградѣ, гдѣ жили его родители и только передъ войною выѣхалъ въ Германію, но о Мясоѣдовѣ опять ничего. И только въ протоколѣ допроса отъ 24 декабря занесено буквально слѣдующее: „При отправленіи меня изъ Берлина лейтн. Бауэрмейстеръ совѣтовалъ мнѣ обратиться въ Петроградѣ къ отставному жандармскому полковнику Мясоѣдову, у котораго я могу узнать много цѣнныхъ для нѣмцевъ свѣдѣній“. 25 декабря Колаковскій показывалъ о плохомъ содержаніи въ Германіи нашихъ плѣнныхъ, о жестокомъ обращеніи съ ними, объ убійствахъ священниковъ, объ ограбленіи населенія и т. п., прибавивъ, что нѣмцы „въ широкихъ размѣрахъ пользуются для шпіонажа евреями и еврейками въ занятыхъ ими мѣстахъ въ Польшѣ (Млавѣ, Праснишѣ, Яновѣ, Кольнѣ, Влоцлавскѣ и др.), что послѣдніе приносятъ много важныхъ для нихъ свѣдѣній и охотно услуживаютъ нѣмцамъ“, а о Мясоѣдовѣ или какихъ либо сообщникахъ его, опять ни слова.

Хотя подпор. Колаковскій объясненія свои давалъ и генералъ-квартирмейстеру главнаго управленія генеральнаго штаба и подп. Мочульскимъ, какъ видно, былъ допрошенъ неоднократно, тѣмъ не менѣе изъ дѣла не видно, чтобы эти компетентныя по даннымъ вопросамъ лица придавали разсказамъ его серьезное значеніе, а наоборотъ допросы эти какъ будто никакихъ видимыхъ результатовъ не имѣли. Совсѣмъ другое произошло послѣ то-

го, какъ въ это дѣло вмѣшались жандармскія власти: 8 января 1915 г., когда гулявшему по Петрограду Колаковскому, по собственному его выраженію, „уже надоѣло измышлять для каждаго обстоятельства своего побѣга", онъ былъ допрошенъ въ охранномъ отдѣленіи подп. Волковымъ и съ этого момента мѣняется не только общій характеръ его показаній, но и отношеніе къ нимъ. Объясняя, что онъ попалъ въ плѣнъ, „находясь въ дивизіонномъ лазаретѣ 6 пѣх. дивизіи", Колаковскій прибавляетъ, что переводчикъ Рубенъ говорилъ ему, что виновникомъ войны является вел. кн. Николай Николаевичъ и Англія, что нашъ Государь противъ войны и что „придворная партія въ Россіи — чисто нѣмецкая — тоже не допустила бы до войны съ государствомъ, гдѣ масса ихъ родственниковъ, гдѣ замѣшаны ихъ личные интересы и т. д.", что Скопникъ еще настойчивѣе убѣждалъ его въ виновности войны вел. кн. Николая Николаевича и въ томъ, что „въ концѣ концовъ Россія будетъ побѣждена, Финляндіею завладѣетъ Швеція, Польшею — Германія, Малороссіею — Австрія, Бессарабіею — Румынія и Кавказомъ — Турція...", что для германцевъ страшны какъ военно-начальники лишь Верховный главнокомандующій и генералы Ивановъ, Рузскій, Брусиловъ, а Сиверсъ, Ренненкампфъ — это дѣти въ военномъ искуствѣ, къ тому же, гдѣ имъ воевать противъ Германіи, когда здѣсь масса ихъ родственниковъ и друзей". Лейтнантъ Бауэрмейстеръ „обязалъ его войти въ сношеніе съ отст. жандармскимъ полковникомъ Мясоѣдовымъ, который служилъ раньше въ Вержболовѣ, имъ очень полезенъ и работаетъ съ ними уже 5 лѣтъ, но адреса Мясоѣдова въ Петроградѣ не могъ указать". На слѣ-

дующій день Колаковскій былъ допрошенъ въ развѣдывательномъ отдѣленіи полковникомъ Морачевскимъ, которому онъ объяснилъ, что въ плѣнъ былъ взятъ раненымъ при пораженіи арміи Самсонова и вмѣстѣ съ другими офицерами пытался скрыться, для чего легъ въ вырытую въ землѣ ложбину, но былъ обнаруженъ, что „плѣнныхъ кормятъ скудно, чтобы не умирали съ голоду; на человѣка даютъ въ недѣлю 5 ф. хлѣба", что „особенно германцами было подчеркнуто, что германскій генеральный штабъ уже болѣе 5 лѣтъ пользуется шпіонскими услугами б. жандармскаго полковника и адъютанта военнаго министра Мясоѣдова, съ коимъ подпоручику Колаковскому было рекомендовано войти въ связь. Германскій генеральный штабъ также жаловался на неимѣніе кромѣ Мясоѣдова крупныхъ агентовъ, тогда какъ мелкія услуги имъ оказываютъ преимущественно евреи". Въ тотъ же и на слѣдующій день онъ былъ допрошенъ, впрочемъ безъ составленія протокола, начальникомъ штаба VI арміи ген. Г. О. Раухъ, который, вмѣсто того, чтобы согл. 1185 ст. В. С. У. *) распорядиться о производствѣ по мѣсту полученія свѣдѣній дознанія, на которомъ только и могла выясниться достовѣрность ихъ, 11 января за № 240 передалъ всю переписку, не главному начальнику военнаго округа, а начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго, т. е. въ другой судебный округъ.

---

*) 1185 ст. В. С. У. гласитъ: О всякомъ злоумышленіи со стороны военно-служащихъ, заключающемъ въ себѣ признаки преступнаго дѣянія въ ст. 1181 и 1181^1 указаннаго: военные начальники обязаны немедленно по полученіи о томъ свѣдѣній, донести по командѣ Главному начальнику военнаго округа и въ случаяхъ, изложенныхъ выше въ ст. 1184 дѣлаютъ распоряженіе о производствѣ дознанія.

Въ Ставкѣ эта переписка была получена 14 января и послѣ этого начинается бѣшеная пляска игнорированія и извращенія, какъ фактическихъ обстоятельствъ, такъ даже и исключителныхъ законовъ военнаго времени. Мясоѣдовъ, находившійся въ это время въ районѣ Іоганнисбурга, вызывается 21 января въ штабъ X арміи въ Марграбово, гдѣ начальникъ штаба даетъ ему фиктивную командировку въ районѣ Ковно, съ одновременнымъ приставленіемъ къ нему, въ качествѣ помощника, тайнаго агента Дистергофа. Вся же переписка передается въ контръ-развѣдочное отдѣленіе, начальникомъ котораго состоялъ извѣстный полковникъ Батюшинъ, провокаціонная дѣятельность котораго была потомъ публично разоблачена на судѣ присяжныхъ по дѣлу сотрудничавшаго съ нимъ въ дѣлѣ банкира Рубинштейна и осужденнаго Манаеевича-Мануйлова. Главнымъ помощникомъ Батюшина по веденію настоящаго дѣла сдѣлался жандармскій подполковникъ Леонтовичъ и такимъ образомъ, вмѣсто объективнаго дознанія, получилось тѣсное сотрудничество контръ-развѣдки и охранки, подъ всесильнымъ покровительствомъ облеченнаго Высочайшею властью Великаго князя. Разумѣется, что при такихъ условіяхъ не должно было оставаться ничего святого и мѣсто закона и правды заняли неограниченный произволъ и самая беззастѣнчивая провокація.

Филерское наблюденіе и перлюстрація не ограничились однимъ Мясоѣдовымъ, а были распространены на всѣхъ его родственниковъ, сослуживцевъ и даже простыхъ знакомыхъ и для этого былъ использованъ весь аппаратъ охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управленій во многихъ городахъ Рос-

сіи. Самыя распоряженія разсылались подп. Леонтовичемъ отъ имени начальника штаба главнокомандующаго арміями сѣв.-зап. фронта и исполнялись отдѣльными жандармскими чинами съ особою поспѣшностью и ретивостью. Колаковскій былъ немедленно вызванъ въ Ставку и 15 февраля передопрошенъ Леонтовичемъ. По этому показанію онъ былъ взятъ въ плѣнъ „во время стычки съ нѣмецкими войсками" и въ Инстербургѣ лейтн. Бауэрмейстеръ въ разговорѣ объ условіяхъ его работы въ качествѣ шпіона германской арміи сказалъ ему между прочимъ: „мы уже въ теченіе 5 лѣтъ работаемъ съ вашимъ полковникомъ", а на слѣдующій день, что „упомянутый полковникъ служилъ въ Вержболовѣ и оказывалъ большія услуги германской арміи, пропуская шпіоновъ", и потомъ, что это былъ Мясоѣдовъ. Онъ же сообщилъ еще, „что для шпіонской работы у нихъ была цѣлая организація, въ которой для перевозокъ разныхъ документовъ служила его мать, часто ѣздившая изъ Петрограда въ Германію черезъ Вержболово". посовѣтовалъ ему по прибытію въ Петроградъ розыскать полк. Мясоѣдова, познакомиться съ нимъ въ какомъ либо ресторанѣ и войти въ дѣловую связь, „но пароля къ Мясоѣдову или порученія добыть овѣдѣнія ему дано не было — почему онъ это понялъ какъ желаніе свести его „съ опытнымъ человѣкомъ". Изъ всего этого слѣдуетъ, что Колаковскій слышалъ о Мясоѣдовѣ только отъ Бауэрмейстера, проживавшаго раньше въ Петроградѣ, что Бауэрмейстеръ не ограничился выдачею ему безъ всякой видимой надобности Мясоѣдова, но и оговорилъ родную мать, братьевъ и даже самого себя, что свѣдѣнія о 5-лѣтнемъ сотрудничествѣ и услугахъ Мясоѣдова въ Вержбо-

ловѣ противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ Мясоѣдовъ уже болѣе чѣмъ за 7 лѣтъ до этого, а именно еще въ сентябрѣ 1907 г. оставилъ службу въ Вержболовѣ, что ни Бауэрмейстеру, ни германскому генеральному штабу, ни Колаковскому до самаго момента дачи имъ этихъ показаній не было извѣстно, что Мясоѣдовъ — этотъ важный якобы германскій шпіонъ — уже нѣсколько мѣсяцевъ находился, не въ Петроградѣ, а на театрѣ военныхъ дѣйствій. Поэтому несомнѣнно, что всѣ эти постепенно разросшіяся объясненія Колаковскаго, въ которыхъ 17 декабря еще не было даже упоминанія о Мясоѣдовѣ, а 15 февраля имѣются уже указанія на цѣлую шпіонскую организацію, сильно нуждались въ разъясненіяхъ и подтвержденіяхъ болѣе достовѣрными данными, а во всякомъ случаѣ въ строгой провѣркѣ, которая между тѣмъ произведена не была. Ничего существеннаго не далъ и приставленный къ Мясоѣдову „помощникъ" его Дистергофъ, несмотря на то, что онъ наблюдалъ за нимъ неотступно. И слѣжка за родственниками Мясоѣдова, несмотря на всѣ старанія жандармовъ и филеровъ и перлюстрацію ихъ корреспонденціи, не дала никакихъ результатовъ. Тогда прибѣгли къ излюбленному, при отсутствіи доказательствъ, пріему старой политической полиціи: такъ назыв. „ликвидаціи". 16 февраля отъ имени начальника штаба ген. Гулевича были разосланы телеграммы въ разныя охранныя отдѣленія Россіи объ обыскѣ и арестѣ всѣхъ заподозрѣнныхъ — одновременно въ ночь на 19 февраля — и о доставленіи ихъ въ Брестъ-Литовскъ.

Что все это сдѣлалось съ вѣдома и по иниціативѣ самого Великаго князя видно изъ того, что ген. Гулевичъ въ тотъ же день за-

прашивалъ ген. Янушкевича, слѣдуетъ ли направить ликвидируемыхъ въ Брестъ-Литовскъ или Варшаву „въ видахъ *должнаго* направленія предварительнаго слѣдствія“, увѣряя, что „въ прочности и строгости постановки дѣла при направленіи въ Варшаву является большая увѣренность“, на что ген. Янушкевичъ 17 февраля отвѣтилъ, что ихъ можно направить въ Варшаву, прибавляя, что „*повелѣно закончить дѣло быстро и рѣшительно*“. Послѣ такой директивы Верховнаго главнокомандующаго всѣми арміями фронта и дяди царствующаго Императора очевидно не приходилось болѣе считаться, ни съ дѣйствующимъ закономъ, ни съ правдою, а наоборотъ всѣ дѣйствія должны были быть направлены къ точному исполненію достаточно ясно выраженнаго желанія всесильнаго начальства, что въ дѣйствительности и имѣло мѣсто.

III. Обыски и аресты.

Въ ночь на 19 февраля 1915 г. чинами охранныхъ отдѣленій были произведены обыски у знакомыхъ Мясоѣдова и у знакомыхъ ихъ знакомыхъ, не только въ Петроградѣ, но и въ Вильнѣ, Либавѣ, Ковнѣ, Одессѣ и т. д. Обыскивались сотни лицъ, но ни у кого ничего преступнаго найдено не было. Тѣмъ не менѣе многіе были арестованы и со всѣми своими письменными матеріалами, хотя и не имѣвшими никакого отношенія къ дѣлу, согласно распоряженію Верховнаго главнокомандующаго, доставлены въ Варшаву.

Въ Петроградѣ обыски произведены у 13 лицъ, а именно у жены жанд. ротм. Е. А. Столбиной, у вдовы полк. Н. Ф. Магеровской, у Паулины Бремпель, у учительницы музыки Изабеллы Канъ, у отст. дѣйств. ст. сов. Ѳ. Ѳ. ф. Гроттуса, у жены Мясоѣдова, у отст. генерала Грейфана, у д. с. с. Ѳ. Г. Фрейната, у вдовы шт.-кап. А. ф. Аурихъ и въ квартирахъ выѣхавшихъ до начала войны заграницу германскихъ подданныхъ: Валентини и Бауэрмейстеровъ, причемъ у одной Столбиной, арестованной послѣ возвращенія ея съ вечера въ бальномъ платьѣ, отобраны до тысячи писемъ, нѣсколько сотъ телеграммъ и разныя визитныя карточки, въ томъ числѣ адъютанта кирасирскаго полка Гросмана, поручика генеральнаго штаба Полякова, помощника дворцоваго коменданта Шепеля, полковника Папа-Лазаря, кн. Шервашидзе, свиты генералъ-маіора Д. Я. Дашкова и др.

Въ Вильнѣ тогда же были произведены обыски у Бориса Эпштейна, Меера Кинкульника, Франца Ригерта, Овсѣя Яппу, Павла Гольштейна, Лазаря Шуваля, Амеліи Ахметовой, Исаака Михельсона, Ричарда Тильманса, Эммы Штальгаммеръ и Григорія Михельсона. Въ Ковнѣ, кромѣ Мясоѣдова, были арестованы Домбровскій, завѣдующій заводомъ Тильманса, Гальдинъ, Ротковичъ, купцы братья Шували и владѣлецъ лѣсопильнаго завода Урбанъ, въ Ригѣ — Фридъ, въ Варшавѣ — пом. прис. пов. Лившицъ и Д. Фрейдбергъ. Черезъ нѣкоторое время по одному анонимному доносу въ 4 строки: „въ числѣ многихъ темныхъ агентовъ Мясоѣдова состояли ревизоръ Шмидтъ, Вержболовскій буфетчикъ Карповъ и ковенскій виноторговецъ Капланъ — если проподать, такъ всѣмъ" и указанныя лица по телеграммѣ Леонтовича отъ 13 марта были арестованы и тоже доставлены въ Варшаву.

Въ Петроградѣ была еще арестована вдова богатаго лѣсопромышленника пот. поч. гр. Елена Борошнева, у которой Бремпель была учительницею, а обыски произведены у извѣстнаго банкира Животовскаго, Янсона и др. Въ Либавѣ обыски произведены у управляющаго конторою Общества сѣв.-зап. пароходства Бориса Фрейдберга, Мерейна, Шапиро, въ Двинскѣ у члена правленія этого общества Р. Фалька, въ Одессѣ у пот. поч. гр. Клячко, въ Кіевѣ у брата и сына крупнаго заводчика Альтшиллера, личнаго знакомаго б. кіевскаго генералъ-губернатора, а потомъ военнаго министра В. А. Сухомлинова, въ Вяткѣ у Іосифа Матти, Отто Бронштейна, Густава Гиллерса и арестованъ владѣлецъ паровой мельницы въ Либавѣ, герм. подд. Г. З. Берендъ — и всѣ эти обыски и аресты

не дали ни малѣйшаго слѣда какой-либо преступной дѣятельности.

Самъ Мясоѣдовъ арестованъ вечеромъ 18 февраля въ Ковнѣ, въ квартирѣ начальника мѣстнаго жандармскаго управленія, куда его для этой цѣли пригласили въ гости. Набросились на него сзади, когда онъ, снявъ съ себя оружіе, подошелъ къ телефону. У него нашли 230 р. 73 коп. денегъ, нѣсколько писемъ, копіи докладовъ и другіе матеріалы, относящіеся къ его служебной дѣятельности и частной дѣловой жизни, а именно копіи писемъ его къ ген. Курлову, Ренненкампфу, письма жены и Е. А. Столбиной, копію докладной записки, въ которой онъ неуспѣшность нашей развѣдки объясняетъ тѣмъ, что мѣстные жители изъ нѣмцевъ высланы, а изъ другихъ народностей, за незнаніемъ языка, непригодны, вышеприведенное письмо Б. Суворина, копію представленія начальника Іоганнисбургскаго отряда г.-м. Архипова отъ 20 января за № 358 *), телеграмму полк. Плющевскаго-Плющика отъ 21 января; начатое письмо на имя матери отъ 18 февраля слѣдующаго содержанія: „Дорогая мама, 22-го меня вызвали изъ Іоганнисбурга, гдѣ я жилъ, въ штабъ, 22-го вечеромъ я выѣхалъ и 25-го на этотъ городъ началось наступленіе и войска отступили, въ виду превосходныхъ силъ противника...“

Изъ всѣхъ найденныхъ у Мясоѣдова бумагъ особое вниманіе обратили на себя такъ называемые „адреса 19 января“, т. е. листокъ бумаги съ указаніемъ мѣста расположенія въ указанный день отдѣльныхъ частей X арміи. На этомъ листкѣ имѣется

*) Подлинникъ этого представленія см. Приложеніе II.

слѣдующая надпись: „ротм. Шуринову для подп. Мясоѣдова — шт.-кап. Новицкій“ и по дѣлу выяснено, что адреса эти хранились у Новицкаго и выданы Мясоѣдову оффиціально. Это единственный секретный документъ во всемъ дѣлѣ и на немъ строится предположеніе, что, если-бы онъ попалъ въ руки непріятеля, то это должно было содѣйствовать его успѣху, но въ тоже время нѣтъ никакихъ указаній, чтобы онъ въ дѣйствительности былъ кѣмъ либо выданъ непріятелю или вообще знакомъ послѣднему, а напротивъ установлено, что онъ не только оффиціально переданъ Мясоѣдову, но и при арестѣ его оказался при немъ, а главное, что онъ полученъ имъ 26 января въ штабѣ арміи въ Маргробовѣ, наступленіе же германцевъ, какъ видно изъ начатаго письма Мясоѣдова на имя матери, началось еще 25 января, т. е. до полученія имъ самимъ этого документа. Точно также при обыскахъ, какъ въ квартирѣ Мясоѣдова въ Петроградѣ, такъ и въ правленіи Общества сѣв.-зап. пароходства, ничего преступнаго обнаружено не было, но за то у Столбиной, съ которою Мясоѣдовъ переписывался чуть не ежедневно и о всѣхъ своихъ дѣлахъ, отобрали сотни его писемъ и телеграммъ, по которымъ можно было съ точностью установить, какъ мѣсто пребыванія его въ любой день, такъ и всѣ тревожившія его мысли и дѣла за послѣдніе годы. Однако этотъ богатый матеріалъ остался, какъ и все дѣйствительно важное, совершенно неиспользованнымъ для разъясненія возникшихъ предположеній и подозрѣній.

Какъ производились эти обыски и аресты, видно изъ слѣдующаго: въ числѣ случайныхъ знакомыхъ Мясоѣдова былъ чиновникъ особ. порученій при министрѣ вн. дѣлъ О. Г. Фрей-

натъ, у котораго тоже было предложено произвести обыскъ, арестъ же только по результатамъ обыска, т. е. въ случаѣ обнаруженія данныхъ его прикосновенности къ дѣлу. Обыскъ этотъ производилъ жандармскій ротм. Прутенскій и, вопреки 364 Уст. Уг. Суд., по которой „какъ понятымъ, такъ и хозяину помѣщенія должно быть объявлено по какому дѣлу предпринимается обыскъ и съ какою цѣлью“, не только не исполнилъ этого требованія закона, но и не руководствовался даже основнымъ правиломъ, указаннымъ въ 367 ст. того же Уст., по которой „обыскъ въ бумагахъ подозрѣваемаго лица долженъ быть произведенъ съ крайнею осторожностью... отбирать и прилагать къ дѣлу слѣдуетъ только бумаги необходимыя“, а попросту забралъ всѣ находившіеся въ квартирѣ матеріалы: нѣсколько тысячъ писемъ, копіи и черновики докладовъ по служебнымъ командировкамъ и цѣлые архивы дѣлъ тѣхъ акціонерныхъ обществъ, въ которыхъ Фрейнатъ состоялъ членомъ правленія — въ общемъ свыше 10 пудовъ. Если, по извѣстному изреченію, для обвиненія достаточны 3 строки, то всякому понятно, что изъ такого большого количества матеріала при недобросовѣстномъ отношеніи можно было создать всевозможныя предположенія и какія угодно обвиненія.

Сверхъ того начальникъ Петроградскаго охраннаго отдѣленія, полк. Поповъ, въ отвѣтъ на телеграмму ген. Гулевича, 19 февраля донесъ, что „ни у кого изъ обысканныхъ не было обнаружено матеріала, явно уличающаго ихъ въ преступной дѣятельности, почему всѣ оставлены на свободѣ, кромѣ пяти лицъ, подлежащихъ безусловному задержанію и д. с. с. Фрейната, въ виду обнаруженія у него секретныхъ документовъ, вы-

данныхъ ему по должности и не сданныхъ по увольненіи отъ службы, а также переписки, изъ которой усматривается, что онъ состоялъ директоромъ акціонернаго общества „Вальдгофъ". Указанные „секретные документы" были ордера министра вн. дѣлъ на имя Фрейната, которые, какъ личная собственность, сдачѣ подлежать не могли, а протоколъ объ избраніи Фрейната директоромъ правленія акціонернаго общества „Вальдгофъ" не только представлялся въ министерствѣ Торговли и Промышленности, но и былъ опубликованъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ — слѣдовательно ясно, что Фрейнатъ былъ арестованъ и пристегнутъ къ этому дѣлу не только безъ законнаго основанія, но даже вопреки распоряженію изъ Ставки. Характерно еще, что поданная на незаконныя дѣйствія означеннаго начальника охраннаго отдѣленія жалоба была оставлена товарищемъ мин. вн. дѣлъ В. Ф. Джунковскимъ безъ послѣдствій, потому что „жалобщикъ арестованъ по распоряженію военныхъ властей", что между тѣмъ, какъ видно, не соотвѣтствовало дѣйствительности.

IV. Созданіе особой подсудности.

Большое значеніе въ дѣлѣ имѣло искуственное и незаконное перенесеніе подсудности его. Не взирая на то, что подсудность каждаго дѣла опредѣляется по закону мѣстомъ совершенія или обнаруженія преступленія, что первыя указанія, послужившія основаніемъ для возбужденія дѣла, были получены отъ подпор. Колаковскаго — въ Петроградѣ, что здѣсь проживали и главные заподозрѣнные, которые поэтому не могли совершить никакого преступленія въ другомъ мѣстѣ, дѣло это было перенесено въ Варшаву, гдѣ никто изъ нихъ не только не жилъ, но и никогда не былъ. Поводомъ для перенесенія дѣла послужили не указанныя закономъ основанія, ибо таковыхъ не было, а, какъ видно изъ телеграммы ген. Гулевича отъ 16 февраля „*должное* направленіе предварительнаго слѣдствія" и то, что „*въ прочности и строгости постановки дѣла* при направленіи въ Варшаву является большая увѣренность". Что и самыя военныя власти сознавали противозаконность своихъ дѣйствій, ясно изъ телеграммы того же ген. Гулевича на имя ген. Янушкевича отъ 18 февраля, въ которомъ онъ указываетъ, что на осн. 1434 ст. В. С. У. предварительное слѣдствіе возлагается на военныхъ слѣдователей, но по этому дѣлу, въ виду значительнаго количества заподозрѣнныхъ гражданскихъ лицъ, является крайне желательнымъ поручить предварительное слѣдствіе судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, „наиболѣе опытному въ

веденіи шпіонскихъ дѣлъ, почему онъ проситъ распоряженія министра юстиціи дать ордеръ на производство этого предварительнаго слѣдствія судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ Варшавскаго окружнаго суда Матвѣеву, при непосредственномъ наблюденіи тов. прокурора Варшавской судебной палаты Жижина".

Когда и по какимъ дѣламъ указанныя лица пріобрѣли эту исключительную „опытность", послужившую основаніемъ для нарушенія велѣнія закона, не указано, извѣстно только, что И. Н. Матвѣевъ лишь временно исполнялъ обязанности судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, взамѣнъ призваннаго по мобилизаціи прапорщика Орлова, а Д. В. Жижинъ занималъ должность тов. прокурора, завѣдующаго политическими дѣлами въ Варшавѣ, постановка которыхъ отличалась тамъ особою суровостью, но зато былъ долголѣтнимъ сослуживцемъ въ Варшавѣ полк. Батюшина, фактическаго иниціатора и первоначальнаго руководителя по созданію этого дѣла. И характерно для условій безграничнаго произвола, въ которыхъ оно производилось, что высшій представитель законности въ имперіи, б. министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ *), не остановился передъ преступнымъ превышеніемъ предоставленной ему власти и, подчиняясь противозаконному предложенію военныхъ властей, 23 февраля, по телеграфу и одновременно ордеромъ за № 2812, поручилъ это слѣдствіе указаннымъ лицамъ. Мотивируетъ министръ юстиціи свой ордеръ „порученіемъ

*) Впослѣдствіи разстрѣлянъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ б. министромъ Н. А. Маклаковымъ и др.

Верховнаго главнокомандующаго“ и *288¹ ст.*)* Уст. Уг. Суд., хотя казалось бы, онъ долженъ былъ знать, что какъ приведенная статья не можетъ служить основаніемъ для нарушенія *1434 ст. В. С. У. **)* по буквальному выраженію которой предварительное слѣдствіе по этимъ дѣламъ возлагается „во всѣхъ случаяхъ“ на военныхъ слѣдователей, такъ и „порученіе Верховнаго главнокомандующаго“ по Осн. Гос. Зак. не могло быть поводомъ для отмѣны дѣйствующаго закона и установленнаго послѣднимъ порядка производства дѣла.

Уже 24 февраля тов. прокурора Жижинъ сообщилъ ген. Гулевичу, что производство „возникшаго у военнаго слѣдователя“ дѣла возложено министромъ юстиціи на судебнаго слѣдователя Матвѣева и 28 того же мѣсяца за № 386 прокуроръ палаты препроводилъ означенному слѣдователю отношеніе начальника штаба главнокомандующаго арміями сѣв.-зап. фронта отъ 26 февраля за № 763, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, а 1 марта судебный слѣдователь П. Н. Матвѣевъ составилъ постановленіе о принятіи этого дѣла къ своему производству.

Вмѣсто дознанія къ дѣлу была приложена только краткая записка начальника штаба главнокомандующаго — за подписью ген.-квартирмейстера Бончъ-Бруевича и за скрѣпою начальника отдѣленія полк. Батюшина, заключающая въ себѣ совершенно непровѣренныя и крайне фантастическія агентурныя

---

*) 288¹ ст. УУС. опредѣляетъ лишь порядокъ, по которому судебные слѣдователи по важнѣйшимъ и особо важнымъ дѣламъ приступаютъ къ производству слѣдствія.

) 1434 ст. В. С. У. гласитъ: Производство предварительнаго слѣдствія **во всѣхъ случаяхъ возлагается на **военныхъ** слѣдователей.

свѣдѣнія о какихъ то „центрахъ круга“ германскаго шпіонажа, съ мѣстными „резидентами“ въ разныхъ городахъ Россіи. Въ центрѣ круга будто стоялъ помѣщикъ Ригертъ изъ Вильны, далѣе указывается на Мясоѣдова, С. Фрейдберга въ Копенгагенѣ, Б. Фрейдберга въ Либавѣ и рядъ владѣльцевъ заводовъ, какъ Тильманса, Шуваля, ихъ управляющихъ и конторщиковъ и даже любовницъ, которые такъ и остались непривлеченными къ дѣлу. Единственныя фактическія данныя въ этой запискѣ — это приведенное выше показаніе Колаковскаго, съ опущеніемъ той его части, въ которой говорится объ отсутствіи крупныхъ шпіоновъ въ Россіи, и указаніе на отобраніе у Мясоѣдова „дислокаціи войсковыхъ частей“, т. е. вышеуказанныхъ „адресовъ 19 января“ — опять безъ упоминанія о томъ, что адреса эти были получены имъ оффиціально. Кромѣ этой записки слѣдователю были препровождены еще десятки ящиковъ и тюковъ съ безпорядочно отобранными при обыскахъ у вышеупомянутыхъ лицъ письменными матеріаалми, добросовѣстный разборъ которыхъ потребовалъ бы очень много времени; о производствѣ же военнаго слѣдователя, у котораго дѣло якобы возникло, никакихъ слѣдовъ не имѣется.

И не успѣлъ судебный слѣдователь Матвѣевъ осмотрѣть и часть доставленныхъ ему матеріаловъ, большинство которыхъ впрочемъ признано имъ самимъ неимѣющими отношенія къ дѣлу, и допросить нѣсколько свидѣтелей, а именно тайнаго агента Дистергофа, показавшаго, что съ конца января онъ жилъ вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ и пользовался полнымъ его довѣріемъ, а въ отсутствіи его рылся въ его чемоданахъ, въ которыхъ, кромѣ

вещей германскаго происхожденія, относительно которыхъ Мясоѣдовъ ему говорилъ, что взялъ ихъ изъ покинутаго дома, ничего особеннаго не нашелъ, однако ему показалось подозрительнымъ, что Мясоѣдовъ жалѣлъ денегъ и сокращалъ плату агентамъ, а равно и то, что послѣ пораженія X арміи, онъ былъ „въ прекрасномъ настроеніи" — жандармскаго полковника Буяковича, производившаго дознанія объ „адресахъ 19 января", шт.-кап. Новицкаго и ротм. Шуринова, подтвердившихъ оффиціальную выдачу Мясоѣдову этого документа, такъ какъ первый изъ нихъ считалъ эти свѣдѣнія нужными для него по роду его службы, причемъ Шуриновъ впрочемъ прибавилъ, что Мясоѣдовъ показался ему подозрительнымъ, потому что во время нашего отступленія въ ночь на 27 января „былъ блѣденъ, нервничалъ и не могъ спать", — какъ 16 марта за №534 прокуроръ судебной палаты увѣдомилъ слѣдователя, что „по сообщенію генералъ-квартирмейстера, Верховный главнокомандующій повелѣлъ на осн. 12 ст. Воен. Пол. выдѣлить изъ общаго производства дѣло по обвиненію Мясоѣдова и назначить его къ разсмотрѣнію въ военно-полевомъ судѣ".

Такимъ образомъ общаго приказанія „закончить дѣло быстро и рѣшительно" оказалось недостаточнымъ для достиженія желаемаго результата и потребовалось еще спеціальное повелѣніе, со ссылкою на Воен. Пол. Но не касаясь того, что по 1281 ст. В. С. У. военно-полевые суды учреждаются лишь „въ тѣхъ случаяхъ, когда учиненіе преступнаго дѣянія является настолько очевиднымъ, что нѣтъ надобности въ его разслѣдованіи", и что вообще всѣ соучастники по закону должны судиться въ одномъ судѣ, приведенная статья

Воен. Пол. не оправдываетъ сдѣланной на нее ссылки, такъ какъ говоритъ лишь о чрезвычайной мѣрѣ „для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны", но не предусматриваетъ возможности посторонняго вмѣшательства въ производство чисто судебнаго дѣла. Правильность этого вывода подтверждается тѣмъ, что только послѣ этого, а именно 14 мая 1915 г., былъ изданъ новый законъ — 29[1] ст. Пол. о пол. упр., — предоставившій Верховному главнокомандующему право передачи дѣлъ въ военно-полевой судъ. Отсюда слѣдуетъ, что самое начало этого дѣла ознаменовалось цѣлымъ рядомъ неправильныхъ дѣйствій властей — вплоть до преступнаго превышенія власти министромъ юстиціи и Верховнымъ главнокомандующимъ, создавшими для него вопреки закону особую подсудность, чтобы въ несовершенныхъ формахъ послѣдней затопить истину и скрыть искусственное его инсценированіе.

V. Расправа съ Мясоѣдовымъ.

Судебный слѣдователь Матвѣевъ, не только безпрекословно подчинился незаконному распоряженію Великаго князя, но даже, какъ бы предвидя его, составилъ за день до этого, а именно 15 марта, краткое постановленіе о привлеченіи, почему то, одного Мясоѣдова въ качествѣ объвиняемаго „въ государственной измѣнѣ и открытомъ похищеніи во время войны чужихъ вещей“, безъ всякаго указанія, въ чемъ именно эта „измѣна“ выразилась, между тѣмъ какъ по дѣйствующему уложенію таковая не предусмотрѣна опредѣленною статьею, а является лишь заглавіемъ для цѣлаго ряда преступныхъ дѣяній. Не приводитъ слѣдователь и никакихъ конкретныхъ фактовъ, уличающихъ Мясоѣдова, а ограничивается голословнымъ утвержденіемъ, что онъ „достаточно изобличается показаніемъ свидѣтелей и матеріаломъ, обнаруженнымъ при обыскѣ“. Насколько это обвиненіе, помимо его фактической безсодержательности, несостоятельно, явствуетъ изъ страннаго присоединенія еще другого обвиненія въ „открытомъ похищеніи чужихъ вещей“. Такая заботливая охрана брошеннаго непріятелемъ имущества, не касаясь вопроса о составѣ преступленія, особенно характерна, послѣ историческаго разграбленія нашими войсками Восточной Пруссіи.

Въ тотъ же день Мясоѣдовъ допрошенъ въ качествѣ обвиняемаго, причемъ ему опятьтаки было предъявлено, вопреки закону, об-

виненіе не въ какомъ либо опредѣленномъ дѣяніи, а въ неизвѣстно въ чемъ выразившемся „способствованіи непріятелю“ и въ то же время въ „похищеніи у него имущества“. Не будучи въ состояніи защищаться противъ такого обвиненія, такъ какъ опровергать можно вообще только опредѣленныя положенія, Мясоѣдовъ, не признавая себя виновнымъ, заявилъ, что онъ „категорически отрицаетъ, чтобы когда-либо занимался государственною измѣною“, а по поводу найденныхъ у него вещей, объяснилъ, что въ Іоганнисбургѣ военными властями былъ изданъ приказъ о сожженіи домовъ, оставленныхъ жителями и при этомъ всѣ подбирали разныя уцѣлѣвшія вещи, не считая это преступнымъ; доску же о пребываніи въ 1812 г. Александра I онъ снялъ съ разрѣшенія ген. Архипова для помѣщенія въ музей. Далѣе онъ — очевидно на отдѣльные вопросы — отвѣтилъ, что въ развѣдку, какъ таковую, не стремился, вслѣдствіе плохой ея постановки у насъ, а пошелъ лишь для того, чтобы попасть въ дѣйствующую армію *). Разсказавъ потомъ про вызовъ его изъ Іоганнисбурга, про полученіе 26 января въ штабѣ арміи „адресовъ 19 ян-

*) Въ своей телеграммѣ, найденной (въ отпускѣ) у Мясоѣдова и посланной имъ передъ назначеніемъ на фронтъ ген. Ренненкампфу, онъ писалъ: «Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою принять меня на службу въ дѣйствующую армію куда прикажете — въ строй, развѣдчики. Могу принести большую пользу своимъ знаніемъ Вост. Пруссіи, обычаевъ, языка; служить переводчикомъ, допрашивать плѣнныхъ, завѣдывать прусскими приграничными районами и благодаря знанію многихъ мѣстныхъ жителей, возстановить нормальную жизнь». Послѣ долгой Вержболовской службы всѣ эти заявленія представляются обоснованными и естественными. Кромѣ того попасть въ строй съ высокимъ чиномъ полковника было вообще болѣе чѣмъ затруднительно.

варя“, которые ему нужны были, въ виду командированія на незнакомий ему правый флангъ, про свои дѣла съ Фрейдбергами и передачу Б. Фрейдбергу и Фальку визитной картозки на имя Горленко, потому что онъ самъ по обязанностямъ службы въ Ригу поѣхать не могъ и про свое знакомство съ Сухомлиновыми и дуэль съ Гучковымъ, онъ закончилъ, что „германофиломъ никогда не былъ, любилъ всегда германскую культуру, германскій порядокъ, но всегда оставался русскимъ патріотомъ“ *).

На другой день, 16 марта, слѣдователь Матвѣевъ составилъ болѣе пространное постановленіе, въ которомъ онъ находитъ: что Колаковскій указалъ на Мясоѣдова со словъ Бауэрмейстера, что Мясоѣдовъ былъ знакомъ съ германскимъ Императоромъ, что онъ съ Фрейдбергомъ основалъ Общество сѣв.-зап. пароходства, что онъ женатъ на еврейкѣ **), что въ 1912 г. въ газетахъ появились слухи, обвиняющіе его въ государственной измѣнѣ, что послѣ объявленія войны онъ поступилъ и 9 ноября уѣхалъ въ дѣйствующую армію, что тамъ его поведеніе показалось агенту Дистергофу подозрительнымъ, что 14 февраля онъ получилъ письмо отъ „преданнаго Бориса“, въ которомъ вызывался въ Ригу, съ добавленіемъ, что „документы Роберта будутъ готовы только 20 с. м.“, что 19 февраля онъ поѣхалъ на пере-

*) Подлинное показаніе Мясоѣдова см. Приложеніе III.

**) Еврейское происхожденіе понадобилось здѣсь только какъ неизмѣнный для того времени пріемъ очерненія. При травлѣ Сухомлиновыхъ также не упустили случая утверждать, что Е. В. Сухомлинова еврейка, между тѣмъ какъ на судѣ установлено, что и отецъ ея, Гошкевичъ, и мать — чисто русскіе, и даже изъ духовнаго званія.

довыя позиціи, что онъ разсказывалъ Дистергофу, что похитилъ въ Восточной Пруссіи различныя вещи, которыя у него и найдены, что при обыскѣ у него оказались „адреса 19 января", что онъ говорилъ тому же Дистергофу, что причиною нашей неудачи въ Восточной Пруссіи была повидимому переброска 22-го корпуса въ Галицію, что онъ былъ знакомъ съ Сухомлиновымъ и „могъ знать о настроеніи въ высшемъ обществѣ" и что „изложенными данными" — безъ указанія чѣмъ именно — онъ достаточно изобличенъ въ томъ, что „содѣйствовалъ непріятелю въ его враждебныхъ противъ Россіи дѣйствіяхъ и въ открытомъ похищеніи во время войны разнаго имущества". Полное несоотвѣтствіе этого вывода собственнымъ посылкамъ и явная подтасованность обвиненія какъ будто ясны сами по себѣ.

Послѣ этого слѣдователь продолжаетъ: „сообразивъ вышеизложенное и принимая во вниманіе: 1) что предъявленное Мясоѣдову обвиненіе разслѣдовано съ надлежащею полнотою (?) и что Верховный главнокомандующій повелѣлъ выдѣлить дѣло о Мясоѣдовѣ и передать его въ военно-полевой судъ, а 2) что такая передача должна (?) состояться немедленно въ такомъ видѣ, въ какомъ слѣдствіе находится, руководствуясь 478 и 1039 ст. Уст. Уг. Суд. постановилъ: дѣло о Мясоѣдовѣ препроводить прокурору Варшавской судебной палаты". Не говоря уже о незаконности самого распоряженія Верховнаго главнокомандующаго и о невольномъ противорѣчіи, что съ одной стороны дѣло это въ нѣсколько дней „обслѣдовано съ надлежащею полностью", а съ другой, что „передача должна состояться въ такомъ видѣ, въ какомъ слѣдствіе находится", приведенныя статьи

Уст. Уг. Суд. не оправдываютъ сдѣланной на нихъ ссылки, а наоборотъ обязывали судебнаго слѣдователя, „объявить всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, что слѣдствіе закончено", — что имъ однако исполнено не было — и только „по окончаніи слѣдствія", обставленномъ въ законѣ извѣстными гарантіями, въ настоящемъ случаѣ несоблюденными, препроводить дѣло прокурорскому надзору для составленія обвинителльаго акта или заключенія о прекращеніи слѣдствія.

Того же 16 марта, когда слѣдователь Матвѣевъ составлялъ свое постановленіе, состоялся за № 1 приказъ Варшавскаго коменданта ген.-лейтн. Турбина объ учрежденіи „на основаніи повелѣнія Верховнаго главнокомандующаго" при управленіи Варшавской Александровской цитадели военно-полеваго суда, подъ предсѣдательствомъ полковника ген. шт. Лукирскаго и въ составѣ членовъ полковниковъ: Хвощинскаго, Попова, Глазкова и Кузьминскаго. Обвиненіе было формулировано въ томъ, что Мясоѣдовъ 1) „состоя на службѣ въ корпусѣ жандармовъ, вошелъ въ сношенія съ агентами инстранныхъ правительствъ и сообщалъ этимъ агентамъ для передачи ихъ правительствамъ, и въ томъ числѣ германскому, секретныя свѣдѣнія о нашихъ вооруженныхъ силахъ" и 2) что „продолжая описанную преступную дѣятельность и послѣ объявленія войны, а) усиленно собиралъ свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія русскихъ войскъ для сообщенія агентамъ германскихъ военныхъ властей, съ каковою цѣлью добылъ адреса 19 января, и 18 февраля выѣхалъ въ дер. Дембову-Буду, б) черезъ посредство необнаруженныхъ лицъ довелъ до свѣдѣнія германскихъ военныхъ властей о передвиженіи 22-го корпуса

на юго-западный фронтъ, в) не сообщилъ въ штабъ арміи полученныя имъ отъ Дистергофа свѣдѣнія о германскихъ военныхъ частяхъ и г) что въ Іоганнисбургѣ открыто *) похитилъ принадлежавшія необнаруженнымъ лицамъ разныя домашнія вещи, какъ то картины, гравюры... и др. предметы.

Слушалось это дѣло 18 марта при закрытыхъ дверяхъ и безъ допущенія какой бы то ни было защиты. Засѣданіе было открыто въ 10 час. 35 м. утра и продолжалось съ обѣденнымъ перерывомъ до 6 ч. 15 м. вечера. По предъявленіи обвиненія Мясоѣдовъ по первому и второму пункту виновнымъ себя не признáлъ, а по 3-му, его объясненіе въ протоколѣ засѣданія изложено такъ: „хотя нѣкоторыя вещи и вывезены, но въ похищеніи себя не признаю". Въ качествѣ свидѣтелей вызывались всего 10 человѣкъ, изъ которыхъ агентъ Дистергофъ, жандармскіе офицеры Буяковичъ и Леонтовичъ и кап. Бучинскій вызваны лично, „прочіе же 6 человѣкъ за дальностью разстоянія не вызывались". Вмѣ-

*) «Открытымъ похищеніемъ» по русскимъ законамъ называется грабежъ, въ противоположность «тайному похищенію», т. е. кражѣ. Составъ грабежа требуетъ, чтобы очевидцемъ похищенія былъ самъ потерпѣвшій или вообще лицо, заинтересованное въ охранѣ вещи и надъ ихъ волею было произведено насиліе. Поэтому **говорить объ «открытомъ» похищеніи неизвѣстно кому принадлежащихъ вещей юридически безграмотно,** ибо термины «открытое похищеніе» и «необнаруженныя лица» стоятъ въ непримиримомъ между собою противорѣчіи. Съ другой стороны данный случай нельзя подвести и подъ кражу, которая предполагаетъ съ одной стороны, чтобы вещь не вышла изъ обладанія владѣльца ея, а съ другой намѣреніе похитителя ея, о чемъ при настоящихъ условіяхъ говорить трудно. Изъ этого слѣдуетъ, что это особый видъ захвата чужого имущества, нашимъ закономъ не предусмотрѣнный.

сто журнала судебнаго засѣданія имѣется лишь черновая записка, изложенная настолько неразборчиво, что установить ея содержаніе не представляется возможнымъ. Разсмотрѣвъ дѣло, военно-полевой судъ призналъ Мясоѣдова виновнымъ по 1, п. а., 2 и 3 вопросамъ, а по остальнымъ пунктамъ обвиненія его оправдалъ. Такимъ образомъ судъ призналъ Мясоѣдова виновнымъ въ сообщеніи до войны, но неизвѣстно когда именно, какихъ то неуказанныхъ свѣдѣній неизвѣстнымъ агентамъ и въ собираніи во время войны свѣдѣній „по преимущеcтву“ о мѣстахъ расположенія русскихъ войскъ, т. е. не въ опредѣленныхъ дѣяніяхъ, а въ безсодержательныхъ фразахъ, а также въ открытомъ похищеніи имущества. Но зато, какъ только обвиненіе вышло изъ области отвлеченныхъ понятій и пустыхъ словъ и коснулось фактовъ, какъ передвиженія 22 корпуса и непередачи опредѣленныхъ свѣдѣній, полученныхъ отъ Дистергофа, судъ вынужденъ былъ признать Мясоѣдова въ этомъ невиновнымъ. Нечего и говорить, что въ распоряженіи полеваго суда, допросившаго, какъ уже указано, только 4 свидѣтелей, совсѣмъ не знавшихъ Мясоѣдова до войны, не могло быть рѣшительно никакихъ данныхъ о его дѣятельности во время его жандармской службы, т. е. до 1907 г. и въ 1911—1912 годахъ. Поэтому приговоръ по первому пункту могъ быть постановленъ только въ угоду начальству, а не въ силу доказанности обвиненія. Тѣмъ знаменательнѣе, что по тому пункту, который относился къ послѣднему времени и могъ быть этимъ-же судомъ провѣренъ, о сообщенію непріятелю свѣдѣній во время войны, приговоръ послѣдовалъ оправдательный.

Обращаясь къ назначенію наказанія, судъ подводитъ обвиненіе, изложенное въ 1 отд., подъ 1 п. 111[1] и 2 п. 111[2] ст. Уг. Ул., упуская изъ виду, что по этимъ статьямъ онъ, въ силу 1193[1] и 1435 ст. В. С. У., не могъ даже судить Мясоѣдова, безъ предварительнаго разрѣшенія „вопроса о значеніи для внѣшней безопасности Россіи и военной обороны страны тѣхъ свѣдѣній или предметовъ, въ опубликованіи, сообщеніи, передачѣ или собираніи которыхъ обвиняются привлеченныя по дѣлу лица", — а обвиненіе, изложенное въ п. а., 2 отд. подъ 6 п. 108 ст. Уг. Ул., повидимому не понимая, что одно собираніе свѣдѣній для сообщенія, безъ установленія факта дѣйствительнаго сообщенія или передачи ихъ, не заключаетъ въ себѣ еще состава преступленія, предусмотрѣннаго этою статьею. Но тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ Мясоѣдова къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ этотъ былъ вынесенъ въ 10½ часовъ вечера, а въ 3 ч. 50 мин. утра, т. е. меньше чѣмъ черезъ 5½ часовъ, уже утвержденъ военнымъ напальствомъ и приведенъ въ исполненіе, — въ присутствіи полк. Андреева, подпор. Буковскаго и лѣкаря Войцеховскаго. Въ дѣлѣ имѣются двѣ собственноручныя телеграммы Мясоѣдова слѣдующаго содержанія: „Срочно Мясоѣдовой Мусѣ Петроградъ Колокольная 11. Я осужденъ полевымъ судомъ, *клянусь, что невиновенъ*, умоляй Сухомлиновыхъ спасти, просить Государя Императора помиловать — твой Отецъ" и 2) „Срочно Мясоѣдовой Молоховская площадь Смоленскъ. Осужденъ полевымъ судомъ, просите Государя Императора помиловать *клянусь невиновенъ* Сережа". Передъ исполненіемъ приговора Мясоѣдовъ покушался на самоубійство, нанеся

себѣ 3 раны на шеѣ и одну на лѣвой рукѣ. Только послѣ казни его, а именно 7 апрѣля, были допрошены начальникъ ст. Вержболово Георгій Генингъ и жандармскій унт.-офицеръ Никифоровъ, прослужившіе свыше 20 лѣтъ въ Вержболовѣ, и изъ нихъ 13 вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ, а 16 мая его бывшій письмоводитель Радзевичъ, удостовѣрившіе, что онъ въ Вержболовѣ считался богатымъ, построилъ собственный домъ, но жилъ скромно и никогда ни въ чемъ подозрительномъ замѣченъ не былъ.

Изъ изложеннаго видно, что несмотря на огромное количество отобранныхъ при неправильныхъ обыскахъ матеріаловъ и несмотря на использованіе самыхъ непозволительныхъ пріемовъ сыска — вплоть до приставленія тайныхъ агентовъ, перлюстраціи корреспонденціи и массовыхъ арестовъ, по существу не добыто ни одного фактическаго указанія на передачу или сообщеніе Мясоѣдовымъ кому-либо опредѣленной военной тайны. Мало того, въ дѣлѣ нѣтъ и намека на мотивъ преступленія, т. е. на полученіе имъ до или во время войны какихъ либо денегъ изъ неизвѣстнаго источника, а наоборотъ имѣются указанія, что онъ, будучи вообще обезпеченъ, во время войны нуждался въ деньгахъ, напр. не было наличныхъ заплатить за квартиру, налоги по дому въ г. Вильнѣ, и 8 ноября Мясоѣдовъ обратился къ банкиру Животовскому съ просьбою внести до его возвращенія съ войны на его текущій счетъ въ Русско-Азіатскомъ банкѣ ежемѣсячно по 150 руб., а послѣ ареста дочери его пришлось заложить брошь и серьги матери. И если тѣмъ не менѣе Мясоѣдовъ осужденъ и даже казненъ, то это естественное послѣдствіе того „должнаго направленія", которое это дѣло,

по распоряженію высшихъ военныхъ властей, получило въ Варшавѣ. По закону онъ, въ виду начатаго предварительнаго слѣдствія и предположенія о соучастникахъ изъ лицъ гражданскаго вѣдомства, не могъ быть судимъ въ военно-полевомъ, а съ другой стороны не были соблюдены и куцыя правила, установленныя для этого суда. Вмѣсто протокола судебнаго засѣданія имѣется только неразборчивый черновикъ его, а вмѣсто требуемаго 5 п. Прав. о пол. судѣ и 3 п. 576 и 1378 ст. В. С. У. мотивированнаго приговора — одна резолюція. Такимъ образомъ нѣтъ ни протокола судебнаго засѣданія, ни установленнаго закономъ судебнаго приговора и очевидно, что Мясоѣдовъ былъ умерщвленъ безъ судебныхъ гарантій — во исполненіе воли высшаго военнаго начальства и это явное преступленіе лишь прикрыто симуляціею суда надъ нимъ.

Этимъ подложнымъ обвиненіемъ, подробности котораго, вдобавокъ, скрыты въ опубликованной въ газетахъ телеграммѣ штаба Верх. главнокомандующаго, было введено въ заблужденіе встревоженное общественное мнѣніе, которое подъ вліяніемъ ложныхъ статей періодической прессы сдѣлало имя Мясоѣдова нарицательнымъ. Не было той нелѣпости, которая газетными мародерами не выливалась на его неповинную голову. Богатѣвшіе на выгодныхъ поставкахъ, или загребавшіе высокіе оклады и отличія, воители до побѣднаго конца, захлебываясь кровью „нѣмецкихъ шпіоновъ“, прославляли „рѣшительность“ вел. кн. Николая Николаевича, зараженная идейнымъ максимализмомъ и далекая отъ дѣйствительной жизни, а теперь окончательно растерявшаяся интеллигенція удовлетворилась отвлеченнымъ жупеломъ

„государственной измѣны“ и разряжалась разсужденіями о „германскихъ милліонахъ“ и догадками о „нѣмецкомъ происхожденіи“ Мясоѣдова, а измученный темный народъ, сознавая смутно необходимость конкретнаго обоснованія обвиненія, прямо приписывалъ ему „гибель нашихъ корпусовъ“, „сдачу крѣпости Ковно“ и т. п., но всѣ они дружнымъ хоромъ покрывали совершенное злодѣяніе и несмываемый позоръ русскаго правосудія. Дошло до того, что какой-то негодяй не остановился передъ сознательнымъ оклеветаніемъ уже мертваго Мясоѣдова сенсаціоннымъ сообщеніемъ, будто онъ сознался во всѣхъ взведенныхъ на него преступленіяхъ и эта завѣдомая ложь была подхвачена и лучшими органами нашей печати, не отдававшей себѣ отчета въ томъ, что этого не могло быть, хотя бы потому, что ему никакого фактическаго обвиненія не предъявлялось. И знаменательно, что это имѣло мѣсто уже во время революціи, когда казалось бы, должны были наступить болѣе благопріятныя условія для торжества правды и что ни Вр. правительство, ни одинъ изъ поименованныхъ выше военныхъ судей, ни высшіе чины судебнаго вѣдомства, работавшіе тогда надъ дѣломъ Сухомлинова и знавшіе по документальнымъ даннымъ, что это была завѣдомая ложь, не нашли въ себѣ столько гражданскаго мужества и даже простой порядочности, чтобы возстановить истину, а напротивъ своимъ трусливымъ и расчетливымъ молчаніемъ только содѣйствовали дальнѣйшей фальсификаціи общественнаго мнѣнія по этому вопіющему убійству безвиннаго.

VI. Привлеченіе остальныхъ заподозрѣнныхъ.

Послѣ осужденія Мясоѣдова предварительное слѣдствіе продолжалось въ отношеніи остальныхъ задержанныхъ, какъ „соучастникахъ“ его, хотя онъ самъ, ни въ участіи въ сообществѣ, ни въ совершеніи преступленія въ соучастіи съ другими лицами обвиненъ не былъ, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на осмотрахъ многочисленныхъ писемъ, телеграммъ, визитныхъ карточекъ, дѣловыхъ бумагъ и т. п.

10/30 апрѣля судебный слѣдователь Матвѣевъ составилъ новое постановленіе о привлеченіи, которое можетъ служить образцомъ искаженія истины и запутыванія фактическихъ данныхъ дѣла. Пользуясь односторонне выдержками изъ показаній опрошенныхъ свидѣтелей и необслѣдованными данными протоколовъ осмотра, онъ искусственными сопоставленіями выхваченныхъ изъ нихъ отдѣльныхъ выраженій съ непровѣренными агентурными свѣдѣніями, и собственными произвольными выводами, въ которыхъ подчеркиваются безразличные для обвиненія, но обострившіяся по духу времени обстоятельства, старается создать подозрѣнія и набросить тѣнь на частную жизнь и дѣятельность привлекаемыхъ, завѣдомо игнорируя все то, что должно было служить къ выясненію дѣйствительнаго положенія вещей.

Подробный разборъ этихъ сплошныхъ инсинуацій почти невозможенъ, вслѣдствіе крайней запутанности изложенія, а потому остановимся только на главныхъ доказатель-

ствахъ, выдвинутыхъ противъ отдѣльныхъ привлеченныхъ. Кстати необходимо отмѣтить, что большинство арестованныхъ, указанныхъ въ „запискѣ“ Батюшина, напр. Е. А. Столбина, Н. Ф. Магеровская, П. Бремпель, И. Канъ, А. Ф. Аурихъ, Валентини, Яппу, П. Гольштейнъ, А. Шуваль, И. Михельсонъ, Р. Тильмансъ, Домбровскій, Гальдинъ, Роктовичъ, Карповъ, Шмидтъ, Капланъ, Ворошнева и др. остались непривлеченными къ дѣлу, и тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ были высланы административнымъ порядкомъ. Но за то слѣдствіе пристегнуло къ этому дѣлу другихъ лицъ, на которыхъ не имѣлось даже агентурныхъ указаній, какъ пом. прис. пов. А. Я. Лившица, Д. Фрейдберга, Антонину Кедысъ, Ш. и А. Зальцмановъ и М. Микулиса — однимъ словомъ получилась довольно значительная перетасовка заподозрѣнныхъ.

Исходя отъ показанія Колаковскаго, которому лейтнантъ Бауэрмейстеръ будто рекомендовалъ обратиться къ Мясоѣдову и, имѣя въ виду, что Бауэрмейстеры до войны жили въ Петроградѣ, гдѣ ихъ покойный отецъ былъ однимъ изъ собственниковъ торговаго дома „Лессингъ“, изъ котораго его наслѣдники получили милліонное состояніе, судебный слѣдователь Матвѣевъ привлекъ не только 2-хъ братьевъ Густава и Александра, офицеровъ германской службы, но и мать ихъ, Аду Бауэрмейстеръ, за „организацію шпіонажа“, хотя они были въ Россіи только до войны, а во время войны, когда шпіонство по существу своему только возможно, первые находились на дѣйствительной военной службѣ въ Германіи. Кромѣ нихъ привлеченъ еще германскій уголовный комиссаръ Р. Скопникъ, который по словамъ

Колаковскаго, руководилъ розысками вещей Кексгольмскаго полка, потому что онъ по агентурнымъ свѣдѣніямъ контръ-развѣдки заподозрѣнъ въ участіи въ собираніи тайныхъ свѣдѣній до войны и въ томъ, что, прибывъ по приглашенію правленія Всероссійскаго Общества поощренія примѣненія полицейскихъ собакъ въ маѣ 1914 г. на Всероссійскую выставку въ Петроградѣ, въ качествѣ эксперта, по непровѣреннымъ свѣдѣніямъ какого то агента „особенно интересовался“ военными собаками. Также привлеченъ братъ К. С. Мясоѣдовой А. Гольштейнъ, который уже давно выѣхалъ изъ Вильны и постоянно проживалъ заграницею, потому что Мясоѣдовъ когда-то предложилъ использовать его въ цѣляхъ освѣдомленія. Эти лица, а равно и С. Я. Фрейдбергъ, такъ и остались недопрошенными.

С. Я. Фрейдбергъ привлеченъ на томъ основаніи, что онъ въ 1910 г. основалъ съ Мясоѣдовымъ Общество сѣв.-зап. пароходства, по свѣдѣніямъ Департамента полиціи былъ знакомъ съ Каценэлленбогеномъ, съ которымъ онъ въ дѣйствительности былъ во враждебныхъ отношеніяхъ, что онъ съ начала войны проживалъ въ Копенгагенѣ, гдѣ по даннымъ контръ-развѣдки будто былъ какой то адресъ германскаго шпіонажа, что онъ прислалъ на имя Мясоѣдова три телеграммы съ просьбою о содѣйствіи къ выѣзду заграницу Г. З. Беренду, высланному въ качествѣ германскаго подданнаго въ Вятку, а равно и вышеприведенную телеграмму о свиданіи съ Мясоѣдовымъ, послѣ высылки члена правленія ихъ общества Фалька.

Его брату, Борису Фрейдбергу, управляющему конторою Общества сѣв.-зап. пароходства въ Либавѣ, поставлено въ вину, что онъ

въ среднихъ числахъ декабря 1914 г. выѣхалъ заграницу и, вернувшись въ серединѣ января, послалъ Мясоѣдову телеграмму о свиданіи въ Бѣлостокѣ, далѣе вмѣстѣ съ Фалькомъ встрѣтился съ нимъ въ началѣ февраля въ Вильнѣ, а потомъ написалъ ему указанныя выше 2 письма отъ 12 и 17 февраля за подписью „преданный Борисъ" съ приглашеніемъ въ Ригу, а главнымъ образомъ то, что онъ, уже послѣ ареста Мясоѣдова, послалъ ему 2 телеграммы: отъ 19 февраля за подписью ихъ рижскаго агента Фрида: „Управляющій заболѣлъ, крайне необходимъ Вашъ неотлагательный пріѣздъ Вильну можетъ быть не ранѣе воскресенья, телеграфируйте когда будете" и отъ 20 февраля безъ подписи: „Управляющій выѣхалъ Вильну, проситъ Васъ безотлагательно туда пріѣхать, телеграфируйте Вашему шурину когда будете". По тому же поводу былъ арестованъ и привлеченъ къ дѣлу и С. Фридъ, относительно котораго имѣется только то, что Б Фрейдбергъ распорядился списать съ его счета долгъ въ 342 р. Важно отмѣтить, что Б. Фрейдберга во время обыска, въ ночь на 19 февраля, дома не оказалось и что онъ добровольно вернулся въ Либаву 1 марта, послѣ чего былъ доставленъ въ Варшаву.

Одновременно съ Б. Фрейдбергомъ выѣхали изъ Либавы его жена и пом. прис. пов. А. Я. Лившицъ. Въ Вильнѣ они встрѣтились съ братомъ его Д. Фрейдбергомъ, подъѣхавшимъ изъ Одессы и послѣдній съ Лившицемъ поѣхали дальше, въ Варшаву. Тамъ Лившицъ, явившись въ Мокотовскую тюрьму, гдѣ былъ заключенъ Б. Фрейдбергъ, оставилъ пом. начальника Марановичу вмѣсто 50 р. на собственную пищу Фрейдбергу — 75 р., за что былъ тоже привлеченъ къ дѣлу, какъ

„за содѣйствіе непріятелю въ его военныхъ планахъ, путемъ подкупа тюремной администраціи", а ожидавшій его на улицѣ Д. Фрейдбергъ, какъ соучастникъ остальныхъ обвиняемыхъ, въ виду того, что онъ въ началѣ войны лечился въ Киссенгенѣ и выѣхалъ оттуда по свидѣтельству о натурализаціи своего двоюроднаго брата — американскаго подданнаго, а прибывъ въ Петроградъ въ сентябрѣ 1914 г., обратился къ Мясоѣдову за содѣйствіемъ къ разрѣшенію его сыну держать въ Россіи государственный экзаменъ и освобожденію его отъ воинской повинности, послѣ чего опять поѣхалъ въ Копенгагенъ за аптекарскими товарами.

Противъ либавскаго домовладѣльца и гласнаго городской думы Р. Фалька было выдвинуто, что онъ состоялъ членомъ правленія Общества сѣв.-зап. пароходства, въ которомъ Мясоѣдовъ былъ предсѣдателемъ, что онъ 16 декабря былъ высланъ изъ предѣловъ Прибалтійскаго края и по этому поводу ѣздилъ съ Б. Фрейдбергом- въ Вильну на свиданіе съ Мясоѣдовымъ, а при обыскѣ у него 28 февраля въ Двинскѣ обнаружена визитная карточка бар. О. О. ф. Гротгуса на имя двинсакго уѣзднаго предводителя дворянства бар. Ф. Мирбаха, который кстати тоже по агентурнымъ свѣдѣніямъ жанд. подполк. Бѣловодскаго подозрѣвался въ шпіонствѣ и состоялъ подъ наблюденіемъ, а потомъ и высылался въ Сибирь. Кромѣ того у Фалька было найдено лишь письмо нѣкоего Пинеса изъ Москвы, въ которомъ тотъ сообщаетъ, что сотни людей покидаютъ Либаву и высказываетъ мнѣніе о своевременности заключенія мира.

Другой членъ правленія Общества сѣв.-зап. пароходства, бывш. Туккумскій уѣздный

начальникъ, отст. д. с. с. бар. О. О. ф. Гротгусъ, привлеченъ на томъ основаніи, что въ 1911, 1912 и 1913 гг. состоялъ корреспондентомъ германскихъ изданій „Local-Anzeiger“ и „Die Woche“ и въ 1911 г. былъ знакомъ съ бывшимъ тогда совѣтникомъ германскаго посольства, фонъ-Луціусомъ и что въ томъ же году другой совѣтникъ германскаго посольства фонъ-Мирбахъ, на представленіи о назначеніи нѣкоего ф. Мекка русскимъ консуломъ въ Лейпцигѣ, положилъ резолюцію: „прошу навести справку (Икскюль или Гротгусъ“), въ чемъ слѣдствіе усмотрѣло „доказательство высшаго довѣрія германскаго правительства“, но безъ выясненія къ какому именно Гротгусу это относилось. Между тѣмъ Гротгусовъ въ Петроградѣ тогда было нѣсколько и въ ихъ числѣ Марсель Гротгусъ и бар. Икскюль были третьими секретарями министерства иностранныхъ дѣлъ. Далѣе Гротгусу ставились въ вину совершенно непровѣренный доносъ отъ 27 августа 1914 г. за подписью какой то граф. Ланской, будто она слышала о шпіонской его дѣятельности отъ неизвѣстныхъ бѣженцевъ изъ Курляндіи, а также полученная имъ въ декабрѣ изъ Стокгольма за подписью Левгрена телеграмма слѣдующаго содержанія: „Узнавъ Вашъ адресъ отъ одного друга въ Ригѣ, желалъ бы войти съ Вами въ дѣловыя отношенія. Телеграфируйте согласны-ли пріѣхать въ Стокгольмъ для переговоровъ и какой нуженъ авансъ на дорогу“, потому что контръ-развѣдкою еще до этого получены были свѣдѣнія, что германскій шпіонажъ пользуется въ Стокгольмѣ адресомъ Левгрена. На эту телеграмму Гротгусъ отвѣтилъ: „Только здѣсь возможно“, а когда этотъ отвѣтъ вернулся со справкою: „въ Стокгольмѣ Левгреновъ

нѣсколько“, то послалъ вторичную телеграмму: „переговоры возможны только въ Петроградѣ“, но и эта телеграмма осталась неврученною, со справкою „адресъ не точенъ“. Телеграммы эти съ копіями своихъ отвѣтовъ Гротгусъ представилъ тогда же при письмѣ, что они кажутся ему подозрительными, вице-директору Департамента полиціи А. Т. Васильеву. Изъ числа отобранныхъ у него при обыскѣ документовъ къ дѣлу приложены еще 2 письма Б. Фрейдберга, — послѣднее отъ 16 февраля, въ которыхъ тотъ проситъ оказать содѣйствіе агенту ихъ Общества, Тидеману и сообщаетъ объ общемъ собраніи акціонеровъ въ 20-тыхъ числахъ въ Ригѣ и копія приговора Варшавскаго окружнаго суда отъ 12 февраля 1908 г. о Радзиминскомъ. Для характеристики отношеній между Гротгусомъ и Мясоѣдовымъ интересна выдержка изъ письма К. С. Мясоѣдовой къ мужу отъ 15 ноября 1914 г.: „Баронъ часто спрашиваетъ, пріѣхалъ ли ты, ты вѣроятно не говорилъ, что уѣзжаешь на войну. Евѣ приказала говорить, что тебя нѣтъ въ Петроградѣ и когда пріѣдешь, неизвѣстно. Баронъ такой хитрый, что для него лучше, если онъ позднѣе узнаетъ, что ты уѣхалъ“. И на судѣ К. С. Мясоѣдова объяснила, что это она писала, потому что боялась, чтобы Гротгусъ, узнавъ объ отсутствіи мужа, не потребовалъ выбора другого предсѣдателя правленія и тѣмъ не лишилъ бы ихъ получаемаго по этой должности жалованья.

Самой К. С. Мясоѣдовой ставилось въ вину, что она, узнавъ о связи мужа съ другою женщиною, “писала ему письма, полныя словами любви и готовности исполнять его порученія“, старалась поддерживать хорошія отношенія съ военнымъ министромъ В. А.

Сухомлиновымъ, опускала получаемые изъ Либавской конторы отчеты въ почтовый ящикъ и пересылала мужу въ дѣйствующую армію письма и телеграммы на его имя, „образуя такимъ образомъ цѣпь сношеній“. Свои корректныя письма Мясоѣдова объяснила тѣмъ, что ихъ читала дочь, которая очень любила отца, да отчасти и надеждою вернуть свое семейное счастье, а готовность исполненія порученій — необходимостью помочь бывшему на войнѣ мужу въ сохраненіи матеріальныхъ средствъ къ жизни.

Основаніемъ для привлеченія виленскаго помѣщика Ф. Л. Ригерта послужило то, что онъ, будучи женатъ на родной сестрѣ Мясоѣдовой, состоялъ какъ съ нею, такъ и съ самимъ Мясоѣдовымъ въ перепискѣ и, „не имѣя опредѣленныхъ занятій въ Вильнѣ, живетъ съ доходовъ своего имѣнія, расположеннаго около военнаго полигона“, что онъ, въ цѣляхъ удобренія песчаной почвы въ имѣніи, „взялъ на себя вывозъ нечистотъ съ полигона, что дало ему возможность быть въ общеніи съ военными“, что онъ просилъ Мясоѣдова выслать ему издаваемую генеральнымъ штабомъ карту той мѣстности, въ которой расположено его имѣніе, что у него найдены нѣсколько телеграммъ 1911 г. частнаго характера за подписью „Робертъ“, причемъ оказалось, что это не имя Фалька, а фамилія извѣстнаго артиста Михайловскаго театра, съ женою котораго дочь Ригерта ѣздила въ Парижъ, что жена его свои письма семейнаго характера къ дочери оканчивала просьбою ихъ уничтожить и т. п.

Германскій подданный Г. З. Берендъ, проживавшій съ 3-хъ лѣтняго возраста въ Либавѣ, гдѣ его отецъ выстроилъ одну изъ самыхъ большихъ паровыхъ мельницъ въ Рос-

сіи, которую сынъ и унаслѣдовалъ, состоялъ товарищемъ предсѣдателя биржевого комитета и крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ въ г. Либавѣ. Въ качествѣ такового онъ неоднократно бывалъ въ Петроградѣ, былъ приглашаемъ на междувѣдомственныя совѣщанія въ министерствахъ и въ 1913 г. представлялся Императору. Съ Мясоѣдовымъ Берендъ былъ знакомъ потому, что при помощи его связей провелъ проектъ объ обложеніи пошлиною германскаго хлѣба въ Финляндіи, каковой проектъ прошелъ черезъ Государственную Думу и сталъ закономъ. Съ началомъ войны Берендъ, какъ германскій подданный, былъ высланъ въ Вятку, гдѣ сильно заболѣлъ, вслѣдствіе чего его братъ въ Берлинѣ обратился къ С. Я. Фрейдбергу въ Копенгагенѣ, а тотъ прислалъ нѣсколько телеграммъ Мясоѣдову, съ просьбою содѣйствовать выѣзду Беренда за границу. Кромѣ того Мясоѣдовъ, съ разрѣшенія своего начальства, послалъ Беренду черезъ начальника Вятскаго жандармскаго управленія письмо, въ которомъ онъ, обѣщая свое содѣйствіе къ выѣзду его заграницу, просилъ сообщить о положеніи вещей въ Германіи, на что Берендъ тутъ же, въ присутствіи начальника жандармскаго управленія, отвѣтилъ, что онъ на это согласенъ, „если это не будетъ тайна и ему не придется изъ этого дѣлать тайны".

Владѣлецъ лѣсопильнаго завода на границѣ, Г. А. Урбанъ, 71 л., былъ привлеченъ потому, что Мясоѣдовъ, съ которымъ онъ встрѣчался лѣтъ за 15 до того на охотѣ, заѣхалъ къ нему въ февралѣ 1915 г. вмѣстѣ съ агентомъ Дистергофомъ и просилъ его сообщить о передвиженіяхъ германскихъ войскъ, отъ чего тотъ однако отказался. Какъ улика противъ него использовано, что

онъ въ 1870 г., будучи русскимъ подданнымъ, поступилъ добровольцемъ въ прусскую армію, но за то упущено, какъ это выяснилось на судѣ, что у Урбана 5 сыновей, въ офицерскихъ чинахъ, сражались на нашемъ фронтѣ и старшій изъ нихъ, ротмистръ, уже погибъ геройскою смертью, въ то время, когда его престарѣлый родитель содержался безъ основанія въ тюрьмѣ.

Бывшій чиновникъ особ. порученій V кл. при министрѣ внутр. дѣлъ, д. с. с. О. Г. Фрейнатъ, состоялъ съ мая 1913 г. кандидатомъ въ члены правленія русскаго акціонернаго общества „Вальдгофъ" и съ мая 1914 г. членомъ правленія Общества „Шерингъ", а въ началѣ войны, подавъ въ отставку, былъ выбранъ членомъ правленій этихъ обществъ и предсѣдателемъ правленія Невской писчебумажной фабрики въ Петроградѣ. Кромѣ того онъ былъ однимъ изъ учредителей и постояннымъ членомъ совѣта россійскаго общества поощренія примѣненія собакъ къ полицейской и сторожевой службѣ. По этому поводу ему ставились въ вину его сношенія до войны съ германскимъ уголовнымъ коммиссаромъ Скопникомъ, касавшіяся выписки породистыхъ собакъ для нашихъ полицейскихъ учрежденій. Въ маѣ 1914 г. Скопникъ, англичанинъ Ричардсонъ и всемірный авторитетъ по этому вопросу Герсбахъ, были приглашены Обществомъ въ качествѣ жюри на Всероссійскую выставку военныхъ и полицейскихъ собакъ и по совершенно необслѣдованнымъ агентурнымъ свѣдѣніямъ, „Фрейнатъ о чемъ то распрашивалъ проводниковъ выставленныхъ собакъ и переводилъ это Скопнику", что отчасти соотвѣтствовало дѣйствительности, такъ какъ онъ, какъ распорядитель выставки, обязанъ былъ

оказывать невладѣвшимъ русскимъ языкомъ экспертамъ содѣйствіе въ собраніи нужныхъ для присужденія призовъ свѣдѣній. Но главнымъ образомъ были выдвинуты противъ него разныя неопредѣленныя инсинуаціи и клеветническія выходки въ отношеніи общества „Вальдгофъ", а именно, будто на фабрикѣ этого общества въ г. Перновѣ былъ безпроволочный телеграфъ, что однако опровергнуто неоднократными осмотрами на мѣстѣ, будто на этой фабрикѣ мастерскія были оборудованы настолько полно, что на нихъ можно было чинить морскія суда, что на этой фабрикѣ до войны служило много германскихъ подданныхъ и пожарная команда состояла сплошь изъ германскихъ нижнихъ чиновъ, которые однако, какъ и отвѣтственный по закону техническій директоръ фабрики привлечены не были, что послѣ начала войны на этомъ заводѣ стали выплавлять мѣдь, что общество „Шерингъ" хлопотало о содѣйствіи къ полученію изъ Англіи 2,000 к. іода и т. п.

Не взирая на то, что всѣ указанныя выше данныя, какъ видно, прямого отношенія къ предмету обвиненія не имѣли, слѣдователь Матвѣевъ заключаетъ свое постановленіе явно подтасованнымъ выводомъ, что „совокупностью" ихъ заподозрѣнные „вполнѣ изобличаются" въ участіи въ обществѣ для учиненія противъ Россіи государственной измѣны, подводя это подъ 51, 118 и 2 п. 118² ст. Уг. Ул. и въ содѣйствіи Германіи и германскимъ войскамъ путемъ шпіонства, о чемъ собственно и рѣчи не было, т. е. въ преступленіи предусмотрѣнномъ 6 п. 3 ч. 108 ст. того же Ул. Между тѣмъ въ приведенныхъ выше обязательствахъ дѣла не было не только ни одного факта шпіонства и государственной

измѣны, но и законныхъ признаковъ сообщества, почему ясно, что конечная формула является завѣдомымъ извращеніемъ дѣйствительности. Но изложенная отвлеченными юридическими терминами она въ тоже время должна была ввести въ заблужденіе относительно существа дѣла, какъ несвѣдущее въ юридическихъ тонкостяхъ военное начальство, такъ и военныхъ судей изъ числа строевыхъ офицеровъ.

VII. Преступныя дѣйствія слѣдователя и военныхъ властей.

Изъ предыдущаго видно, что слѣдствіе главнымъ образомъ выхватывало изъ подавляющаго матеріала такіе отдѣльные факты, которые могли быть использованы для уличенія задержанныхъ въ знакомствѣ, хотя бы до войны, съ Мясоѣдовымъ, германскими подданными и даже лицами съ нѣмецкими фамиліями, отнюдь не заботясь о томъ, чтобы данныя эти имѣли отношеніе къ предмету обвиненія. Мало того, эти совершенно посторонніе факты оно оставило не только непровѣренными, но и вовсе необслѣдованными; и такимъ образомъ старалось, играя на инстинктахъ и предубѣжденіяхъ военнаго времени, подкрѣпить безпочвенныя подозрѣнія искусственными инсинуаціями. Какъ широки были дѣйствія слѣдственныхъ властей въ погонѣ за обвинительнымъ матеріаломъ, видно изъ того, что 3—20 мая судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Варшавскаго окружнаго суда, прапорщикъ Орловъ *), въ качествѣ „состоящаго при упра-

*) И много другихъ слѣдственныхъ актовъ написаны рукою этого «состоящаго при управленіи дежурнаго генерала» прапорщика, что однако не помѣшало ему принимать дѣятельное участіе въ военно-полевомъ судѣ по тому же дѣлу. Это недопустимое по закону совмѣстительство было тогда какъ будто обычнымъ явленіемъ, ибо изъ интересныхъ записокъ полк. В. Г. Иванова видно, что и по его дѣлу слѣдователь Кочубинскій былъ приглашенъ для **информированія** военно-полевого суда. Относительно Орлова еще извѣстно,

вленіи дежурнаго генерала", производилъ „осмотръ исходящихъ международныхъ телеграммъ, переданныхъ на датскій кабель изъ 70 городскихъ телеграфныхъ отдѣленій, со всѣхъ городовъ Россіи", причемъ изъ общаго количества 180,000 телеграфныхъ депешъ были изъяты всего 2: изъ Архангельской губерніи по адресу Христіанія — Бахгольцъ за № 8 отъ 3 августа 1914 г. и отъ Гагена, Асторія Петроградъ по адресу Густава Паттъ въ Стокгольмѣ за № 4114 отъ 26 января 1915 г. „Другихъ же телеграммъ, имѣющихъ отношенія къ дѣлу Мясоѣдова", какъ буквально сказано въ составленномъ по этому поводу протоколѣ, „не оказалось". Но и изъятыя телеграммы, какъ выяснилось впослѣдствіи, были „дѣлового характера" между посторонними торговыми фирмами.

Насколько съ другой стороны положеніе задержанныхъ было беззащитно и безправно, видно изъ участи поданныхъ ими жалобъ, по которымъ, не только не дѣлалось никакихъ распоряженій, но не получалось даже отвѣтовъ. Такъ впослѣдствіи оказалось, что прошеніе О. Г. Фрейната отъ 25 февраля на имя командующаго VI арміи, за которымъ онъ тогда числился, объ опросѣ его для выясненія причинъ его задержанія, было передано прокуроромъ Петроградской судебной палаты 2 марта въ штабъ главнокомандую-

---

что онъ участвовалъ и въ коммиссіи Батюшина, разоблаченной по дѣлу Манасевича-Мануйлова, а впослѣдствіи при большевикахъ подъ фамиліею Орлинскій, состоялъ предсѣлателемъ одной изъ слѣдственныхъ коммиссіи въ Петроградѣ. Фамилію свою онъ перемѣнилъ, не изъ стыда передъ товарищами по судебному вѣдомству, а по собственнымъ его словамъ, изъ опасенія, чтобы германцы его не повѣсили за **«производство» шпіонскихъ дѣлъ.**

щаго арміями сѣв.-зап. фронта, гдѣ на немъ положена слѣдующая формально безсодержательная, а по существу ироническая резолюція „по закону 7/III Гулевичъ“ и далѣе: „надо препроводить всѣ прошенія судебнымъ властямъ М. Батюшинъ“. На его же прошеніи отъ 5 марта на имя начальника штаба главнокомандующаго арміями сѣв.-зап. фронта, за которымъ его перечислили, о производствѣ дознанія, таже лаконическая резолюція „по закону 7/III Г.“ и „слѣдователю М. Б.“. Военный же министръ поданное ему прошеніе о назначеніи компетентнаго лица для производства дознанія препроводилъ 4 марта начальнику штаба главнокомандующаго арміями сѣв.-зап. фронта, который положилъ на немъ ту же классическую резолюцію: „по закону 7/III Г.“. Далѣе жаловаться было некому, да и безцѣльно, и осталось только подчиниться произволу.

Создавъ изъ постороннихъ фактовъ и нелѣпыхъ измышленій инсинуаціонное обвиненіе, судебный слѣдователь разумѣется не могъ предъявить его обвиняемымъ въ какой либо конкретной формѣ, какъ то повелѣваетъ законъ, т. е. не могъ имъ указать, въ чемъ именно они обвиняются, а вынужденъ былъ ограничиться предъявленіемъ имъ одной отвлеченной формулы, исключающей возможность защищаться. Но зато онъ опрашивалъ обвиняемыхъ по всѣмъ выдвинутымъ противъ нихъ обстоятельствамъ и, излагая показаніе каждаго изъ нихъ на десяткахъ страницъ, съ одной стороны получилъ случайныя противорѣчія и новыя кажущіяся улики, а съ другой настолько осложнилъ самое дѣло, что разобраться въ немъ чрезвычайно затруднительно, а для коллегіальнаго суда безъ всякаго обвинительнаго акта и прямо невозмож-

но. Мало того, для подкрѣпленія придуманнаго обвиненія и окончательнаго запутыванія дѣла къ нему были пристегнуты лица, не только не имѣвшія ничего общаго съ остальными заподозрѣнными, но и не слышавшія даже о Мясоѣдовѣ. Для этой цѣли было использовано ненормальное состояніе явно психически больной и ея бредовыя измышленія, какъ подлинное судебное доказательство.

Дѣло въ томъ, что еще до возникновенія этого дѣла и даже до приказа о назначеніи Мясоѣдова въ дѣйствующую армію, а именно 30 октября 1914 г. въ г. Минскѣ, была задержана за „праздношатательство“ нѣкая Антонина Кедысь. При предъявленіи ея писарь Турневичъ и свидѣтельница Драгулисъ опознали въ ней извѣстную имъ проститутку изъ Сувальской губерніи, неоднократно судившуюся за кражи и до начала войны содержавшуюся въ Волковыской тюрьмѣ. Узнавъ, что ее предполагаютъ выслать на родину этапнымъ порядкомъ, Кедысь въ Минской тюрьмѣ повѣсилась, а когда ее сняли съ петли, то стала утверждать, что она германская шпіонка, причемъ давала самыя разнорѣчивыя объясненія, не имѣвшія ни малѣйшаго отношенія къ настоящему дѣлу. Но по мѣрѣ прохожденія ею тюремъ Западнаго края, разсказы ея стали касаться событій послѣдняго времени. Весною 1915 г. она содержалась въ Гродненской тюрьмѣ вмѣстѣ съ Эммою Бейнертъ, которая до задержанія жила на ст. Шестаково, въ домѣ Микулиса, и разсказала ей свою грустную исторію. Послѣ этого Кедысь стала оговаривать этого Микулиса, Ригерта и М. и А. Зальцмановъ, первыхъ двухъ въ участіи съ нею въ передачѣ германцамъ какихъ то не-

извѣстныхъ свѣдѣній, а послѣднихъ въ продажѣ еще до войны какому то германскому офицеру, съ которымъ она будто бы пріѣзжала изъ Тильзита, чертежа мѣстнаго моста. По ея словамъ, она ни до, ни послѣ этого въ Гроднѣ не была, а между тѣмъ осмотромъ книги пріѣзжихъ той гостинницы, въ которой проживали и Зальцманы, установлено, что и Антонина Кедысь въ ней прописана, прибывшею 9 марта 1914 г. изъ Сувалокъ и выбывшею 27 апрѣля въ Бѣлостокъ. Даже жандармскій унтеръ-офицеръ Антоновичъ, доставившій ее 9 мая въ Варшаву, отмѣчаетъ ненормальность Кедысь, и тѣмъ не менѣе она слѣдователемъ Матвѣевымъ не только не была освидѣтельствована въ состояніи ея умственныхъ способностей, а напротивъ допрошена, сначала въ качествѣ свидѣтельницы, а потомъ на основаніи ея голаго оговора, какъ она сама, такъ и Микулисъ и Зальцманы привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ по этому дѣлу, т. е. какъ соучастники Мясоѣдова. И на допросахъ у слѣдователя Кедысь постоянно мѣняла свои неправдоподобныя показанія, согласно которымъ она сдѣлалась шпіонкой, не за деньги, а изъ любви къ Германіи и въ надеждѣ на полученіе ордена, была лично знакома съ германскимъ кронпринцемъ и т. п., пока не договорилась до того, что она даже и не Кедысь, а Берта Шварцъ, хотя личность ея была установлена. Въ Мокотовской тюрьмѣ она неистово стонала и кричала, пока 25 мая не кончила свои страданія самоубійствомъ.

Само собою разумѣется, что при предъявленіи предварительнаго слѣдствія, обязательномъ по закону и безъ котораго оно не могло получить дальнѣйшаго направленія, всѣ эти преступныя ухищренія должны были

обнаружиться и были бы установлены, не только невиновность привлеченныхъ, но и полное отсутствіе состава преступленія. Но эта, самая существенная часть слѣдствія, заключающаяся въ томъ, что обвиняемые должны быть опрошены, не желаютъ ли они добавить что либо въ свое оправданіе и указанія ихъ провѣрены, слѣдователемъ Матвѣевымъ вовсе не была соблюдена, а наблюдающій за слѣдствіемъ тов. прокурора Жижинъ конечно тоже не нашелъ нужнымъ настаивать на исполненіи закона.

По 2 п. 1156 ст. В. С. У. для государственныхъ преступленій, перечисленныхъ въ 1181 ст. того же Уст., установленъ особый порядокъ производства и въ силу 1431 ст. эти дѣла и въ военное время должны были производиться по правиламъ III разд. В. С. У. т. е. были подсудны только военно-окружнымъ или особымъ военнымъ судамъ, въ которыхъ они разбирались, не иначе, какъ по истребованіи отъ генеральнаго штаба заключенія о значеніи для внѣшней безопасности и военной обороны тѣхъ свѣдѣній, въ передачѣ которыхъ привлеченные обвиняются и на основаніи составленнаго военно-прокурорскимъ надзоромъ обвинительнаго акта, съ допущеніемъ защиты и т. д. Но вся бѣда была въ томъ, что, какъ ясно изъ вышеизложеннаго, въ дѣлѣ не было указаній на передачу непріятелю какихъ либо конкретныхъ свѣдѣній, а потому и нельзя было истребовать заключенія о значеніи ихъ; съ другой же стороны и о составленіи обвинительнаго акта не могло быть рѣчи, такъ какъ при группировкѣ разбросанныхъ по 10 томамъ обстоятельствъ дѣла никого уже нельзя было ввести въ заблужденіе, и стали бы очевидными не только отсутствіе уликъ противъ привле-

ченныхъ, но и невозможность формулировать фактическіе признаки какого либо преступленія. А потому, очевидно въ цѣляхъ „прочности и строгости постановки дѣла", весь законный порядокъ былъ по просту выкинутъ за бортъ.

11 іюня за № 1499, тов. прокурора Жижинъ увѣдомилъ слѣдователя, что начальникъ штаба II арміи сообщилъ ему „для исполненія" предписаніе командующаго арміею, основанное на распоряженіи Верховнаго главнокомандующаго, о передачѣ этого дѣла въ силу 12 ст. Воен. Пол. на разсмотрѣніе военно-полеваго суда. Самого распоряженія Верховнаго главнокомандующаго въ дѣлѣ нѣтъ и чѣмъ таковое вызвано и при какихъ условіяхъ состоялось, остается тайною. Но за то въ дѣлѣ имѣется телеграмма начальника штаба сѣв-зап. фронта Варшавскому коменданту отъ того же 11 іюня за № 396 о томъ, что „Верховный главнокомандующій велѣлъ" дѣло Фрейдберга и др. передать на разсмотрѣніе военно-полеваго суда. Непримѣнимость въ настоящемъ случаѣ 12 ст. Воен. Пол. доказана выше и что это сознавалъ самъ Верховный главнокомандующій, вытекаетъ изъ того, что имъ же былъ представленъ 13 мая проектъ 29¹ ст. Пол. о пол. упр., предоставляющій ему право передачи всѣхъ дѣлъ военныхъ судовъ въ военно-полевой судъ; но на эту статью онъ ссылаться не могъ, потому что она не была еще въ установленномъ Осн. Гос. Зак. порядкѣ обнародована, а потому не имѣла силы закона.

И судебный слѣдователь Матвѣевъ не могъ конечно не знать, что 12 ст. Воен. Пол. не могла измѣнить установленнаго судопроизводственными законами порядка производства судебныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе онъ,

не взирая даже на то, что самъ законъ обязывалъ его довести начатое имъ слѣдствіе до конца порядкомъ, въ немъ указаннымъ, и вообще никакого исключенія изъ этого порядка не знаетъ, того же числа постановилъ препроводить дѣло прокурору Варшавской судебной палаты „въ такомъ положеніи, въ какомъ оно находится", хотя законъ направленія предварительнаго слѣдствія въ такомъ положеніи не допускаетъ. Съ другой стороны не можетъ подлежать сомнѣнію, что противозаконное распоряженіе Верховнаго главнокомандующаго, прерывая начатое по дѣлу предварительное слѣдствіе, лишило не только привлеченныхъ неотъемлимаго права на предъявленіе послѣдняго, на представленіе своихъ возраженій и доказательствъ несостоятельности обвиненія и вообще на выясненіе истины по этому искусственно созданному дѣлу, но и самыя непровѣренныя въ установленномъ порядкѣ данныя предварительнаго слѣдствія ихъ доказательной силы и вообще судебнаго значенія. По существу же это распоряженіе представляетъ собою слѣдующій этапъ по пути настойчиваго стремленія къ осужденію невинныхъ и превращенію суда въ бойню — для убійства своихъ же согражданъ, что осуществить однако полностью удалось не сразу, вслѣдствіе порядочности интеллигентнаго состава военно-полевого суда, а потребовало еще дальнѣйшаго преступнаго превышенія власти и болѣе прямого давленія на совѣсть подчиненныхъ судей.

VIII. Военно-полевой судъ въ Варшавѣ.

11 іюня за № 346 ген. Гулевичъ телеграфировалъ Варшавскому коменданту ген.-лейтн. Турбину: „Верховный главнокомандующій повелѣлъ дѣло Фрейдберговъ и др. передать на распоряженіе военно-полевого суда. Главнокомандующій фронтомъ приказалъ Вамъ по полученіи сего дѣла отъ прокурора Варшавской судебной палаты сформировать для сужденія ихъ военно-полевой судъ, руководствуясь прил. VIII къ ст. 1309, въ случаѣ недостатка членовъ обратиться къ командующему 2 арміи — распоряженіе ген. Квицинскому послано". И на этомъ основаніи дѣло это, вопреки велѣніямъ 2 п. 1156, 1181—82, 1279, 1281, 1431—32 ст. В. С. У., попало въ военно-полевой судъ. Судъ этотъ былъ сформированъ приказомъ по Варшавской Александровской цитадели отъ 14 іюня за № 6, судьями назначены: предсѣдатель ген.-маіоръ Бухъ, а членами генеральнаго штаба полковники: Рябиковъ и Пулевичъ, лейбъ-гв. Литовскаго полка полк. Бьерклундъ и ген.-шт. подполк. Тереховъ.

Вмѣсто обвинительнаго акта изданъ приказъ о преданіи суду, который, почти дословно повторяя отвлеченную обвинительную формулу предварительнаго слѣдствія, вмѣняетъ подсудимымъ въ вину, безъ указанія фактическихъ данныхъ: 1) „участіе въ сообществѣ для учиненія противъ Россіи государственной измѣны, подводя это, также ошибочно какъ и слѣдствіе, подъ 51, 1 п. 118, и 2 п. 118^2 ст. Уг. Ул. и 2) „содѣйствіе Гер-

маніи и германскимъ войскамъ, путемъ шпіонства въ ихъ пользу...“ — т. е. преступленіе, караемое 51 и 6 п. 3 ч. 108 ст. того же Ул. Суду были преданы: О. О. ф. Гротгусъ, О. Г. Фрейнатъ, К. С. Мясоѣдова, Б. Я. Фрейдбергъ, Д. Я. Фрейдбергъ, Р. И. Фалькъ, И. З. Фридъ, Г. З. Берендъ, Г. А. Урбанъ, О. Л. Ригертъ, Ш. и А. Зальцманы, М. М. Микулисъ и А. Я. Лившицъ — послѣдній впрочемъ только за покушеніе оказать существенную помощь непріятелю во время войны.

На судѣ, состоявшемся 15 и 16 іюня 1915 г. въ Александровской цитаделѣ, допрошены въ качествѣ свидѣтелей: агентъ Дистергофъ, показавшій объ одномъ Мясоѣдовѣ, а изъ наличныхъ подсудимыхъ знавшій только Урбана, у котораго онъ былъ съ Мясоѣдовымъ, жанд. подп. Леонтовичъ, начавшій съ того, что имъ произведено дознаніе, котораго однако въ дѣлѣ не было, и черезъ своихъ агентовъ, которые не были вызваны, и посредствомъ перлюстраціи переписки, установлена „связь“ между наличными подсудимыми, но при болѣе подробныхъ распросахъ его со стороны суда оказалось, что связь эта состояла въ простомъ знакомствѣ и то не всѣхъ подсудимыхъ между собою и что за всѣми принятыми свидѣтелемъ мѣрами ничего явно преступнаго не обнаружено; потомъ жандармскій ротмистръ Шатковскій, удостовѣрившій, что онъ до войны былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со Скопникомъ и слышалъ отъ него восторженные отзывы о полезной дѣятельности и энергіи Фрейната, далѣе жанд. ротм. Тарасевичъ, пом. начальника тюрьмы Марановичъ и нѣсколько надзирателей, показавшіе объ условіяхъ задержанія Лившица и Фрейдберга, которые пріѣхали

хлопотать объ улучшеніи пищи арестованному Б. Фрейдбергу. Кромѣ того на судѣ читалось много протоколовъ предварительнаго слѣдствія, приложенныя къ дѣлу письма отдѣльныхъ подсудимыхъ, но изъ всего этого матеріала вытекало только то, что большинство подсудимыхъ были съ Мясоѣдовымъ или случайно знакомы, или въ чисто дѣловыхъ отношеніяхъ, а нѣкоторые о немъ даже не слышали, такъ что ни о какомъ преступномъ сообществѣ не могло быть и рѣчи и вообще въ дѣйствіяхъ, какъ наличныхъ подсудимыхъ, такъ и самого Мясоѣдова, ничего преступнаго усмотрѣть нельзя было.

Только Ригертъ, Микулисъ и Зальцманы оговаривались болѣе опредѣленно показаніемъ повѣсившейся Кедысь, первые — въ участіи съ нею въ передачѣ непріятелю какихъ то неуказанныхъ свѣдѣній, а послѣдніе два — въ продажѣ, но еще до начала войны, какому то германскому офицеру чертежа мѣстнаго моста. Борисъ и Давидъ Фрейдберги давали нѣсколько сложныя объясненія по поводу отдѣльныхъ выраженій въ своихъ письмахъ Мясоѣдову и въ особенности послѣдній не могъ съ достаочною убѣдительностью установить, почему онъ свою телеграмму отъ 19 февраля изъ Риги подписалъ фамиліею своего служащаго Фрида. По этимъ сомнѣніямъ, которыя, какъ видно, ничего не доказывали, военно-полевой судъ призналъ двухъ Зальцмановъ и Б. Фрейдберга виновными по второму пункту приказа о преданіи суду и приговорилъ ихъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а Микулиса, Д. Фрейдберга и Ригерта — по 1 пункту — къ каторгѣ, первыхъ двухъ на 10 лѣтъ, а послѣдняго на 4 года, постановивъ за Ригерта, который по запискѣ Батюшина былъ

„центромъ круга“ всего германскаго шпіонажа, ходатайствовать о смягченіи участи, вслѣдствіе „не вполнѣ сознательнаго отношенія и бѣдственнаго имущественнаго и семейнаго положенія“. Остальныхъ 8 подсудимыхъ военно-полевой судъ призналъ невиновными въ приписываемомъ имъ преступленіи и по суду оправданными.

Такимъ образомъ судъ, лично допросивъ свидѣтелей и непосредственно ознакомившись съ приложенными къ дѣлу вещественными доказательствами, убѣдился въ невиновности большинства подсудимыхъ и только тамъ, гдѣ онъ самъ не могъ провѣрить данныхъ предварительнаго слѣдствія, онъ поневолѣ остался подъ ихъ пагубнымъ вліяніемъ. Что это было именно такъ, ясно изъ самого приговора, по буквальному выраженію котораго Ригертъ, Микулисъ и Зальцманы уличены „показаніемъ Кедысь“, а Фрейдбергъ — „своими письменными сношеніями съ Мясоѣдовымъ“, хотя одинъ голый оговоръ обвиняемой Кедысь, по самому существу своему, не могъ служить судебнымъ доказательствомъ, а простыя „письменныя сношенія“, даже при виновности Мясоѣдова, не доказывали еще ни „участія въ сообществѣ“ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ въ этомъ не былъ обвиняемъ, ни „содѣйствія Германіи и германскимъ непріятельскимъ войскамъ“. Несамосостоятельность военно-полевого суда по этимъ вопросамъ подтверждается еще тѣмъ, что онъ, идя по стопамъ предварительнаго слѣдствія, признаетъ Зальцмановъ уличенными въ шпіонствѣ показаніемъ Кедысь, которая между тѣмъ оговаривала ихъ лишь въ передачѣ чертежей до войны, что по закону составляетъ не шпіонство, а совершенно другое преступленіе, предусмотрѣнное 2 п.

111[1] ст. Уг. Ул. и влекущее за собою не смертную казнь, а лишь каторжныя работы; точно также онъ вслѣдъ за предварительнымъ слѣдствіемъ, подводитъ признанное имъ въ отношеніи Микулиса, Д. Фрейдберга и Ригерта участіе въ сообществѣ не только подъ 118 ст. Уг. Ул., которою такое участіе предусмотрѣно, но еще и подъ 51 и 2 п. 118[2] ст. того же Ул., которая караетъ совершенно другое преступленіе, а именно соучастіе въ фактической выдачѣ во время войны опредѣленной тайны и влечетъ за собою болѣе тяжкое наказаніе — срочную каторгу. Безпочвенность обвинительной части приговора военно-полевого суда видна, какъ изъ того, что одними и тѣми же „письменными сношеніями" съ Мясоѣдовымъ братья Фрейдберги признаны уличенными въ разныхъ преступленіяхъ: Д. Фрейдберга въ участіи въ сообществѣ для государственной измѣны, а Б. Фрейдбергъ — въ соучастіи въ шпіонствѣ, судомъ между тѣмъ не установленномъ, такъ и изъ того, что судъ въ своемъ приговорѣ не могъ указать никакихъ конкретныхъ фактовъ виновности осужденныхъ, т. е. не могъ даже назвать тѣ дѣянія каждаго изъ нихъ, за которыя онъ ихъ приговорилъ къ тягчайшимъ наказаніямъ. Неправильное, не только по примѣненію карательнаго закона, но и по существу, осужденіе Зальцмановъ, Микулиса и Ригерта объясняется тѣмъ, что судъ прочелъ только одно показаніе Антонины Кедысь, изложенное слѣдователемъ въ связномъ видѣ, а между тѣмъ въ дѣлѣ есть еще цѣлый рядъ ея показаній, данныхъ какъ слѣдователю, такъ и разнымъ жандармскимъ офицерамъ и полныхъ самыми невозможными противорѣчіями и фантастическими бреднями, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ ея

психическомъ разстройствѣ: Уже послѣ приговора выяснилось, что это была та самая женщина, которая цѣлыя ночи напролетъ въ тюрьмѣ жалобно стонала и неистово кричала, пока 25 мая не кончила самоубійствомъ. Ошибочное же осужденіе Фрейдберговъ находитъ себѣ объясненіе въ противозаконномъ выдѣленіи и предрѣшеніи вопроса о виновности Мясоѣдова, ихъ близости съ нимъ и въ нѣсколько сбивчивыхъ объясненіяхъ Бориса Фрейдберга на судѣ.

Необоснованную виновность Мясоѣдова должна была сильно подкрѣпить присланная изъ Ставки Верховнаго главнокомандующаго и прочитанная на судѣ бумага, по которой начальникъ штаба главнокомандующаго арміями юго-зап. фронта 3 іюня за № 7500 сообщаетъ, что изъ разговора со служащими въ банкѣ „Мармарошъ—Бланкъ и Ком. въ Букарестѣ, выяснилось, что въ ноябрѣ 1914 г. графомъ Милевскимъ была переведена крупная сумма денегъ черезъ Ліонскій Кредитъ въ Русско-Азіатскій банкъ въ Петроградѣ на имя Мясоѣдова, и что этотъ гр. Милевскій очень богатый человѣкъ сомнительной репутаціи „повидимому шпіонъ высокаго полета". Эти непровѣренныя данныя были, вопреки закону, прочитаны на судѣ и произвели, разумѣется, ошеломляющее впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Но уже послѣ суда слѣдователемъ были провѣрены и приложены къ дѣлу выписки текущаго счета Мясоѣдова въ Русско-Азіатскомъ банкѣ за 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915 гг. и въ нихъ не оказывается поступившей крупной суммы, а наоборотъ все мелкія, и среди послѣднихъ ни одной вообще изъ Ліонскаго Кредита. А съ другой стороны Борисъ Фрейдбергъ вечеромъ передъ казнью на вопросы товарищей сознался, что

его обивчивыя по поводу послѣднихъ телеграммъ Мясоѣдову показанія на судѣ объяснялись нежеланіемъ навлечь непріятности на жандармскаго ротм. Дмитріева, предупредившаго его объ обыскѣ въ ночь на 19 февраля, вслѣдствіе чего онъ немедленно уѣхалъ изъ Либавы и, не въ Саратовъ, какъ сказано въ протоколѣ, а въ Ригу, откуда на слѣдующій день далъ телеграмму Мясоѣдову, подписавъ ее фамиліею Фрида. Другою телеграммою онъ подтвердилъ Мясоѣдову необходимость свиданія въ Вильнѣ, но не получая отвѣта, самъ выѣхалъ туда и узналъ, что Мясоѣдовъ тоже арестованъ. Тогда онъ поѣхалъ въ Петроградъ къ прис. пов. О. О. Грузенбергу, который, обѣщавъ свою защиту, посовѣтовалъ ему явиться добровольно, что онъ и сдѣлалъ. На это товарищи ему указывали, что извѣстный писатель Бёрне для такихъ случаевъ далъ другое практическое руководство: „Если бы меня обвиняли въ воровствѣ, въ грабежѣ или убійствѣ, я спокойно ждалъ бы суда. Иное дѣло при обвиненіи въ политическомъ преступленіи: если бы ко мнѣ пришелъ пріятель и сказалъ, что меня подозрѣваютъ въ томъ, будто я завербовалъ 300 евреевъ на Франкфуртской биржѣ, чтобы во главѣ ихъ отправиться въ Маннгеймъ, то я не сталъ бы терять времени, чтобы одѣть сапоги, а бѣжалъ бы изъ Германіи, какъ есть, въ туфляхъ". Но несчастный Фрейдбергъ эти разсужденія врядъ ли еще понималъ, такъ какъ смотрѣлъ на окружающихъ безжизненнымъ взглядомъ, а черезъ нѣсколько часовъ этотъ чрезвычайно добрый, по общему отзыву всѣхъ знавшихъ его, и, какъ видно, въ высшей степени благородный человѣкъ, вмѣстѣ съ Ш. и А. Зальцманами, принялъ мученическую смерть отъ рукъ палача.

IX. Насиліе надъ закономъ и судебнымъ приговоромъ.

Приговоръ военно-полевого суда по этому дѣлу былъ Варшавскимъ комендантомъ, ген.-лейтн. Турбинымъ, лично присутствовавшимъ за судейскими креслами при разборѣ дѣла, 17 іюня утвержденъ и послѣ этого, какъ вошедшій въ законную силу, подлежалъ согл. VII п. Прав. о пол. с. немедленному приведенію въ исполненіе, что фактически и имѣло мѣсто. Уже на другой день ген.-лейтн. Турбинъ препроводилъ за № 451 прокурору Варшавской судебной палаты копію этого приговора, съ указаніемъ, что онъ имъ утвержденъ и Б. Фрейдбергъ и Ш. и А. Зальцманы въ ночь на 18 іюня повѣшены — для дальнѣйшаго исполненія въ отношеніи остальныхъ. Немедленно приговоренные къ каторгѣ Микулисъ, Ригертъ и Д. Фрейдбергъ были закованы въ кандалы, но оправданные судомъ всетаки не освобождались, а, будучи зачислены 18 іюня за № 12978 за Варшавскимъ губернаторомъ, продолжали содержаться подъ стражею. Дней черезъ 10 въ тюрьму явился отрядъ жандармскихъ чиновъ и повезъ всѣхъ, каждаго въ отдѣльномъ товарномъ вагонѣ — въ г. Вильну, гдѣ они продолжали содержаться въ полной неизвѣстности о своей дальнѣйшей уачсти.

За время производства этого дѣла военная конъюнктура рѣзко измѣнилась къ худшему: наше побѣдоносное наступленіе смѣнилось рядомъ пораженій на всѣхъ фрон-

тахъ. Встрепенулось общественное мнѣніе всей Россіи и стали распространяться самые чудовищные разсказы и невѣроятные слухи, въ томъ числѣ и объ измѣнѣ въ штабахъ армій. И въ такое небывало-тревожное время имѣло мѣсто событіе, не знающее прецедента въ аналахъ правосудія всѣхъ культурныхъ государствъ міра: Судебный приговоръ по излагаемому дѣлу, вступившій въ законную силу, и слѣдовательно по закону абсолютно болѣе непоколебимый, особенно по отношенію къ оправданнымъ, продолжалъ разсматриваться какъ-бы совсѣмъ не состоявшійся именно въ этой части, такъ какъ эти оправданные не были освобождены, вопреки закону; а затѣмъ этотъ приговоръ, въ силу административнаго распоряженія начальства, былъ и прямо отмѣненъ судомъ, якобы въ судебномъ порядкѣ, и вмѣсто него постановленъ новый, которымъ нѣкоторые изъ этихъ оправданныхъ приговорены къ смертной казни.

Какъ произошло это неслыханное преступленіе и кто является его истиннымъ вдохновителемъ и настоящимъ виновникомъ, установить во всѣхъ подробностяхъ пока невозможно, за отсутствіемъ переписки Ставки того времени. Въ дѣлѣ нѣтъ даже подлиннаго распоряженія б. Верховнаго главнокомандующаго по этому поводу, а имѣется лишь отношеніе завѣдующаго военно-судною частью ген.-лейтн. Абдулова отъ 22 іюня за № 405 на имя предсѣдателя Двинскаго военно-окружнаго суда о томъ, что „приговоръ военно-полевого суда по этому дѣлу *утвержденъ* Варшавскимъ комендантомъ, но начальникъ штаба Верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ начальника штаба арміи сѣв.-зап. фронта, что на осн. 29[1] ст. Пол. о пол. упр.

Верховный главнокомандующій повелѣлъ (когда?) *считать* приговоръ утвержденнымъ лишь въ отношеніи трехъ, въ отношеніи же остальныхъ одиннадцати дѣло немедленно передать въ военно-окружный или корпусный судъ... *безусловно не допуская гражданскихъ защитниковъ... принять всѣ мѣры къ сформированію надлежащаго состава суда и назначенію опытнаго обвинителя*". Въ тотъ же день комендантъ Варшавской крѣпости, вслѣдствіе телеграммы ген. Гулевича отъ 21 іюня за № 400, препроводилъ означенному председателю все это дѣло. Указанное повелѣніе б. Верховнаго главнокомандующаго, прежде всего не оправдывается предоставленными ему 20[1] ст. Пол. о пол. упр. полномочіями. По буквальному своему тексту, эта статья предоставила ему лишь право передачи дѣлъ въ военно-полевой судъ, слѣдовательно только распоряженіе о сужденіи подсудимыхъ въ военно-полевомъ судѣ, но ни однимъ словомъ она не касается, да и не можетъ касаться уже состоявшагося по дѣлу и вступившаго въ законную силу судебнаго приговора, обязательнаго по Осн. Гос. Зак. даже для самой Верховной власти. Кромѣ того статья эта, изданная Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 мая 1915 г. по представленію того же Великаго князя отъ 13 мая — слѣдовательно въ одни сутки — была опубликована только въ ноябрѣ того же года, а потому согл. 89, 91 и 93 ст. Осн. Гос. Зак. въ іюнѣ 1915 г. еще не могла имѣть силы закона.

Но и по существу указанное повелѣніе является не только противозаконнымъ, такъ какъ вступившія въ законную силу судебныя рѣшенія, по основнымъ принципамъ права, могутъ быть отмѣнены не иначе, какъ въ

порядкѣ возобновленія дѣла и то только въ случаяхъ перечисленныхъ закономъ, но и явно преступнымъ, какъ посягательство на одну изъ коренныхъ основъ государственнаго порядка, на незыблемость судебнаго рѣшенія. Въ то же время не можетъ подлежать сомнѣнію, что такія распоряженія лица, облеченнаго правами Верховной власти, не могли не вліять на дѣйствія подчиненныхъ ему учрежденій и лицъ, и въ частности на зависимыхъ по службѣ военныхъ судей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ послѣ такого прямого насилія надъ закономъ еще можно было сомнѣваться въ цѣляхъ и истинныхъ намѣреніяхъ всесильнаго въ то время начальства, даже въ томъ случаѣ, если бы оно не сопровождалось приказаніемъ о „принятіи мѣръ къ сформированію *надлежащаго* состава суда". И развѣ послѣ этого при нашихъ порядкахъ возможно было серьезно говорить о безпристрастномъ сужденіи и внутреннемъ убѣжденіи несамосостоятельнаго суда и не ясно ли всякому, что съ этого момента трагическій исходъ дѣла по условіямъ мѣста и времени былъ предрѣшенъ и обвинительный приговоръ несомнѣненъ — несмотря даже на отсутствіе состава преступленія? Это находитъ себѣ подтвержденіе даже въ подготовительныхъ дѣйствіяхъ Двинскаго военно-окружнаго суда. Получивъ дѣло со ссылкою Варшавскаго коменданта на телеграмму ген. Гулевича отъ 21 іюня, предсѣдатель суда ген.-лейтн. Толубаевъ еще имѣлъ мужество сомнѣваться и телеграммою отъ 24 іюня просить разъясненія, такъ какъ „мнѣніе начальства не приложено". но какъ только онъ получилъ вышеприведенное отношеніе завѣдующаго военно-судною частью, то, несмотря на очевидную незаконность распоряженія

Верховнаго главнокомандующаго и явную неподсудность этого уже рѣшеннаго дѣла, не только немедленно назначаетъ распорядительное засѣданіе, которымъ прикрываетъ свои дѣйствія по принятію явно неподсуднаго дѣла, но и беретъ его въ свой личный докладъ. Обвинителемъ же выступаетъ самъ прокуроръ суда, ген.-маіоръ Шавровъ. Сомнѣнія свои г.-л. Толубаевъ оставилъ окончательно, когда получилъ телеграмму начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго, ген. Янушкевича, отъ 27 іюня о томъ, что „приговоръ военно-полевого суда не утвержденъ, въ виду наличности въ слѣдственномъ производствѣ данныхъ, изобличающихъ подсудимыхъ въ шпіонствѣ, Верховный главнокомандующій повелѣлъ передать дѣло военно-окружному суду для разрѣшенія его въ полномъ объемѣ и по существу въ отношеніи всѣхъ“, хотя изъ самого дѣла видно было, что это не соотвѣтствовало дѣйствительности, такъ какъ приговоръ военно-полевого суда напротивъ былъ не только утвержденъ, но даже обращенъ къ исполненію и ген.-лейтн. Толубаеву, какъ старому судьѣ, не могло быть неизвѣстнымъ, что данныя предварительнаго слѣдствія никогда и ни при какихъ условіяхъ не могутъ служить основаніемъ для опорачиванія состоявшагося по дѣлу судебнаго приговора, и что, кромѣ того по всемірному началу уголовнаго судопроизводства, вошедшему и въ 230 ст. В. С. У., категорически запрещается оправданныхъ вошедшимъ въ законную силу приговоромъ подвергать вторично слѣдствію и суду по тому же дѣлу. Но развѣ послѣ такого явнаго для всѣхъ насилія надъ судопроизводственными и основными государственными законами со стороны высшей на театрѣ военныхъ дѣйствій власти

отъ подчиненнаго судьи можно было требовать, чтобы онъ руководствовался даже непреложными принципами права и дѣйствующимъ законодательствомъ? Было, разумѣется, гораздо проще, безопаснѣе и даже выгоднѣе подчиниться незаконному распоряженію и сформировавъ „надлежащій составъ суда“, вторично рѣшить это уже разрѣшенное дѣло „въ полномъ объемѣ по существу въ отношеніи всѣхъ...“ кромѣ, конечно, казненныхъ, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы поставить вопросъ объ уголовной отвѣтственности и отдачѣ подъ судъ самого великаго князя Николая Николаевича, за преступное превышеніе власти, о чемъ въ то время никто, понятно, и думать не смѣлъ. Положеніе, какъ видно, было безвыходное. Съ одной стороны законъ, присяга, совѣсть, а съ другой организованный произволъ и ни передъ чѣмъ не останавливающееся насиліе. Немудрено, если отвлеченныя понятія права должны были въ этихъ условіяхъ подчиниться реальной военной силѣ и уступить свое мѣсто грубому насилію.

Не дикая жажда крови и примитивные инстинкты каннибаловъ руководили конечно нашими военными властями и послужили побудительными причинами для такого грубаго насилія надъ непреложными устоями права и справедливости, а, какъ во всѣхъ современныхъ преступленіяхъ, болѣе утилитарныя цѣли и соображенія, на которыя бросаетъ нѣкоторый свѣтъ то мѣсто въ письмѣ ген. Янушкевича къ Сухомлинову, въ которомъ онъ говоритъ, что съ дѣломъ Мясоѣдова надо покончить поскорѣе, еще до праздниковъ Пасхи, „для успокоенія общественнаго мнѣнія“. Эта цѣль, въ связи съ безграничнымъ самодурствомъ и фактическою безотвѣтствен-

ностью — вѣроятно главный мотивъ этого дѣла, какъ то вытекаетъ изъ невольнаго признанія тѣхъ круговъ, которыми оно инсценировано *). А если имѣть въ виду, что ко второй половинѣ іюня 1916 г., когда послѣдовалъ этотъ историческій приказъ Великаго князя, не только были опрокинуты съ неисчислимыми жертвами, какъ наше вторженіе въ Восточную Пруссію, такъ и легкомысленное наступленіе въ Галиціи, но и непріятельскія войска вступили уже въ предѣлы Отечества, занявъ часть Курляндіи и побѣдоносно подвигаясь впередъ по Польшѣ, то становится понятнымъ, что необходимость такъ или иначе выйти изъ этого тяжелаго положенія и найти для общественнаго негодованія виновниковъ должна была быть слишкомъ настойчивою, а соблазнъ переложить отвѣтственность за стратегическія ошибки и собственную неспособность на другихъ, слишкомъ сильнымъ. Что это достигалось, и то лишь временно, надругательствомъ надъ правомъ и принесеніемъ въ жертву нѣсколькихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, врядъ ли могло останавливать лицъ, не привыкшихъ, по положенію своему, считаться ни съ дѣйствующимъ закономъ, ни съ жертвами милліоновъ жизней своихъ согражданъ.

---

*) См. объясненіе возникновенія «шпіонскихъ дѣлъ» въ рѣчи прис. пов. А. А. Захарьина по дѣлу Сухомлинова — Прил. IV.

X. Производство Двинскаго военно окружнаго суда.

Въ распорядительныхъ засѣданіяхъ 25 іюня и 4 іюля Двинскій военно-окружный судъ постановилъ: дать дѣлу дальнѣйшій ходъ и разсмотрѣть его „примѣнительно къ 962—975 ст. В. С. У., съ вызовомъ подсудимыхъ и свидѣтелей". Порядокъ этотъ касается разсмотрѣнія дѣлъ, поступающихъ изъ *полковыхъ* судовъ и примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда командиръ, *не* утверждая приговора полковаго суда, представляетъ дѣло съ мнѣніемъ своимъ въ установленный 1381 ст. В. С. У. суточный срокъ въ подлежащій судъ. А такъ какъ по настоящему дѣлу приговоръ военно-полевого (а не полкового) суда, не только былъ утвержденъ подлежащимъ начальствомъ, но и обращенъ къ исполненію и въ установленный закономъ срокъ не опротестованъ, то ясно, что указанный порядокъ не могъ быть примѣненъ и дѣло это, по которому приговоръ уже вошелъ въ законную силу, принято военно-окружнымъ судомъ къ производству съ нарушеніемъ вѣдомства и предѣловъ власти.

Мало того, во исполненіе приказанія начальства, судъ вынужденъ былъ допустить, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, самыя грубыя нарушенія и этого порядка и упразднить основныя начала уголовнаго процесса. „Надлежащій составъ" суда былъ сформированъ въ лицѣ предсѣдателя, ген.-лейтн. Толубаева и 2-хъ временныхъ членовъ: ген.-

маіора Потапова и казачьяго полковника Хопряникова. Про перваго говорили, что это, не извѣстный генералъ Потаповъ, а тотъ, который взялъ г. Мемель и будто за дикую расправу съ мирнымъ его населеніемъ, былъ зачисленъ въ резервъ, а Хопряниковъ обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что за все время слушанія дѣла не предлагалъ ни одного вопроса и почти не поднималъ головы съ листа бумаги, на которомъ что то рисовалъ.

Слушалось это дѣло въ г. Вильнѣ 8—12 іюля при закрытыхъ дверяхъ, безъ допущенія, не только защиты, но и ближайшихъ родственниковъ подсудимыхъ. И, хотя по примѣненному судомъ порядку основныя начала современнаго процесса, все-же были для него обязательны, онъ, не только не вызвалъ ни одного свидѣтеля подсудимыхъ, но даже не распорядился о врученіи имъ списка вызываемыхъ, чѣмъ лишилъ ихъ возможности знать, кто вообще будетъ допрошенъ и вообще приготовиться къ защитѣ. Изъ вызванныхъ судомъ 8 свидѣтелей обвиненія, явились всего 3, которые ровно ничего не знали, ни о сообшествѣ, ни вообще по существу обвиненія, но судъ, тѣмъ не менѣе, не отложилъ разбора дѣла и даже не вошелъ въ обсужденіе вопроса о существенности показанія неявившихся свидѣтелей, въ томъ числѣ и жандармскаго подп. Леонтовича, главнаго свидѣтеля, безъ личнаго допроса котораго нельзя было уяснить себѣ сущности дѣла. Подсудимые же были лишены возможности настаивать на этомъ, такъ какъ, за неврученіемъ списка вызываемыхъ, не могли знать, кто вообще вызывался. Обвиненіе предъявлялось имъ словами приказа о преданіи суду, въ который, какъ извѣстно, фактическія данныя не вошли, почему они могли толь-

ко не признать себя виновными, но были лишены возможности представить конкретныя возраженія. При такихъ условіяхъ весь разборъ дѣла сводился главнымъ образомъ къ монотонному чтенію, по усмотрѣнію предсѣдателя, отдѣльныхъ агентурныхъ свѣдѣній контръ-развѣдочнаго отдѣленія, не подлежащихъ по закону оглашенію на судѣ, и непровѣренныхъ протоколовъ предварительнаго слѣдствія, болѣе чѣмъ поколебленныхъ оправдательнымъ приговоромъ военно-полевого суда — постановленнымъ послѣ личнаго допроса главныхъ свидѣтелей подъ присягою. Правда изрѣдка подсудимымъ предоставлялось по поводу прочитаннаго давать свои объясненія, которыя судомъ выслушивались, но понятно, что, за неоконченіемъ слѣдствія и невызовомъ ихъ свидѣтелей, они слова свои ничѣмъ подкрѣпить не могли, а за непредъявленіемъ предварительнаго слѣдствія даже не были въ состояніи настаивать на оглашеніи тѣхъ протоколовъ или отдѣльныхъ ихъ мѣстъ, которые опровергали случайно прочитанное. Такимъ образомъ происходившее на судѣ явилось, не только пародіею на судебное слѣдствіе, но и грубымъ нарушеніемъ всѣхъ устоевъ современнаго правосудія: гласности, состязательности, устности и непосредственности судебнаго производства, а также и неотъемлемаго права подсудимыхъ на защиту и на предоставленіе имъ всевозможныхъ средствъ къ оправданію.

Не подлежитъ сомнѣнію, что подобранныя, съ нарушеніемъ установленныхъ въ законѣ условій и не провѣренныя въ указанномъ имъ порядкѣ, данныя предварительнаго слѣдствія не могли имѣть силы судебныхъ доказательствъ, а тѣмъ болѣе простое оглашеніе случайно, произвольно и односторонне

выхваченныхъ отдѣльныхъ частей такого явно односторонняго и завѣдомо недостовѣрнаго матеріала, не могло, безъ фактической провѣрки на судѣ, служить основаніемъ для сколько нибудь сознательнаго убѣжденія судей. Очевидно, что при такихъ условіяхъ у судей долженъ былъ образоваться какой-то сумбуръ, и во всякомъ случаѣ, что „внутреннее ихъ убѣжденіе" слагалось, вопреки требованіямъ закона, не по провѣреннымъ судебнымъ слѣдствіемъ обстоятельствамъ дѣла, а по даннымъ, добытымъ изъ источниковъ, лежащихъ внѣ судебнаго слѣдствія и не только не провѣреннымъ на судѣ, но и явно недостовѣрнымъ, а по существу и невѣрнымъ.

Самою важною частью современнаго процесса является постановка вопросовъ о виновности подсудимыхъ, такъ какъ въ поставленныхъ вопросахъ и послѣдовавшихъ на нихъ отвѣтахъ заключается вся сущность приговора по дѣлу. Не даромъ законъ подробно нормируетъ эту часть процесса. По настоящему дѣлу судъ долженъ былъ поставить на свое разрѣшеніе сначала главный вопросъ, о событіи преступленія, обязательно въ формѣ изложенія фактовъ, опредѣляющихъ его составъ, затѣмъ вопросы о виновности отдѣльныхъ подсудимыхъ, съ приведеніемъ тѣхъ конкретныхъ данныхъ, которыя характеризуютъ ихъ преступную дѣятельность, и далѣе уже частные вопросы о степени участія каждаго изъ нихъ въ сообществѣ. Вопреки этимъ категорическимъ требованіямъ закона, судъ поставилъ первый вопросъ о существованіи до войны сообщества для государственной измѣны — безъ всякихъ фактическихъ признаковъ, потомъ вопросы объ участіи въ немъ отдѣльныхъ подсудимыхъ — опять безъ конкретныхъ данныхъ, характеризующихъ ихъ

преступную дѣятельность, далѣе вопросъ о продолженіи дѣйствія этого сообщества во время войны и вопросы объ участіи тогда въ немъ отдѣльныхъ подсудимыхъ — все безъ конкретныхъ обстоятельствъ дѣла. Изъ этого ясно, что, несмотря на самое безцеремонное обращеніе съ безпорядочно отобраннымъ матеріаломъ, судъ прежде всего не былъ въ состояніи поставить даже вопроса о событіи преступленія, т. е. о передачѣ непріятелю какихъ либо свѣдѣній до или во время войны, а вынужденъ былъ ограничиться отвлеченными вопросами о сообществѣ для этой цѣли и объ участіи въ немъ подсудимыхъ, безъ всякаго фактическаго опредѣленія, какъ самого сообщества, такъ и степени участія въ немъ каждаго изъ осужденныхъ.

Но и помимо этого съ перваго-же взгляда ясно, что такое признаніе, т. е. безъ фактическихъ данныхъ, ничего не доказываетъ и ничего не устанавливаетъ, а юридически нелѣпо, ибо такъ можно признать виновнымъ кого угодно въ чемъ угодно и вообще все, что угодно. А изъ этого слѣдуетъ, что подсудимые признаны судомъ виновными, собственно говоря, не въ уголовно наказуемыхъ дѣяніяхъ, а въ неопредѣленномъ абстрактномъ понятіи: въ участіи въ сообществѣ.

По закону участіе въ сообществѣ, составившемся для государственой измѣны, предусмотрѣно 118 ст. Уг. Ул. и влечетъ за собою, какъ высшую мѣру наказанія, заключеніе въ исправительномъ домѣ, но судъ, какъ бы забывая, что въ вопросномъ листѣ упомянутые подсудимые признаны имъ виновными только въ этомъ, въ своей резолюціи вдругъ вставляетъ совершенно другое, а именно: собираніе и сообщеніе свѣдѣній до войны и шпіонство во время войны, каковыя преступ-

ныя дѣянія имъ вовсе *не были признаны,* и назначаетъ осужденнымъ наказаніе по 51 и 1 п. 111[1] ст. Уг. Ул., по которой они даже не обвинялись, каторжныя работы въ высшемъ размѣрѣ на 8 лѣтъ, а по 51 и 6 п. 3 ч. 108 ст. — смертную казнь. Такимъ образомъ Двинскимъ военно-окружнымъ судомъ, благодаря непримиримому противорѣчію между его вопроснымъ листомъ и его-же собственною резолюціею, осужденные имъ признаны виновными, не только голословно, безъ всякихъ фактическихъ данныхъ, но и отчасти въ томъ, въ чемъ они вовсе не обвинялись, а наказанія назначены имъ по статьямъ, по которымъ они самимъ судомъ *не были признаны виновными,* каковое назначеніе наказанія представляетъ собою, если не сознательное неправосудіе для исполненія воли начальства, то во всякомъ случаѣ небывалую юридическую безграмотность, послѣдствіемъ которой между тѣмъ были смертныя казни ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ гражданъ.

XI. Приговоръ военно-окружнаго суда.

Ту же фактическую безсодержательность обвиненія и то же непримиримое противорѣчіе, какъ въ вопросномъ листѣ и резолюціи, Двинскій военно-окружный судъ долженъ былъ поневолѣ допустить и въ своемъ приговорѣ въ окончательной формѣ, объявленномъ 14 іюля 1915 г. Послѣдній начинается съ указанія, что дѣло это поступило въ судъ въ порядкѣ VII п. Прав. о пол. с., на осн. 29[1] ст. Пол. о пол. упр., а между тѣмъ, какъ уже отчасти было указано, оно не могло поступить къ нему ни въ указанномъ порядкѣ, ни на приведенномъ основаніи. По буквальному тексту VII п. Прав. о пол. с. дѣла военно-полевыхъ судовъ могутъ быть переданы на разсмотрѣніе военно-окружныхъ судовъ „въ случаѣ несогласія съ приговоромъ того военнаго начальства, коимъ отданъ приказъ о преданіи обвиняемаго суду" — слѣдовательно только до утвержденія приговора и вступленія его въ законную силу. Но въ настоящемъ случаѣ приговоръ военно-полевого суда не только не былъ опротестованъ въ установленный 1381 ст. В. С. У. срокъ, а напротивъ, въ этотъ срокъ — 17 іюня 1915 г. издавшимъ приказъ о преданіи обвиняемыхъ суду Варшавскимъ комендантомъ утвержденъ и обращенъ къ исполненію, а потому уже вошелъ въ законную силу. 29[1] же ст. Пол. о пол. упр., тогда еще въ предусмотрѣнномъ для этого порядкѣ не обнародованная, по самому существу своему не устанавливаетъ и, въ силу 22 ст. Осн. Гос. Зак., не могла уста-

новить для какой либо власти права отмѣны уже вошедшаго въ законную силу приговора судебнаго мѣста..

Излагая далѣе движеніе этого дѣла, приговоръ попутно полемизируетъ съ военно-полевымъ судомъ, который будто „неправильно примѣнилъ къ Д. Фрейдбергу, Микулису и Ригерту наказаніе по 51, 1 п. 118 и 2 п. 118² ст. Уг. Ул., такъ какъ въ признанныхъ дѣяніяхъ заключаются „признаки шпіонства, наказуемаго въ военное время согл. 6 п. 3 ч. 108 ст. смертною казнью“, но при этомъ упускаетъ изъ виду, что съ одной стороны виновность поименованныхъ лицъ изложена военно-полевымъ судомъ дословными выраженіями 1 п. приказа о преданіи суду, изъ предѣловъ котораго онъ выходить не могъ и примѣнены приведенныя тамъ статьи закона, а съ другой, что они имъ были признаны виновными *въ участіи въ сообществѣ* для государственной измѣны, предусмотрѣнномъ одною 1 п. 118 ст. Уг. Ул. и поэтому военнополевымъ судомъ, вслѣдъ за приказомъ о преданіи суду, дѣйствительно неправильно примѣнены еще и 51 и 2 п. 118² ст. Уг. Ул., карающія совершенно другое, а именно соучастіе въ выдачѣ во время войны тайныхъ свѣдѣній, что приказомъ о преданіи суду имъ въ вину не вмѣнялось и судомъ признано не было, и что слѣдовательно послѣдній, назначая имъ вмѣсто полагающагося по 118 ст. заключенія въ исправительномъ домѣ — каторжныя работы, дѣйствительно неправильно назначилъ наказаніе, но какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, чѣмъ это предполагаетъ военно-окружной судъ.

Потомъ Двинскій судъ самъ указываетъ, что приговоръ военно-полевого суда былъ утвержденъ Варшавскимъ комендантомъ и въ

отношенiи присужденныхъ къ смертной казни Б. Фрейдберга и Ш. и А. Зальцмановъ приведенъ въ исполненiе, послѣ чего послѣдовало повелѣнiе Верховнаго главнокомандующаго „считать“ приговоръ этотъ утвержденнымъ лишь въ отношенiи казненныхъ, а въ отношенiи всѣхъ остальныхъ передать дѣло въ военно-окружный судъ, „для разсмотрѣнiя его въ полномъ объемѣ по существу въ отношенiи всѣхъ“, а потому признаетъ бар. Гротгуса, отст. д. с. с. Фрейната, дворянку Мясоѣдову, мѣщ. Давида Фрейдберга и купцовъ Фалька и Ригерта „виновными въ томъ, что въ перiодъ времени до войны... приняли *участiе въ сообществѣ,* поставившемъ цѣлью своей дѣятельности способствованiе правительствамъ Германiи и Австрiи въ ихъ враждебныхъ противъ Россiи планахъ путемъ собиранiя и доставлянiя этимъ правительствамъ свѣдѣнiй о составѣ и численности военныхъ силъ Россiи, ихъ расположенiи, перемѣщенiяхъ, вооруженiи и вообще всѣхъ другихъ свѣдѣнiй, дающихъ возможность судить о степени боевой готовности русской армiи и долженствующихъ въ видахъ внѣшней безопасности Россiи сохраняться въ тайнѣ; при этомъ они, названные подсудимые, дѣйствуя завѣдомо сообща, собирали перечисленныя свѣдѣнiя и передавали ихъ указаннымъ правительствамъ“.

Легко усмотрѣть, что эта длинная фраза, помимо несоотвѣтствiя обстоятельствамъ дѣла, конкретно совершенно безсодержательна, не заключая въ себѣ никакихъ фактическихъ данныхъ, ни о какихъ либо дѣянiяхъ отдѣльныхъ осужденныхъ, ни даже о составѣ преступленiя, а во всякомъ случаѣ, что указанныя въ ней лица признаны виновными только въ участiи въ сообществѣ, причемъ

даже не указано на предварительный между ними уговоръ, безъ котораго между тѣмъ преступное сообщество немыслимо. Правда, въ концѣ прибавлено, что подсудимые, дѣйствуя „завѣдомо сообща“, собирали „перечисленныя“ свѣдѣнія и передавали ихъ, что однако не только голословно и совершенно неопредѣленно, такъ какъ совсѣмъ не видно какія именно свѣдѣнія вообще собирались или передавались, кто изъ подсудимыхъ ихъ собиралъ и кому именно передавалъ, но и *исключаетъ* то, въ чемъ они признаны виновными, т. е. участіе въ сообществѣ, котрое по закону возможно только по предварительному уговору, но никакъ не „завѣдомо сообща“. Изъ этого слѣдуетъ, что вся эта фраза не только фактически безсодержательна, но и логически безсмысленна.

Во 2 п. приговора подсудимые бар. Гротгусъ, Фрейдбергъ, Фалькъ и Ригертъ признаны виновными въ томъ, что и послѣ объявленія войны „*продолжали принимать участіе* въ описанномъ въ 1 п. *сообществѣ*; при этомъ съ цѣлью способствованія непріятелю въ его военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, они *собирались* для обсужденія и выработки плановъ освѣдомленія непріятеля о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, составѣ ихъ, мѣстонахожденіи, передвиженіяхъ, предполагаемыхъ военныхъ операціяхъ и настроеніяхъ въ русскомъ обществѣ и войскахъ по поводу войны, а также *обмѣнивались* между собою указанными свѣдѣніями путемъ личныхъ и письменныхъ сообщеній“. Не говоря уже о томъ, что все это не имѣетъ никакой почвы въ обстоятельствахъ дѣла и поэтому не могло быть обосновано какими либо фактами, оно не только не подтверждаетъ, а наоборотъ скорѣе опровергаетъ предполагаемую винов-

ность въ шпіонствѣ, такъ какъ одни собранія для обсужденія плановъ освѣдомленія непріятеля и обмѣнъ свѣдѣніями между собою, указываютъ лишь на попытку образованія, или самое большое, на существованіе сообщества между названными 4 лицами, но никоимъ образомъ не можетъ служить, за отсутствіемъ даже намека на передачу какой либо тайны непріятелю, доказательствомъ шпіонства, за которое между тѣмъ имъ назначено наказаніе.

Въ п. 3 Мясоѣдова признана виновною въ томъ, что она, не состоя во время войны участницею этого сообщества, дѣйствовала завѣдомо сообща съ участниками его, что уже прямой абсурдъ, потому что первые признаны виновными не въ соучастіи въ опредѣленномъ преступленіи, а лишь въ участіи въ сообществѣ, а въ п. 4 Микулисъ — въ томъ, что онъ, не состоя участникомъ воображаемаго судомъ сообщества, ни до, ни во время войны, принималъ неизвѣстныя тайныя свѣдѣнія отъ одного неуказаннаго участника и передавалъ ихъ также неуказаннымъ германскимъ офицерамъ, чѣмъ судъ призналъ, что онъ за участіе въ сообществѣ привлеченъ неправильно. Въ п. 5 Фрейнатъ оправданъ въ участіи въ этомъ сообществѣ во время войны, „за признаніемъ судомъ, что онъ никакого участія въ продолженіи дѣятельности описаннаго сообщества во время войны не принималъ" — что какъ будто исключаетъ вѣроятность участія въ этомъ сообществѣ до войны. Фридъ, Урбанъ, Берендъ и Лившицъ признаны не принимавшими участія въ этомъ сообществѣ ни до, ни во время войны и по суду оправданными.

Обращаясь къ примѣненію законовъ о наказаніи, судъ, не взирая на то, что всѣ осуж-

денные имъ-же были признаны, хотя и голословно, виновными только въ участіи въ сообществѣ, предусмотрѣнномъ 1 п. 118 ст. Уг. Ул., находитъ, что изложенное въ 1 п. приговора „составляя собираніе и сообщеніе правительствамъ иностранныхъ державъ свѣдѣній, долженствующихъ сохраняться въ тайнѣ и касающихся вооруженныхъ силъ Россіи въ мирное время, предусмотрѣно 1 п. 111[1] ст. Уг. Ул.“, по которой между тѣмъ обвиненіе предъявлено не было, почему таковое по закону могло быть предметомъ только новаго преслѣдованія и составъ которой кромѣ того имъ самимъ не признанъ, да и не могъ быть признанъ, безъ соблюденія порядка, предусмотрѣннаго 1193[1] ст. В. С. У., назначилъ Гротгусу, Фрейнату, Д. Фрейдбергу, Фальку и Ригерту каторгу на 8 лѣтъ, а Мясоѣдовой на 4 гоза. Изложенное же въ 2, 3, и 4 п., по выводамъ суда, „составляя *въ общемъ* освѣдомленіе непріятеля о нашихъ войскахъ и ихъ боевыхъ дѣйствіяхъ, съ цѣлью способствовать въ его дѣйствіяхъ противъ нашихъ войскъ, заключаетъ въ себѣ признаки шпіонства, указаннаго въ 6 п. 3 ч. 108 ст. Уг. Ул.“, хотя въ дѣйствительности, какъ видно, имъ были признаны только участіе въ сообществѣ, собираніе свѣдѣній и обмѣнъ ими, — назначилъ Гротгусу, Фрейдбергу, Фалько, Ригерту, Мясоѣдовой и Микулису — смертную казнь черезъ повѣшеніе.

Приговоръ этотъ былъ представленъ на усмотрѣніе главнокомандующаго арміями сѣв.-зап. фронта и 18 іюля ген. Алексѣевымъ утвержденъ *), съ замѣною Мясоѣдовой смерт-

*) Уже черезъ два года тотъ-же ген. Алексѣевъ въ своемъ открытомъ письмѣ по дѣлу ген. Корнилова заявилъ, что «въ несовершенныхъ формахъ военнаго

ной казни — ссылкою на поселеніе и барону Гротгусу — безсрочными каторжными работами, послѣ чего Д. Фрейдбергъ, Фалькъ, Ригертъ и Микулисъ были въ ночь на 26 іюля въ г. Вильнѣ повѣшены. Казнь эта произведена была палачемъ въ маскѣ на дворѣ исправительнаго арестантскаго отдѣленія на Антоколѣ — въ присутствіи Виленскаго полиціймейстера, товарища прокурора и врача. Послѣднія слова Ригерта, державшаго себя мужественно и съ особымъ достоинствомъ, были: „Я умираю безвинно, все это выяснится“. Трупы этихъ несчастныхъ зарыты въ лѣсу возлѣ тюрьмы, откуда сначала Ригертъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ и Фалькъ по ходатайству родныхъ были взяты и похоронены на кладбищѣ.

Такимъ образомъ 4 подсудимыхъ, въ томъ числѣ одинъ оправданный военно-полевымъ судомъ, были лишены жизни, 2 оправданныхъ сосланы на каторгу и одна на поселеніе, по приговору, не только не удовлетворяющему самымъ элементарнымъ требованіямъ закона и очевидно неправильному, но и состоявшемуся по явно неподсудному, при наличности по дѣлу вошедшаго въ законную силу и въ установленномъ порядкѣ неотмѣненнаго, оправдательнаго приговора. Мало того, этотъ открыто незаконный приговоръ былъ тѣмъже судомъ противозаконно признанъ не подлежащимъ обжалованію — даже въ кассаціонномъ порядкѣ, утвержденъ военнымъ начальствомъ и немедленно приведенъ въ исполненіе, вслѣдствіе чего пострадавшіе были ли-

---

суда можно утопить правду и справедливость». Но въ то время онъ очевидно еще не додумался до этой мысли, и за то мѣсяца черезъ два былъ назначенъ начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго.

шены всякой возможности возстановить правду и законность. Въ виду сознательнаго нарушенія при этомъ не только всемірныхъ началъ права и всѣхъ главныхъ устоевъ правосудія, но и прямыхъ судопроизводственныхъ и даже основныхъ государственныхъ законовъ, о судебной ошибкѣ говорить трудно, а нужно придти въ заключеніе, что это было завѣдомое, умышленное и открытое убійство — посредствомъ неправосуднаго судебнаго приговора.

XII. Борьба за правду.

Послѣ второго приговора дѣло было снова возвращено слѣдователю, который продолжалъ свое разслѣдованіе — но уже въ другую сторону — для приближенія въ военному министру, ген.-адъют. В. А. Сухомлинову. Въ іюлѣ и августѣ 1915 г. имъ допрошены извѣстный князь Андрониковъ, разошедшійся съ В. А. Сухомлиновымъ и писавшій доносы на имя Императрицы Александры Ѳеодоровны, адъютантъ Сухомлинова Коломнинъ, его жена, двоюродный братъ Е. В. Сухомлиновой — инженеръ Гошкевичъ и его разведенная жена, которую Сухомлиновы отказались принимать, арестованные въ Кіевѣ сынъ и братъ частнаго знакомаго Сухомлинова — А. О. Альтшиллера и др. 16 апрѣля 1916 г. Матвѣевъ, составивъ постановленіе о задержаніи германскихъ офицеровъ Густава и Александра Бауэрмейстеровъ, ихъ матери Ады Бауэрмейстеръ, Р. Скопника, А. Гольштейна и С. Я. Фрейдберга, призналъ слѣдствіе законченнымъ и направилъ его прокурору Варшавской судебной палаты, но тогда же его затребовалъ сенаторъ Богородсдій, которому было поручено слѣдствіе о самомъ Сухомлиновѣ.

Изъ всѣхъ осужденныхъ по этому дѣлу остались въ живыхъ: К. С. Мясоѣдова — по собственному ходатайству суда, бар. Гротгусъ — вслѣдствіе заступничества б. греческой королевы вел. кн. Ольги Константиновны и О. Г. Фрейнатъ — какъ оправданный въ участіи въ сообществѣ во время войны. Всѣ

остальные были повѣшены. Невыразимо тяжело было послѣднее прощаніе съ безвинными смертниками, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Вильнѣ, гдѣ между жестокимъ приговоромъ и кровавымъ его исполненіемъ прошли почти 2 недѣли и частая смѣна надзирателей днемъ и ночью зорко слѣдила за всякою попыткою къ самоубійству, чтобы жертвы не миновали рукъ палача. Чѣмъ можно было утѣшить обреченныхъ на смерть праведниковъ, если не обѣщаніемъ возстановить ихъ доброе имя и поруганную честь? Но по ихъ устремленнымъ въ вѣчность взглядамъ чувствовалось, что это важно не столько для нихъ самихъ, сколько для оставшихся въ живыхъ, для ихъ опозоренныхъ соотечественниковъ и самой злочастной Россіи.

А какъ было исполнить это священное обѣщаніе, этотъ тяжелый долгъ передъ родиною въ такое время, когда разложеніе Россіи уже началось и не осталось ничего святого, никакихъ устоевъ правопорядка? Сущность приговора, съ умолчаніемъ, разумѣется, при какихъ условіяхъ онъ состоялся, была опубликована въ телеграммахъ отъ штаба Верховнаго главнокомандующаго — скоро послѣ сдачи непріятелю Польши — и общественное мнѣніе легко поддалось обману. Лишь немногіе смутно догадывались, но никто не зналъ правды, не сознавали ее можетъ быть и сами озвѣрѣвшіе насильники. Фальсифицированное общественное мнѣніе и обманутая пресса использовали возможность излить свое возмущеніе и забросали оклеветанныхъ покойниковъ и беззащитныхъ живыхъ всякою грязью. Не мало повліяло разумѣется и то, что это чисто судебное дѣло, будучи втянуто въ вѣковую борьбу между прогрессивною частью русскаго общества и царскимъ прави-

тельствомъ, и въ особенности личность Мясоѣдова — въ травлю тогдашнимъ вождемъ оффиціальной оппозиціи А. И. Гучковымъ военнаго министра Сухомлинова, сдѣлалось ареною политическихъ страстей. Общее помутненіе умовъ доходило до того, что предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, отвѣтилъ явившемуся къ нему за заступничествомъ для спасенія жизни невинноосужденнымъ, прис. пов. И. И. Торховскому, что онъ не сдѣлаетъ для этого ни шагу, такъ какъ, по его мнѣнію, „должны быть повѣшены даже тѣ, которые чистили Мясоѣдову сапоги“. Какъ при такихъ условіяхъ было бороться отдѣльной личности съ этимъ разбушевавшимся моремъ произвола и сознательной и невольной лжи? Борьба была слишкомъ неровная и по существу немыслимая.

И чтобы истина не выплыла случайно, былъ принятъ рядъ мѣръ: Урбанъ, Берендъ, Фридъ и Лившицъ, несмотря на вторичное оправданіе, не освобождались изъ тюрьмы по цѣлымъ мѣсяцамъ. О. Г. Фрейнатъ былъ закованъ въ кандалы еще до обращенія приговора къ исполненію — при эвакуаціи изъ Вильны въ Смоленскъ. Тамъ при медицинскомъ освидѣтельствованіи Гротгуса признали, вслѣдствіе его 60-лѣтняго возраста, неспособнымъ къ тяжелымъ работамъ и ношенію кандаловъ, но черезъ нѣкоторое время Фрейната и Гротгуса по особому распоряженію главнаго тюремнаго управленія, во главѣ котораго стояли гг. Гранъ и Принцъ, разъединили и отправили, перваго въ Орловскую, а второго въ Ярославскую каторжную тюрьму, гдѣ послѣдняго тоже заковали въ кандалы и не только въ ножные, но и въ ручные. Сверхъ того тоже главное тюремное упра-

вленіе распорядилось „установить за ними тщательное наблюденіе, съ помѣщеніемъ въ отдѣльныя камеры, не допускать никакого изъятія, въ частности не разрѣшать свиданія съ посторонними людьми или дальними родственниками". Послѣдствіемъ этого было, что ни въ чемъ невиновныя жертвы неправосудія содержались хуже послѣднихъ разбойниковъ и убійцъ. Мѣстная тюремная администрація истолоквала „недопущеніе изъятія" какъ разъ наоборотъ, въ томъ смыслѣ, что запирала ихъ, вмѣсто обычнаго одного — тремя замками, не допуская ихъ не только къ зубному врачу и на свиданіе съ прибывшимъ защитникомъ, но даже въ церковь на общія молитвы. Всѣ жалобы и обращенія къ прокурорскому надзору оставались безъ всякихъ результатовъ.

Послѣ признанія Двинскимъ судомъ приговора, вступившимъ въ законную силу съ момента объявленія его и недопущенія кассаціоннаго обжалованія, всѣ нормальные пути къ установленію нарушеній закона были закрыты. Безъ всякой юридической помощи и даже безъ возможности ознакомиться со спеціальными и отчасти секретными узаконеніями „о судѣ въ военное время", осужденные были поставлены въ безвыходное положеніе. Въ октябрѣ 1915 г. одинъ изъ нихъ запросилъ судъ, кому должна быть подана жалоба на неправильныя его дѣйствія въ порядкѣ надзора, на что ему 11 ноября за № 6716 объявлено, что „такой порядокъ закономъ не установленъ". Можно было ходатайствовать о возобновленіи дѣла, но для этого необходимы „вновь открывшіяся обстоятельства", которыя изолированнымъ отъ внѣшняго міра осужденнымъ не могли сдѣлаться извѣстными. Письмо О. Г. Фрейната прис. пов. и

члену Гос. Думы В. А. Маклакову, съ приложеніемъ проекта прошенія на имя Главнаго военнаго суда, было ему прокуроромъ Орловскаго окружного суда М. М. Завадскимъ возвращено за помѣщеніе „укорительныхъ выраженій“, усмотрѣнныхъ въ указаніяхъ на произволъ военнаго начальства и незаконныхъ дѣйствіяхъ суда, а на возраженіе, что это не оффиціальная бумага, а частная переписка съ защитникомъ по поводу редакціи жалобы, послѣдовало характерное разъясненіе того же „блюстителя закона“ отъ 27 іюля 1916 г. за № 7246: „1) что укорительныя выраженія недопустимы не только въ ходатайствахъ, но и въ частныхъ письмахъ, 2) что въ законѣ предусмотрѣно совѣщаніе подсудимыхъ, но не осужденныхъ съ адвокатомъ-защитникомъ, и что для изложенія вновь открывшихся послѣ приговора обстоятельствъ юридической помощи не требуется, 4) что оглашеніе данныхъ процесса въ частныхъ письмахъ не можетъ быть допущено, 5) что въ случаѣ какихъ либо затрудненій при исполненіи приговора тюремная администрація сама возбудила бы передъ прокурорскимъ надзоромъ вопросъ...“

Поневолѣ пришлось довольствоваться собственными силами при составленіи прошенія о возобновленіи дѣла, но и такое прошеніе, поданное въ августѣ 1916 г. на имя Главнаго военнаго суда, не было доставлено по назначенію, а опредѣленіемъ Двинскаго суда отъ 2 сентября противозаконно возвращено подъ предлогомъ, что „прошеніе это должно быть признано кассаціонною жалобою и, хотя согласно разъясненію Главнаго военнаго суда отъ 11 февраля того же года обжалованіе приговора въ кассаціонномъ порядкѣ возможно, но такая жалоба представляется въ Главный

военный судъ лишь при подачѣ ея въ срокъ, который между тѣмъ пропущенъ". При этомъ однако судъ умалчиваетъ, что срокъ этотъ былъ пропущенъ, не по винѣ осужденныхъ, а вслѣдствіе недопущенія имъ самимъ кассаціоннаго обжалованія. Въ ходатайствѣ же о возстановленіи срока судъ, опредѣленіемъ отъ 30 сентября, опять отказалъ на томъ основаніи, что „недопущеніе обжалованія судомъ могло служить лишь поводомъ къ подачѣ частной жалобы за непринятіе кассаціонной". На этотъ отказъ 11 октября 1916 года была подана частная жалоба, съ указаніемъ, что, такъ какъ кассаціонная жалоба не была и не могла быть подана, какъ по тому, что самъ судъ не допустилъ кассаціоннаго обжалованія, такъ и потому, что законъ не допускаетъ подачи кассаціонной жалобы на приговоръ, вступившій въ законную силу, то нельзя было жаловаться и на непринятіе ея. И хотя по 1049 ст. В. С. У. „частныя жалобы разрѣшаются немедленно по ихъ полученіи", Главный военный судъ разсмотрѣлъ эту жалобу только черезъ 3 мѣсяца, а именно 20 января 1917 г., но все же, еще при старомъ режимѣ, опредѣленіе суда отмѣнилъ. Послѣ этого Двинскій военно-окружный судъ въ распорядительномъ засѣданіи отъ 26 января вынужденъ былъ теченіе приговора пріостановить и возстановить Фрейнату срокъ на подачу кассаціонной жалобы — и это послѣ 1½ года отбытой каторги.

Это былъ первый просвѣтъ въ темную область насилія и произвола, первый успѣхъ, открывшій по крайней мѣрѣ возможность установить допущенныя по дѣлу вопіющія нарушенія закона и возстановить поруганную честь невинно осужденныхъ. Изъ пріостановленія приговора въ отношеніи Фрейната

слѣдовало, что и въ отношеніи остальныхъ осужденныхъ онъ подлежалъ кассаціонному обжалованію и не могъ войти въ законную силу, а потому ясно, что казненные по этому приговору лишены были жизни — безъ законнаго основанія. И тѣмъ не менѣе, не только не было принято никакихъ мѣръ для облегченія участи безвинно томящихся къ каторгѣ, а напротивъ выясненіе истины и возстановленіе силы нарушеннаго закона всячески затягивались. 7 февраля 1917 г. въ установленный суточный срокъ О. Г. Фрейнатъ представилъ свою кассаціонную жалобу, которая не разрѣшена и до сихъ поръ, хотя прошло скоро уже 2 года.

Тѣмъ временемъ грянула давно ожидаемая русская революція. Подъ мощнымъ напоромъ всеобщаго внутренняго неудовольствія, а болѣе всего конечно неудачъ злополучной войны, царскій режимъ палъ легко и сравнительно безкровно. Но въ сущности мало что измѣнилось къ лучшему, а многое напротивъ — къ худшему. Въ правовой области было издано нѣсколько законодательныхъ актовъ, дышавшихъ благородными порывами, но скоро издавшій ихъ бывшій прис. пов. А. Ф. Керенскій первый посягнулъ на самый важный изъ нихъ, на отмѣну смертной казни, а другой: отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, кромѣ нѣсколькихъ попытокъ со стороны малоопытныхъ въ постановкѣ судебныхъ дѣлъ адвокатовъ, въ роляхъ прокуроровъ, не имѣлъ никакихъ практическихъ результатовъ *). Не-

*) Эта неспособность раскрыть вопіющія злоупотребленія и преступленія дѣятелей стараго режима по отмѣнѣ всякихъ законовъ и организаціи судебныхъ убійствъ уже отмѣчена въ статьѣ проф. Гойхбарга — см. Прил. V.

удачною амнистіею были освобождены не только политическіе заключенные. но и уголовные преступники, подрывавшіе общую безопасность; статьи же, относящіяся къ осужденнымъ за „измѣну“, были такъ редактированы, что тюремная администрація и даже судебныя учрежденія, долго не рѣшились ихъ примѣнять и дѣйствительно безвинные продолжали мучиться въ тюрьмахъ и на каторгѣ. По настоящему дѣлу осужденные вѣроятно и не воспользовались-бы этою амнистіею, такъ какъ имъ нужно было не прощеніе, а правосудіе — для наказанія виновниковъ жестокаго надъ ними насилія.

Послѣ пріостановленія дѣйствія приговора О. Г. Фрейнату удалось — тоже еще при старомъ режимѣ — добиться осуществленія законнаго права на обозрѣніе дѣла, для чего послѣднее было выслано въ Орелъ. Только благодаря этому, историческій матеріалъ этого дѣла былъ спасенъ отъ уничтоженія при разгромѣ Главнаго военнаго суда въ Петроградѣ. Открылась впервые возможность ознакомиться съ обстоятельствами дѣла и убѣдиться въ истинномъ положеніи вещей и тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты для осужденія ни въ чемъ невиновныхъ. Въ предоставленный двухдневный срокъ 25 марта была представлена дополнительная кассаціонная жалоба по фактическимъ даннымъ дѣла. Но какъ основная, такъ и эта дополнительная жалоба, представлены Двинскимъ судомъ, не по назначенію въ Главный военный судъ, а со ссылков на старый приказъ, главнокомандующему арміями сѣвернаго фронта, хотя по 1418 ст. В. С. У. право не давать хода кассаціонной жалобѣ, было предоставлено главнокомандующимъ только по приговорамъ, по которымъ „наказаніе не мо-

жетъ быть отлагаемо въ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій". Это искусственно созданное препятствіе грозило серьезною опасностью, такъ какъ военнымъ министромъ въ то время былъ А. И. Гучковъ, нравственный авторъ этого дѣла. Но бывшій тогда главнокомандующимъ арміями сѣвернаго фронта ген. Н. В. Рузскій всетаки не нашелъ возможнымъ насиловать правосудіе, а далъ кассаціонной жалобѣ дальнѣйшій законный ходъ. Въ Главный военный судъ она благодаря этой задержкѣ поступила лишь въ апрѣлѣ 1917 г. и такъ и осталась неразрѣшенною, сначала, за отсылкою дѣла въ Сенатъ, какъ приложеніе къ дѣлу Сухомлинова, а потомъ, за истребованіемъ разныхъ ненужныхъ справокъ, пока въ ноябрѣ всѣ существовавшіе суды не были упразднены.

Но еще до этого, а именно 25 апрѣля, О. Г. Фрейнатъ подалъ въ Двинскій судъ прошеніе объ измѣненіи мѣры пресѣченія, такъ какъ съ одной стороны пріостановленный приговоръ, при наличности по тому же дѣлу вошедшаго въ законную силу оправдательнаго о немъ приговора, юридически недѣйствителенъ, а съ другой, содержаніе подъ стражею не имѣло законнаго основанія, потому что уклоненія отъ суда, котораго онъ самъ добивается, не только нельзя предполагать, а возможность таковаго наоборотъ опровергается добровольнымъ его возвращеніемъ въ мѣсто заключенія, послѣ освобожденія его 3 марта революціоннымъ народомъ. Въ удовлетвореніи этого ходатайства судъ однако опять-таки отказалъ, не входя въ обсужденіе указанныхъ доводовъ, а мотивируя свой отказъ главнымъ образомъ „возможностью продолженія преступной дѣятельности, особенно опасной во время войны". Но при этомъ во-

енно-окружный судъ очевидно не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что въ этомъ онъ самъ Фрейната оправдалъ и что продолжать „участіе въ сообществѣ“ съ покойниками и совершать во время войны преступленіе возможное только въ мирное время и логически немыслимо. По частной жалобѣ Главный военный судъ и это опредѣленіе Двинскаго военно-окружнаго суда 20 іюля 1917 г. отмѣнилъ, указавъ на недопустимость такой мотивировки и послѣ этого судъ вынужденъ былъ, опредѣленіемъ отъ 9 августа, освободить жалобщика. Копія этого опредѣленія однако была послана имъ въ Орелъ для исполненія, не тюремной администраціи, а новому революціонному прокурору суда, въ камерѣ котораго она была безъ исполненія пришита къ наряду, пока это случайно не обнаружилось.

Помимо этого О. Г. Фрейнатъ подалъ 26 апрѣля жалобу на имя прокурора Петроградской судебной палаты на бывшаго начальника мѣстнаго охраннаго отдѣленія полк. Попова и жанд. ротм. Прутенскаго за неправильныя дѣйствія при обыскѣ и незаконное лишеніе его свободы и эта жалоба прокуроромъ палаты Каринскимъ, прославившимся преслѣдованіемъ революціонныхъ дѣятелей, противозаконно оставлена, не только безъ движенія, но и безъ объявленія о томъ жалобщику. Сверхъ того О. Г. Фрейнатъ подалъ 2 мая на имя министра юстиціи, каковымъ тогда состоялъ бывшій прис. пов. П. Н. Переверзевъ, возбудившій дѣло о „шпіонствѣ“ противъ Ленина и др., жалобу съ прямымъ обвиненіемъ б. вел. кн. Николая Николаевича и б. министра юстиціи И. Г. Щегловитова въ преступномъ превышеніи власти, судебнаго слѣдователя Матвѣева, тов. прокурора Жи-

жина, полк. Батюшина и жанд. подп. Леонтовича въ подлогахъ. послѣдствіемъ которыхъ были смертныя казни невинныхъ. Но жалоба эта была передана безъ законнаго основанія военному министру Керенскому, а послѣднимъ въ Главный военный судъ, хотя возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ указанныхъ лицъ зависѣло не отъ послѣдняго, а отъ министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора. И тамъ жалоба эта такъ и осталась безъ всякаго дальнѣйшаго движенія.

Объясняются всѣ эти незаконныя дѣйствія вѣроятно тѣмъ, что Временное Правительство просто не рѣшалось возстановить по этому громкому дѣлу силу закона, а использовало завѣдомо неправосудное разрѣшеніе его для того, чтобы, продолжая играть на темныхъ инстинктахъ обманутаго народа. поставить на судъ, въ цѣляхъ собственнаго укрѣпленія, уже прекращенное при старомъ режимѣ дѣло б. военнаго министра Сухомлинова и добиться у фальсифицированной общественной совѣсти запуганныхъ солдатскими штыками присяжныхъ засѣдателей осужденія его. Мало того, оно не остановилось и на этомъ, а одновременно старалось инсценировать по испытаннымъ образцамъ стараго режима. новое шпіонское дѣло противъ вождей большевиковъ. но на этотъ разъ попытка эта сорвалась. Само правительство Керенскаго было свергнуто и привлеченные за „измѣну“ Ленинъ. Каменевъ, Троцкій и др. стали во главѣ Россійскаго государства. Скоро всѣ старые суды, въ томъ числѣ и военные, были упразднены. организація же новой судебной власти затянулась. благодаря чему всѣ эти дѣла остались неразрѣшенными.

Правда, въ концѣ 1917 г. въ печать проникли свѣдѣнія, что коммиссаръ юстиціи Штейнбергъ передалъ жалобу на вел. кн. Николая Николаевича и др. въ чрезвычайную слѣдственную коммиссію, но скоро послѣ этого надъ самими членами этой коммиссіи было назначено слѣдствіе и что ею сдѣлано по этой жалобѣ, несмотря на неоднократныя настойчивыя справки, выяснить не удалось. Бар. Гротгусъ былъ освобожденъ изъ Ярославской тюрьмы 30 марта 1918 г., благодаря заступничеству латышей, удостовѣрившихъ, что онъ, въ качествѣ Туккумскаго уѣзднаго начальника, пользовался у мѣстнаго населенія большимъ авторитетомъ и любовью за свои либеральные взгляды и поэтому по ихъ убѣжденію, основаному на общихъ отзывахъ, пострадалъ невинно. А К. Ѳ. Мясоѣдова, послѣ сокращенія закономъ Вр. Правительства ссылки на поселеніе до 3-хъ лѣтъ, тоже должна была быть освобождена, какъ отбывшая наказаніе, но уже болѣе года отъ нея не имѣется никакихъ свѣдѣній и жива-ли она, или тоже поплатилась своимъ слабымъ здоровьемъ въ тундрахъ Сибири за чужіе грѣхи, остается неизвѣстнымъ.

Такимъ образомъ русское правительство стараго режима съумѣло искусственно создать это кошмарное дѣло и со сплошнымъ нарушеніемъ всѣхъ главныхъ устоевъ правопорядка казнить своихъ ни въ чемъ неповинныхъ подданныхъ, но ни революція, ни всѣ послѣдовавшіе за ней перевороты не могли не только снять съ Отечества клеймо позора, привлеченіемъ къ отвѣтственности виновниковъ этого безпримѣрнаго злодѣянія, но и соблюсти самую элементарную справедливость, возстановленіемъ поруганной чести и

доброй славы своихъ замученныхъ сограждан. Ихъ невинно пролитая кровь продолжаетъ вопить къ небу и позоръ этотъ остается, какъ на русскомъ правительствѣ, такъ и на всемъ русскомъ народѣ, уже поплатившемся развaломъ своей государственности и гибелью величайшей державы въ мірѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Письмо министра внутр. дѣлъ на имя военнаго министра.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.
№ 98509.
16 марта 1912 г.

Его Высокопревосх.
В. А. Сухомлинову.

Милостивый Государь
Владиміръ Александровичъ!

По имѣющимся въ Департаментѣ Полиціи свѣдѣніямъ состоящій въ распоряженіи Вашего Высокопревосходительства подп. Мясоѣдовъ еще до вторичнаго поступленія на службу въ Отдѣльный Корпусъ Жандармовъ, основалъ съ нѣкіимъ евреемъ Фрейдбергомъ пароходное общество для перевозки изъ Либавы въ Англію грузовъ и пассажировъ-эмигрантовъ.

Общество это, какъ и другія эмиграціонныя конторы, своими злоупотребленіями принесло весьма значительные убытки государству.

Подполковникъ Мясоѣдовъ и по поступленіи вновь на службу въ Отдѣльный Корпусъ Жандармовъ не порвалъ связей съ начатымъ дѣломъ и вмѣстѣ съ Фрейдбергомъ продолжаетъ работать съ „Кюнеръ-Лайномъ“ (линія Кюнардъ).

О его компаніонѣ Фрейдбергѣ извѣстно, что онъ находится въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ нѣкіимъ Іосифомъ Каценэлленбогеномъ. Послѣдній былъ въ 1907 году представителемъ Сѣвернаго Пароходнаго Общества, а въ 1909 году былъ главнымъ уполномоченнымъ Голландскаго Ллойда въ Амстердамѣ. Въ 1907 году Каценэленбогенъ былъ изобличенъ въ мошенническихъ добываніяхъ для лицъ, лишенныхъ права на выѣздъ заграницу. заграничныхъ паспортовъ по подложнымъ свидѣтельствамъ изъ канцеляріи Варшавскаго Оберъ-Полицеймейстера.

Нынѣ Каценэлленбогенъ находится въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ германскимъ подданнымъ Францемъ Ленцеромъ, уполномоченнымъ въ Россіи Центральнаго Бюро по найму сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, существующаго въ Берлинѣ. Названный Ленцеръ состоитъ секретнымъ сотрудникомъ при германскомъ генеральномъ штабѣ.

Почитая служебнымъ долгомъ объ изложенномъ поставить въ извѣстность Ваше Высокопревосходительство, прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Подписалъ Макаровъ.
Вѣрно: Полковникъ Васильевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Рапортъ ген.-м Архипова на имя начальника штаба X арміи.

Начальникъ
Іоганнисбургск. отряда.
№ 368.
20 января 1915 г.
гор. Іоганнисбургъ.
Дѣйств. Армія.

„Вслѣдствіе словеснаго разрѣшенія Вашего Превосходительства доношу, что командированный для развѣдки штабомъ X арміи подп. Мясоѣдовъ, приноситъ командуемому мною Іоганнисбурскому отряду существенную пользу, какъ переводчикъ, допрашивая плѣнныхъ, отъ которыхъ онъ чрезвычаино умѣло получаетъ цѣнныя свѣдѣнія. Кромѣ того, изучивъ раіонъ Іоганнисбурскаго лѣса и дѣйствія непріятельскихъ развѣдчиковъ, подп. Мясоѣдовъ содѣйствуетъ успѣшности дѣйствіи войсковой развѣдки. Помимо этого подп. Мясоѣдовъ, имѣя цѣлью подыскать среди мѣстнаго населенія подходящихъ для развѣдывательнаго дѣла лицъ, принималъ неоднократно личное участіе въ войсковыхъ развѣдкахъ, высылаемыхъ отъ командуемаго мною отряда и былъ при столкновеніи съ противникомъ, 4, 7 и 12 декабря 1914 г. подъ непріятельскимъ огнемъ, причемъ личнымъ примѣромъ, неустрашимостью и мужествомъ показывалъ примѣръ и ободрялъ развѣдчиковъ, дѣйствовавшихъ противъ болѣе сильнаго составомъ непріятеля“.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Протоколъ допроса Мясоѣдова.

1915 года марта 15 дня. Мокотовъ. Судебный слѣдователь Варшавскаго окружнаго суда по важнѣйшимъ дѣламъ Матвѣевъ, вр. и. д. судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, допрашивалъ нижепоименованнаго, въ качествѣ обвиняемаго, съ соблюденіемъ 403 ст. Уст. Угол. Суд., причемъ онъ показалъ:

Сергѣй Николаевичъ Мясоѣдовъ, 49 лѣдъ, мѣсторожденіе Вильно, мѣсто приписки Петроградъ, постоянное мѣстожительство Колокольная 11, рожденіе брачное, подполковникъ, дворянинъ, русскій, православный, окончилъ кадетскій корпусъ и Александровское военное училище, женатъ, двое дѣтей, переводчикъ при штабѣ X арміи, имѣетъ въ Вильнѣ домъ и въ Свенцянскомъ уѣздѣ имѣнье, привычному пьянству не подверженъ, особыхъ примѣтъ нѣтъ, подполковникъ дѣйствительной службы, подъ судомъ не былъ.

Я не признаю себя виновнымъ въ томъ, что способствовалъ непріятелю въ его военныхъ противъ Россіи дѣйствіяхъ, равнымъ образомъ не признаю себя виновнымъ въ открытомъ похищеніи чужого имущества въ военное время. — Что касается перваго изъ этихъ обвиненій, то я категорически отрицаю то обстоятельство, что когда-либо занимался государственной измѣной. Что касается второго обвиненія, то я могу объяснить по это-

му поводу слѣдующее: Не помню, когда именно, когда я находился въ Іоганнисбургѣ и когда было отдано распоряженіе военныхъ властей о сожженіи домовъ, оставленныхъ жителями, я въ Іоганнисбурскомъ лѣсу, въ казенномъ домѣ нѣмецкаго лѣсничаго, оставленномъ жильцами, взялъ оленьи рога, книги (лексиконъ Мейера), два масляныхъ портрета, двѣ (или одну) гравюру, столъ, стулъ. Усадьба эта потомъ была сожжена. Въ городѣ Іоганнисбургѣ съ вѣдома начальника отряда, генерала Архипова, я снялъ съ охваченнаго огнемъ дома чугунную доску, на которой было написано, что въ этомъ домѣ въ 1813 году проживалъ Императоръ Александр I. Эту доску я черезъ Евгенію Столбину отправилъ въ Петроградъ къ редактору „Вечерняго Времени" Борису Суворину, прося передать эту доску въ музей отечественной войны. — Что касается упомянутыхъ вещей, взятыхъ мною изъ дома лѣсничаго, то я ихъ бралъ въ свою пользу, но не считалъ это преступнымъ, такъ какъ вообще практиковался способъ бранья оставленныхъ вещей. Этотъ способъ практиковался и въ Іоганнисбурскомъ отрядѣ, и въ другихъ отрядахъ и даже въ другихъ арміяхъ. Это ни мнѣ, ни другимъ не казалось запретнымъ. Колаковскаго и Бауэрмейстеровъ я не знаю, по крайней мѣрѣ, въ числѣ моихъ знакомыхъ такихъ лицъ не имѣется. Развѣдкой русскихъ войскъ я не занимался. Попавъ въ X армію переводчикомъ и получивъ порученіе заниматься развѣдкою, я былъ недоволенъ этимъ порученіемъ. Мнѣ это дѣло развѣдки было не по душѣ. Я желалъ попасть въ дѣйствующую армію въ строй и хотѣлъ получить хоть какое-нибудь занятіе въ дѣйствующей арміи съ тѣмъ, чтобы быть поближе къ

непріятелю и чтобы участвовать въ числѣ сражающихся. Порученное мнѣ дѣло развѣдки не налаживалось. Относительно предъявляемой мнѣ нынѣ записки Дистергофа (предъявлена записка Дистергофа, относящаяся къ 14 февраля сего года и упоминающаяся въ показаніи Дистергофа) о составѣ непріятельскихъ частей въ Маріамполѣ и его окрестностяхъ могу объяснить слѣдующее: Свѣдѣнія, помѣщенныя въ этой запискѣ, не были добыты мною. Дистергофъ помѣстилъ въ этой запискѣ свѣдѣнія, указанныя не имъ и не мною, а свѣдѣнія добытыя другимъ лицомъ, кажется полковникомъ Нащокинымъ. Я считалъ неудобнымъ выдавать свѣдѣнія, добытыя не мною, за мои свѣдѣнія и поэтому эти свѣдѣнія штабу не сообщилъ. Что касается свѣдѣнія агента Густайтиса, относящагося къ 13 февраля, записанному въ предъявляемой мнѣ нынѣ тетрадкѣ (предъявлена тетрадка, взятая по обыску у подполковника М.), касающагося непріятельскихъ войскъ въ раіонѣ Пильвишки—Маріамполь, то я не сообщилъ этого въ штабъ, такъ какъ это свѣдѣніе было запоздалое и этотъ агентъ Густайтивъ, давшій свѣдѣнія, не внушалъ довѣрія. Относительно предъявляемаго мнѣ документа, взятаго у меня по обыску (предъявленъ документъ: „Адреса 19 января 1915 года"), могу объяснить слѣдующее: 21 января сего года я, находясь въ Іоганнисбургѣ, получилъ телеграмму полковника Плющикъ-Плющевскаго о томъ, чтобы явиться въ штабъ арміи и о томъ, что на меня будетъ возложено какое-то порученіе. Штабъ X арміи въ то время находился въ Маргграбовѣ. Поѣхалъ я черезъ Ломжу въ Бѣлостокъ. Въ Ломжу мнѣ нужно было ѣхать потому, чтобы ликвидировать дѣло развѣдки въ Кольнѣ, а въ Бѣ-

лостокѣ я долженъ былъ встрѣтиться съ братомъ моимъ, Дмитріемъ Мясоѣдовымъ и съ Борисомъ Фрейдбергомъ по дѣламъ личнаго характера. Изъ Бѣлостока я поѣхалъ въ Маргграбово въ штабъ X арміи, куда прибылъ 25 января с. г. послѣ полудня. Въ тотъ-же день я въ штабѣ спросилъ штабсъ-капитана Новицкаго, гдѣ и какія части русскихъ войскъ находятся на крайнемъ правомъ флангѣ X арміи. Эти свѣдѣнія мнѣ нужны были потому, что я получилъ командировку на правый флангъ арміи, гдѣ долженъ былъ представляться высшимъ начальникамъ частей. — Новицкій сказалъ, что справится по этому вопросу и послѣ того далъ Шуринову для передачи мнѣ упомянутый документъ: „Адреса 19 января 1915 г.". Эти адреса я получилъ отъ Шуринова 26 января с. г. Я не обращался къ Новицкому за выдачей мнѣ сказанныхъ адресовъ. Я лишь въ обыкновенномъ разговорѣ сказалъ то, что говорю теперь, а Новицкій, видимо, изъ любезности передалъ копію сказанныхъ адресовъ. Адреса лѣваго фланга мнѣ не были нужны, такъ какъ расположеніе частей X арміи мнѣ было извѣстно на лѣвомъ флангѣ. Было извѣстно потому, что на лѣвомъ флангѣ я занимался развѣдкой. Занимаясь развѣдкой, я не могъ найти такихъ людей, которые давали бы мнѣ свѣдѣнія о расположеніи непріятельскихъ частей. Наши войска на этомъ флангѣ не могли поймать нѣмецкихъ развѣдчиковъ, а наши развѣдчики-солдаты постоянно попадали въ плѣнъ. Поэтому мнѣ представлялось положеніе нашего лѣваго фланга плохимъ. Я не помню говорилъ-ли я Шуринову, что съ нашимъ лѣвымъ флангомъ случится бѣда. Равнымъ образомъ не помню, говорилъ-ли я Шуринову, когда началось от-

ступленіе нашихъ войскъ, что случилось такъ, какъ я предполагалъ. Возможно, что я, считая 57-ую дивизію ненадежной въ случаѣ нападенія нѣмцевъ, говорилъ это, такъ какъ на основаніи сказаннаго выше считалъ нашъ лѣвый флангъ ненадежнымъ. Освѣдомляясь у Шуринова при отступленіи нашихъ войскъ о томъ, свободенъ-ли путь Лыкъ—Граево, я интересовался этимъ вопросомъ потому, что въ Граевѣ были мои вещи и потому, что вообще интересовался, можно-ли будетъ благополучно уѣхать при отступленіи. — Относительно предъявляемаго мнѣ нынѣ письма (предъявлено письмо отъ 10 февраля 1915 г., на имя С. Н. М., за подписью „Борисъ") могу объяснить слѣдующее: Съ начала военныхъ дѣйствій былъ высланъ изъ Либавы административнымъ порядкомъ акціонеръ того Общества пароходства, въ которомъ я состоялъ предсѣдателемъ, Робертъ Фалькъ. Такъ какъ онъ былъ высланъ совершенно напрасно, то по просьбѣ Фрейдберга, я хотѣлъ помочь ему уѣхать изъ административной ссылки. Я хотѣлъ обратиться по этому поводу къ Прибалтійскому генералъ-губернатору Павлу Григорьевичу Курлову, но для этого нужно было ѣхать въ Ригу, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе генералъ Курловъ. Я не могъ ѣхать въ Ригу и потому далъ Борису Фрейдбергу рекомендательныя письма къ полковнику Горленко, состоявшему при Курловѣ и къ ротмистру Канабѣеву, адъютанту генерала Курлова. Борисъ Фрейдбергъ почему-то желалъ все-таки, чтобы я поѣхалъ лично въ Ригу къ генералу Курлову хлопотать о Фалькѣ и по этому поводу написалъ предъявляемое мнѣ нынѣ письмо. До 1907 года я служилъ въ корпусѣ жандармовъ. Вышелъ я въ отставку въ іюнѣ 1907 года по слѣдующему по-

воду: Когда я служилъ въ Вержболовѣ начальникомъ желѣзнодорожнаго жандармскаго отдѣленія, то въ 1906 году въ Вержболово пріѣзжалъ товарищъ прокурора Петроградской судебной палаты Трусевичъ по служебнымъ дѣламъ. Мой помощникъ Шульцъ обошелся съ Трусевичемъ недостаточно, съ точки зрѣнія Трусевича, учтиво. Трусевичъ по нѣкоторымъ своимъ соображеніямъ остался и мною недоволенъ. Когда Трусевичъ былъ назначенъ директоромъ Департамента полиціи, то, не желая держать меня въ Вержболовѣ изъ-за того, что относился ко мнѣ недружелюбно, хотѣлъ меня перевести въ другое мѣсто. Я не пожелалъ согласиться на такой переводъ и вышелъ въ отставку. Въ 1910 году я и моя жена познакомились съ военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Сухомлиновымъ и съ невѣстою послѣдняго. Познакомились мы въ тѣхъ домахъ, гдѣ бывали мы и гдѣ бывали они. Когда началась газетная травля военнаго министра и его невѣсты, въ каковой травлѣ указывалось на то, что будто-бы въ бракоразводномъ процессѣ невѣсты генералъ-адъютанта Сухомлинова были допущены злоупотребленія, то я и моя жена, при этой травлѣ, отнеслись къ невѣстѣ генералъ-адъютанта Сухомлинова весьма тепло и сочувственно. Эти теплыя отношенія и послужили началомъ того, что между мною и моею женою съ одной стороны и между генералъ-адъютантомъ Сухомлиновыхъ и его невѣстою, а потомъ женою, съ другой стороны, установились дружескія, теплыя отношенія. Въ августѣ 1910 г. я, моя жена и генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ съ женою были вмѣстѣ въ Карлсбадѣ. Тогда, въ Карлсбадѣ, я попросилъ генералъ-адъютанта Сухомлинова принять меня на военную службу.

Военный министръ предложилъ мнѣ быть у него адъютантомъ. Жена военнаго министра посовѣтовала мнѣ не поступать адъютантомъ къ военному министру, такъ какъ на такую должность имѣется много желающихъ среди гвардейскихъ офицеровъ, многимъ изъ которыхъ отказано въ принятіи ихъ на эту должность; въ случаѣ назначенія меня адъютантомъ военнаго министра, подымутся нежелательные толки въ связи съ бывшею моею службою въ корпусѣ жандармовъ и въ связи съ грязными намеками на меня, имѣвшими мѣсто во время этой моей службы. Обсудивъ мою просьбу о поступленіи на военную службу, военный министръ въ концѣ-концовъ предложилъ мнѣ опять поступить въ корпусъ жандармовъ, съ тѣмъ, чтобы быть откомандированнымъ въ распоряженіе военнаго министра. Еще до знакомства съ военнымъ министромъ я подавалъ докладную записку на имя статсъ-секретаря Столыпина о томъ, чтобы меня принять вновь на службу. Статсъ-секретарь Столыпинъ разсмотрѣлъ мое дѣло и нашелъ возможнымъ меня принять вновь на службу. Въ сентябрѣ 1911 года уже послѣ смерти статсъ-секретаря Столыпина я былъ принятъ въ корпусъ жандармовъ и откомандированъ сейчасъ-же въ распоряженіе военнаго министра. Военный министръ поручилъ мнѣ выработать программу, по которой можно было-бы собирать для доклада ему свѣдѣнія о революціонной дѣятельности въ войскахъ. Въ этомъ вопросѣ я сейчасъ-же встрѣтился съ противодѣйствіемъ Департамента полиціи. Этотъ вопросъ отпалъ и на меня военнымъ министромъ было возложено порученіе другого рода. Я долженъ былъ дѣлать военному министру доклады по контръ-развѣдкѣ. Доклады эти заключались въ томъ,

что я просматривалъ копіи и фотографіи различныхъ писемъ въ контръ-развѣдочномъ отдѣленіи и содержаніе этихъ документовъ докладывалъ военному министру, посколько я находилъ, что эти документы могутъ представлять для военнаго министра интересъ. Никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ сказанныхъ, я, находясь въ распоряженіи военнаго министра, не имѣлъ. Никакого другого касательства къ контръ-развѣдывательному отдѣленію генеральнаго штаба, кромѣ упомянутаго порученія военнаго министра, я не имѣлъ. Для выполненія этого порученія я познакомился съ завѣдующимъ контръ-развѣдывательнымъ отдѣленіемъ полковникомъ Ерандаковымъ и дѣлалъ упомянутые доклады военному минстру. Никакихъ письменныхъ распоряженій исполнять это порученіе я не имѣлъ. Военный министръ направилъ меня къ начальнику генеральнаго штаба съ весьма секретнымъ документомъ, сказалъ мнѣ, чтобы я доложилъ начальнику генеральнаго штаба словесно, что на меня возложено сказанное порученіе и добавилъ, что начальникъ генеральнаго штаба, увидя, что мнѣ довѣренъ упомянутый секретный документъ, повѣритъ моимъ словамъ. Документъ, врученный мнѣ тогда военнымъ министромъ, по его словамъ, былъ — союзный договоръ съ Франціею. При мнѣ военный министръ вложилъ этотъ документъ въ конвертъ, который заклеилъ, но не запечаталъ. Этотъ заклеенный конвертъ можно было, конечно, отклеить и вновь заклеить, я этого не дѣлалъ и отвезъ моментально этотъ документъ начальнику генеральнаго штаба. — Названное мое занятіе по докладамъ копій и фотографій писемъ изъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія военному минстру, имѣло мѣсто въ де-

кабрѣ 1911 г.—январѣ 1912 г. — Въ концѣ января 1912 г. m-me Сухомлинова сказала мнѣ, что, какъ она слыхала, „Новое Время“ затѣиваетъ травлю противъ меня. Дѣйствительно, весною 1912 г. въ газетахъ „Новое Время“, „Вечернее Время“, а затѣмъ и въ газетѣ „Голосъ Москвы“, появились статьи, въ которыхъ намекалось на то, что я занимаюсь государственною измѣною. Депутатъ Гучковъ въ своей рѣчи въ Государственной Думѣ также дѣлалъ такіе намеки. Въ результатѣ всего этого я вызвалъ Гучкова на дуэль, противъ газетъ возбудилъ уголовное преслѣдованіе за клевету, а редактора газеты „Вечернее Время“, Бориса Суворина, оскорбилъ дѣйствіемъ. Послѣ этого я вышелъ въ отставку. Почему поднялась эта газетная травля, обвинявшая меня въ государственной измѣнѣ, я не знаю. Во всякомъ случаѣ основаній къ такимъ обвиненіямъ не было никакихъ. — Когда началась война, то я написалъ редакторамъ газетъ „Новое Время“ и „Вечернее время“, что въ виду патріотическаго направленія ихъ газетъ, я нахожу, что не время теперь сводить старые счеты, и потому прекращаю упомянутыя дѣла. Борисъ Суворинъ сейчасъ-же отвѣтилъ мнѣ любезнымъ письмомъ. — Въ отставку я вышелъ въ апрѣлѣ 1912 г. Вышелъ я въ отставку съ чиномъ полковника и все время жилъ въ Петроградѣ. Я былъ предсѣдателемъ правленія сѣверо-западнаго Общества пароходства. Общество это занималось перевозкой эмигрантовъ изъ Либавы въ Англію. Съ началомъ войны дѣятельность этого Общества прекратилась сама собою, но дѣла по этому Обществу не прекратились, такъ какъ нужно было вести всякія расчеты по прежней дѣятельности Общества — до войны. Когда началась

война, я желая также быть въ числѣ сражающихся, написалъ письмо военному министру, прося принять меня въ дѣйствующую армію. Военный министръ отвѣтилъ мнѣ письмомъ, въ которомъ написалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ такого моего поступленія въ дѣйствующую армію и что мнѣ нужно подать прошеніе о томъ. Я опредѣлился полковникомъ въ ополченіе, а затѣмъ хлопоталъ у различныхъ генераловъ о принятіи меня въ дѣйствующую армію. 13 октября 1914 года я прибылъ въ Сѣдлецъ къ главнокомандующему арміями фронта генералу Рузскому, котораго я зналъ раньше. Явившись къ генералу Рузскому, я представилъ ему письмо военнаго министра и ходатайствовалъ о принятіи меня въ дѣйствующую армію. Генералъ Рузскій ничего опредѣленнаго мнѣ не отвѣтилъ. Въ штабѣ генерала Рузскаго я встрѣтился съ начальникомъ штаба X арміи, съ которымъ мнѣ пришлось вмѣстѣ ѣхать изъ Сѣдлеца. На этомъ пути я съ начальникомъ штаба X арміи говорилъ о своемъ желаніи поступить въ дѣйствующую армію. При этомъ разговорѣ начальникъ штаба X арміи сказалъ мнѣ, что онъ можетъ предложить мнѣ должность переводчика при штабѣ X арміи. Я подалъ соотвѣтствующее прошеніе и былъ назначенъ на эту должность прежнимъ своимъ чиномъ подполковника. Когда я служилъ на границѣ, то у меня завязались хорошія отношенія съ пограничными германскими жителями. Случалось мнѣ быть приглашаемымъ нѣсколько разъ къ Императору Вильгельму. Это были обычныя учтивыя пограничныя отношенія. Германофиломъ я никогда не былъ. Я любилъ всегда германскую культуру, германскій порядокъ, но я всегда оставался русскимъ патріо-

томъ. Я никогда никому до войны не предлагалъ своихъ услугъ по развѣдкѣ. Случалось, что русскія власти мнѣ предлагали заниматься развѣдкой. Случалось мнѣ въ такихъ случаяхъ предлагать русскимъ властямъ въ сотрудники по развѣдкѣ брата моей жены, Альберта Гольштейна, живущаго около Кенигсберга. Предлагалъ я его потому, что это былъ плутоватый малый, который мнѣ представлялся подходящимъ для этого дѣла. Я припоминаю, что приблизительно въ 1907 году я даже имѣлъ разговоръ на эту тему съ Альбертомъ Гольштейномъ, когда онъ пріѣзжалъ изъ заграницы въ Вильну. Я спрашивалъ, согласился-ли бы онъ собирать нужныя для Россіи свѣдѣнія, касающіяся обороны Германіи. Альбертъ Гольштейнъ изъявилъ свое согласіе, но обращаться къ нему за такими свѣдѣніями не случалось. Указывалъ я, между прочимъ, полковнику Ерандакову какъ-то на Альберта Гольштейна, какъ на человѣка, который могъ бы быть сотрудникомъ и ротмистру Темникову, который занимался контръ-развѣдкой въ X арміи. — Когда началась война, то изъ патріотическихъ побужденій я хотѣлъ использовать, какъ сотрудника по развѣдкѣ, агента упомянутаго сѣверо-западнаго Общества пароходства въ Одессѣ, Давида Фрейдберга. Онъ ухитрился въ Ганноверѣ получить паспортъ на имя американскаго подданнаго, хотя онъ и русскій подданный. Въ октябрѣ 1914 г. Давидъ Фрейдбергъ собирался въ Копенгагенъ по своимъ торговымъ дѣламъ. Я спросилъ его, не проѣдетъ-ли онъ изъ Копенгагена въ Германію и не согласится-ли привести изъ Германіи нужныя для русскаго генеральнаго штаба свѣдѣнія. Давидъ Фрейдбергъ сказалъ мнѣ, что быть можетъ, онъ и

проѣдетъ въ Германію, причемъ согласился доставить сказанныя свѣдѣнія. Тогда я повелъ Давида Фрейдберга въ генеральный штабъ въ Петроградѣ, гдѣ Давиду Фрейдбергу дали какія-то порученія. Какія ему давались порученія, я не знаю. Я послѣ того его не видѣлъ, но Борисъ Фрейдбергъ 1 февраля сего года говорилъ мнѣ въ Вильнѣ, что Давидъ Фрейдбергъ ѣздилъ въ Копенгагенъ, въ Германіи не былъ, а въ генеральный штабъ передалъ какія-то свѣдѣнія о германскихъ ангарахъ для цеппелиновъ въ Бельгіи. Какимъ образомъ и какія именно свѣдѣнія передалъ въ генеральный штабъ Давидъ Фрейдбергъ, я не знаю. — По поводу прочитаннаго мнѣ протокола желаю добавить, что вывозъ непріятельскаго имущества поощрялся начальникомъ Іоаннисбурскаго отряда и большею частью происходилъ съ ихъ вѣдома.

Подполковникъ Мясоѣдовъ.

И. д. судебнаго слѣдователя Матвѣевъ.

Товарищъ прокурора палаты Жижинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Изъ рѣчи защитника Сухомлинова прис. пов. А. А. Захарьина.

... когда открылась война, всѣ, кромѣ очень немногихъ посвященныхъ, кромѣ немногихъ генераловъ штаба, были убѣждены, что въ смыслѣ снабженія у насъ все обстоитъ благополучно, что тысячи снарядовъ на пушку достаточно и что войну мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ покончимъ побѣдоносно. Объ этомъ вопросовъ никакихъ, тогда по крайней мѣрѣ, не возникало. Между тѣмъ о шпіонажѣ вопросъ уже возникъ въ 1912 г.: уже въ 12-мъ году членъ Гос. Думы А. И. Гучковъ напечаталъ обѣ свои газетныя статьи, одну за подписью „Перси" — псевдонимъ Бориса Суворина — и другую въ формѣ интервью съ самимъ Гучковымъ, содержавшаго подтвержденіе первой и уже исходившаго отъ него самого. Правда, въ этихъ статьяхъ говорилось о Мясоѣдовѣ и Мясоѣдовъ прямо шпіономъ не назывался. Когда возникъ шумъ вокругъ этихъ статей, вокругъ военнаго министра и полк. Мясоѣдова, то одновременно съ этимъ Вы помните объясненіе, которое далъ въ Москвѣ А. И. Гучковъ. Оно застенографировано и напечатано вмѣстѣ съ его рѣчами. Уже въ это время Гучковъ опредѣленно называлъ Альтшиллера шпіономъ и говорилъ, что этотъ Альтшиллеръ находится со шпіонскими цѣлями около военнаго министра. Въ обвинительномъ актѣ — и въ исто-

рической части и въ обвинительныхъ пунктахъ — сначала говорится о должностныхъ преступленіяхъ и уже послѣ этого слѣдуетъ переходъ къ Мясоѣдову и т. д. Не знаю, по однимъ-ли историческимъ соображеніямъ, господинъ оберъ-прокуроръ счолъ полезнымъ здѣсь, въ своей рѣчи, эти двѣ половины обвиненія, порядку которыхъ мы слѣдовали, какъ Вы помните, здѣсь даже на судебномъ слѣдствіи, переставить. Всякій ораторъ знаетъ. что то, что наиболѣе должно запасть въ душу слушателей, на которыхъ нужно дѣйствовать, то, что должно произвести наиболѣе сильное впечатлѣніе, то, въ чемъ ораторъ чувствуетъ себя наиболѣе правымъ и сильнымъ, выгоднѣе приберечь къ концу. Тамъ, гдѣ человѣкъ располагаетъ точными доказательствами — другой вопросъ, какой изъ нихъ слѣдуетъ тактическій выводъ — тамъ онъ чувствуетъ себя сильнымъ, а тамъ, гдѣ онъ сознаетъ, что у него никакихъ доказательствъ нѣтъ, тамъ онъ сильнымъ себя естественно чувствовать не можетъ. Не поэтому-ли господинъ оберъ-прокуроръ началъ со шпіонажа и кончилъ должностными преступленіями? Но это вопросъ его личной тактики, его личной оцѣнки матеріала, словомъ я этого не знаю. Если человѣкъ сидитъ повернувшись вправо или влѣво, то странно его спрашивать, почему онъ выбралъ именно данное положеніе; такъ и здѣсь. Но и мнѣ нужно серьезнѣе считаться съ должностными преступленіями, чѣмъ со шпіонствомъ, и идя по стопамъ обвинителя, говорить о нихъ позже.

Начнемъ со шпіонства. Начнемъ съ того, что мы слышали объ Альтшиллерѣ. Какова исторія тѣхъ отношеній, которыя существовали между генераломъ Сухомлиновымъ и Альтшиллеромъ, того, что кажется г. обвини-

телю преступной шпіонской дѣятельностью Сухомлинова? Прежде всего какова исторія разоблаченій этихъ отношеній? Г. оберъ-прокуроръ сказалъ, что дѣло, въ смыслѣ судебнаго разслѣдованія, началось съ учрежденія коммиссіи подъ спокойнымъ, какъ онъ выразился, названіемъ „коммиссіи для разслѣдованія причинъ несвоевременнаго снабженія арміи предметами довольствія и т. д.". Дѣйствительно спокойное, чисто дѣловое названіе. Г. об.-прокуроръ сказалъ, что еслибы эта коммиссія не наткнулась, совершенно для себя неожиданно, попавши въ область, совершенно чуждую этому заглавію и къ первоначальнымъ задачамъ не относящуюся, на слѣды шпіонажа, то судьба результатовъ этого разслѣдованія могла бы, насколько я понялъ г. об.-прокурора, считаться почти предрѣшенной: вѣроятно, по словамъ г. об.-прокурора, разсмотрѣли бы дѣло и пришли бы къ заключенію, что всѣ причины нашихъ несчастій заключаются въ томъ, что Россія есть страна менѣе культуральная, чѣмъ ея сосѣди, промышленность ея неразвита и когда наступилъ такой моментъ, что понадобилось доставить эту чудовищную цифру — полтора милліона снарядовъ въ мѣсяцъ, то промышленность и оказалась не въ силахъ исполнить это требуемое количество, тутъ нечего искать отдѣльныхъ виновниковъ. Такъ бы дѣло и кончилось, говорилъ Вамъ, приступая къ своей рѣчи, об.-прокуроръ. Такъ говорилъ онъ тогда, когда ему было интереснѣе сказать, что настоящему дѣлу не суждено было въ утробѣ матери, не родившись, умереть, оно дошло до суда народной совѣсти тогда, когда обнаружилась измѣна. Тогда-же, когда г. об.-прокуроръ, сегодня, говорилъ о должностныхъ преступленіяхъ, о недостаткѣ

снарядовъ, тогда стало выходить, что положеніе ген. Сухомлинова вовсе не было таково, чтобы оно могло умереть, оказалось, что преступленіе его довольно тяжелое и уже не представляется, какъ должностное преступленіе, въ такомъ безобидномъ видѣ. Оказывается, что коммиссія эта совершенно неожиданно для себя натолкнулась на то обстоятельство, что вокругъ военнаго министра толпятся шпіоны, то есть на то самое обстоятельство, о которомъ во всеуслышаніе говорилъ уже за три года до этого членъ Гос. Думы А. И. Гучковъ; натолкнулась случайно на шпіоновъ, находившихся „въ ближайжемъ окруженіи военнаго министра", какъ выражается Гучковъ и въ брошюрѣ и въ показаніи противъ военнаго министра, и вотъ это-то разслѣдованіе, эта-то связь министра со шпіонами, она-то и раскрыла коммиссіи глаза на естественную причину этихъ недостатковъ снабженія: оказывается онъ тоже измѣнникъ и т. д. Можетъ быть г. об.-прокуроръ забылъ, можетъ быть онъ признаетъ полезнымъ дополнить и пояснить, гдѣ эта связь, но въ его рѣчи эта связь по дорогѣ пропала. Какое отношеніе Альтшиллеръ могъ имѣть къ снабженію, мы не слыхали, и говорить объ Альтшиллерѣ и остальныхъ для освѣщенія недостатковъ снабженія является практически совершенно безполезнымъ. Объ этомъ нужно было говорить въ первую очередь для того, чтобы подготовить почву этому обвиненію въ недостаткѣ снабженія; не потому, чтобы тутъ была какая нибудь связь, а потому, что эта первая половина обвиненія создала выгодную для обвинителя мрачную атмосферу чего-то таинственнаго. Но, гг., если при всѣхъ обстоятельствахъ нужно стремиться видѣть, куда идешь, идти при доста

точномъ освѣщеніи, дѣйствовать при достаточномъ освѣщеніи, то тѣмъ болѣе въ этомъ дѣлѣ, самомъ отвѣтственномъ, какое только можетъ лежать на человѣческой совѣсти, нельзя позволить себѣ видѣть призраки. Провѣряя, разсматривая всѣ эти доказательства, которыя Вамъ представляются, Вы увидите, что эти потемки, этотъ мрачный элементъ чего-то подозрительнаго, элементъ шпіона, который лезетъ изъ подъ стола, изъ за карниза — онъ вреденъ въ этомъ дѣлѣ. Однако, г. об.-прокуроръ говоритъ: „смотрите, тутъ шпіонъ, тамъ шпіонъ, вездѣ шпіоны". Разсмотримъ это поскольку это намъ доступно, разсмотримъ того, кто по мнѣнію г. обвинителя является не только соучастникомъ — потому что ген. Сухомлиновъ обвиняется въ соучастіи въ шпіонажѣ — но и такимъ шпіономъ, шпіонство котораго мы, защитники въ настоящемъ дѣлѣ, лишены даже права оспаривать, потому что виновность его въ этомъ шпіонствѣ якобы признана уже судебнымъ приговоромъ. Я позволяю себѣ спросить: гдѣ же этотъ судебный приговоръ? Гдѣ? Говорятъ: въ дѣлѣ Иванова. Но Вы знаете, гг. прис. засѣдатели, что, хотя это дѣло называлось дѣломъ по обвиненію въ шпіонствѣ Иванова, Гошкевича, Думбадзе, Альтшиллера и др., хотя всѣ они, въ томъ числѣ и Альтшиллеръ, и обвинялись въ шпіонажѣ, но приговора объ Альтшилелрѣ нѣтъ: его и быть не могло, такъ какъ самого Альтшиллера на судѣ не было: по мнѣнію г. прокуора онъ бѣжалъ, я думаю, что онъ просто уѣхалъ, объ этомъ я спорить не буду, но уже за нѣсколько мѣсяцевъ до начала войны его и въ Россіи уже не было. Какъ и всѣ суды, рѣшающіе дѣла, грозящія лишеніемъ правъ, полевые суды не могутъ постановить приго-

вора объ отсутствующихъ. Поэтому приговора о немъ не было и нѣтъ, и говорить о немъ можно только, чувствуя себя въ безпомощномъ положеніи, не говоря уже о томъ парадоксальномъ положеніи, въ которомъ мы здѣсь находимся по отношенію къ остальнымъ дѣйствительно осужденнымъ: Иванову, Мясоѣдову, Думбадзе и др., ибо отъ насъ требуютъ, чтобы мы считали ихъ виновными, въ силу приговоровъ, которые можетъ быть черезъ нѣсколько дней будутъ отмѣнены. Ссылаться на приговоръ объ Альтшиллерѣ не приходится.

Какова-же исторія нашего дѣла. Говорятъ, оно приняло свои нынѣшніе размѣры съ того момента, когда коммиссія для разслѣдованія наткнулась на неожиданныя обстоятельства. Обстоятельства эти возникли при обстановкѣ тоже необыкновенной, тоже едва-ли спокойной съ точки зрѣнія ихъ надежности и возможности пользоваться ими, какъ судебнымъ матеріаломъ. Началось все это дѣло съ того, что бѣжалъ изъ нѣмецкаго плѣна поручикъ Колаковскій. Пріѣхалъ сюда и началъ разсказывать. Я говорю „началъ разсказывать", а не „разсказалъ", потому, что показаній его много. Разсказывалъ разъ, два, разсказывалъ слѣдователю, потомъ кому-то изъ военныхъ властей, много и интересно. Иной романъ позавидовалъ бы. При этомъ въ этомъ разсказѣ, Вы его слышали, — я не буду пускаться въ подробности, такъ какъ онъ читался при закрытыхъ дверяхъ — я не знаю, какъ на Васъ, но на меня произвело удивительное впечатлѣніе нѣкоторое сходство между нимъ и разсказомъ того, о которомъ г. об.-прокуроръ отзывается какъ о лгунѣ, разсказъ котораго не внушаетъ довѣрія. Оказывается тутъ цѣлый рядъ лицъ приплє-

ли къ военному министру: тутъ и Мясоѣдовъ, тутъ и Альтшиллеръ и другіе. Какъ на самомъ дѣлѣ возникло обвиненіе противъ этихъ именно лицъ, какова была причина, по которой именно на нихъ пало подозрѣніе — это разговоръ другой. Но какъ возникло дѣло вообще? Откуда, независимо отъ ихъ именъ, явилось убѣжденіе, что у насъ есть шпіоны, что отечество въ опасности, что армія терпитъ пораженія вслѣдствіе шпіонства? Связывать тѣ или иные факты между собой, сопоставлять ихъ такъ или иначе — право каждаго и обязанность каждаго судьи, потому что, не дѣлая этого, онъ не можетъ придти къ тому или иному выводу. Я прямо говорю, что то, что я сейчасъ скажу, является моимъ личнымъ взглядомъ, но не имѣя другого, я ничего другого и сказать не могу; я его никому не хочу навязывать, но мой взглядъ таковъ: Съ начала войны, говорятъ съ первыхъ же дней войны, мы не имѣли снарядовъ; армія шла босая, безъ ружей. Вотъ въ такомъ видѣ послалъ, говорятъ, армію на войну Сухомлиновъ. Въ первые же мѣсяцы разыгрались событія, которыя въ извѣстной телеграммѣ генерала Рузскаго были названы „Галиційской битвой“. Въ нашей жизни принято употреблять слова „бой, сраженіе“, а слово „битва“ напоминаетъ времена варяговъ, римлянъ. Въ наше время бываютъ сраженія. Въ отчетѣ же объ этой встрѣчѣ Россіи съ Австріей она была названа „битвой“, и это вполнѣ справедливо, потому что здѣсь оказался не корпусъ противъ корпуса, а народъ противъ народа. Это и есть небывалая битва. И насъ хотятъ увѣрить, что у насъ съ первыхъ же дней войны не было снарядовъ. Но Вы помните, чѣмъ эта битва кончилась: мы вступили въ предѣлы Австріи на

плечахъ бѣгущаго, хорошо снабженнаго врага и завладѣли цѣлымъ рядомъ городовъ: Галичемъ, Ярославомъ, Львовомъ и дошли до Перемышля. Съ Перемышлемъ оказалось труднѣе, съ нимъ мы справились не скоро, это взяло довольно много времени, такъ что давно уже была бы пора оказаться недостатку снарядовъ. Но это не помѣшало намъ его взять. Но затѣмъ на южномъ фронтѣ начинается полоса пораженія. Я боюсь ошибиться въ хронологіи и потому не буду называть чиселъ. А что происходило на сѣверномъ фронтѣ? Сначала мы побѣдоносно вступили съ востока и юга въ Восточную Пруссію. Туда отправился съ цѣлой арміей генералъ Самсоновъ. Вдогонку за нимъ должны были идти крупныя подкрѣпленія. Если бы мы съ Вами были военные, были бы компетентны, могли бы обсуждать, были бы призваны рѣшать вопросъ съ стратегической точки зрѣнія — намъ сказали бы, куда пошла вторая армія, окторая должна была подкрѣпить Самсонова... Но она не подкрѣпила и мы потеряли цѣлую армію. Это совпало, приблизительно, съ тѣмъ временемъ, когда послѣ взятія Перемышля наступилъ моментъ продолжать наступательную кампанію въ Галиціи. Ставка предоставила генералу Иванову наступать и, какъ объяснилъ ген. Янушкевичъ, всю разработку всѣхъ подробностей плана предоставила его усмотрѣнію — на то онъ и командующій фронтомъ. И вотъ онъ, этотъ самый генералъ Ивановъ, о которомъ Вы слышали письмо генерала Янушкевича, какъ онъ больше всѣхъ одолѣвалъ требованіемъ чудовищнаго количества снарядовъ, отлично зная, что дать ему ихъ никто не въ силахъ, онъ, который больше всѣхъ кричалъ, что снарядовъ нѣтъ, полу-

чилъ директиву поступать по своему усмотрѣнію. Что-же онъ дѣлаетъ? Онъ идетъ въ Карпаты, въ узкое горное ущелье, гдѣ войскамъ приходится растягиваться въ тоненькую ниточку, подвергая всѣ прошедшія части опасности быть отрѣзанными отъ тыла; идетъ въ обстановку, гдѣ трудно и опасно, идетъ тогда, когда кричитъ, что у него снарядовъ нѣтъ. Изъ Карпатъ намъ пришлось съ громаднымъ урономъ отступать. Этого не пришлось бы дѣлать, еслибы мы туда не пошли. Пошли мы туда не по винѣ генерала Сухомлинова. Генералъ Сухомлиновъ объяснялъ намъ здѣсь, это есть и въ его письмахъ, что азбука стратегіи учитъ, что для дѣйствій по внѣшнимъ операціоннымъ линіямъ нужно прежде всего чувствовать себя лучше снабженнымъ, чѣмъ снабженъ непріятель... Вотъ моментъ, съ котораго война пріобрѣла трагическій и мрачный для насъ оборотъ. Съ начала войны успѣло уже пройти нѣсколько мѣсяцевъ и за эти нѣсколько мѣсяцевъ большая часть снарядовъ была издержана, наступалъ патронный голодъ, было утрачено громадное количество винтовокъ, огромное количество орудій, далеко превышавшее процентныя отношенія прежнихъ войнъ. Армія пришла въ трудное положеніе, почувствовала, что создалось такое стратегическое положеніе, которое страну утѣшить и радовать не можетъ, которое можетъ вызвать противъ Ставки, которую одну считали отвѣтственной за исходъ войны и, не дай Богъ, противъ самой Верховной власти, слишкомъ большое народное неудовольствіе. Нужно было искать оправданія, нужно было во что бы то ни стало найти виновныхъ во всѣхъ этихъ несчастіяхъ, кого угодно, но чтобы Ставка была чиста. Но кого-же? Обвинить генераловъ, ко-

торыхъ на извѣстныя операціи сама же Ставка послала, сказать, что они плохо исполняютъ ея предначертанія? Скажутъ: „Зачѣмъ же вы ихъ послали? Развѣ Ставка не знала, что такое генералъ Ренненкампфъ“? Нѣтъ. Нужно отыскать какія-нибудь „темныя силы“, тоже темныя силы — это прекрасная формула, потому что подъ нее подходитъ все, когда нѣтъ ничего яснаго, доказательнаго. Здѣсь у насъ фигурировали темныя силы — кн. Андрониковъ и др. Тамъ тоже нужно было ихъ найти. Но какія же темныя силы служили бы оправданіемъ всѣхъ неудачъ? Мы знаемъ, что полководцы, обладавшіе громаднымъ мужествомъ, громадной личной храбростью, сплошь и рядомъ не обладали достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ для того, чтобы честно признавать свои собственныя ошибки и дѣлали попытки сваливать свою вину на другихъ. У многихъ полководцевъ бывали эти старые испытанные пріемы. Говорятъ „ищите шпіоновъ“, и если ихъ находятъ, то говорятъ „значитъ меня предали, вотъ и причина неудачи“. Дайте шпіоновъ во что бы то ни стало. Нашли шпіона — Мясоѣдова. Приговоръ оглашенъ. Но это собственно не приговоръ, его можно скорѣе назвать резолюціей. Есть суды, напримѣръ мировой, окружный, которые излагаютъ мотивы своего приговора, которые говорятъ: „мы пришли къ такому-то убѣжденію“, и кромѣ того еще говорятъ: „мы къ этому убѣжденію пришли на основаніи такихъ-то и такихъ-то фактовъ“. А есть суды, которые отъ этого освобождены: къ нимъ принадлежитъ напримѣръ Вашъ. Вы обсудите дѣло, а какъ Вы его будете обсуждать — дѣло Вашей совѣсти. Вы принесете намъ отвѣтъ: „да, виновенъ“, или „нѣтъ, невиновенъ“, или вообще какъ

Вы найдете нужнымъ. Такое же право выносить приговоръ безъ мотивовъ предоставлено и полевымъ судамъ, въ томъ числѣ тому суду, который призналъ Мясоѣдова шпіономъ. Намъ не дано знать, почему и отчего онъ признанъ виновнымъ, какія доказательства были приняты этимъ судомъ во вниманіе... Но этого было мало: были южныя пораженія. Не могъ же Мясоѣдовъ, находясь въ Августовскихъ лѣсахъ, шпіонить на Карпатахъ. На южномъ фронтѣ находился полковникъ Ивановъ, въ качествѣ артиллериста, хорошо освѣдомленнаго въ своей области и имѣвшаго прямое отношеніе къ этому дѣлу. Это послужило поводомъ къ тому, что онъ привезъ оттуда, какъ Вы помните, коллекцію австрійскаго оружія. Онъ тамъ бывалъ, и вотъ онъ оказался вторымъ шпіономъ. Если о Мясоѣдовѣ мы кое-что знаемъ, если въ прошломъ Мясоѣдова мы могли раскапываться, начиная съ 1907 года, когда онъ былъ уволенъ изъ Вержболовской таможни, то относительно Иванова мы имѣемъ свѣдѣнія несравненно болѣе бѣдныя. Мы знаемъ, что это былъ очень способный, очень знающій и авторитетный въ своемъ артиллерійскомъ вѣдомствѣ человѣкъ, необыкновенно интересовавшійся всѣми вопросами о новыхъ предметахъ артиллерійскаго снабженія и т. д. Къ этому интересу въ нѣкоторыхъ частяхъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, пріурочиваютъ, можетъ быть и основательно, побочные интересы — интересы коммерческіе: говорятъ, что онъ былъ прикосновенъ къ поставкамъ на артиллерійское вѣдомство. Можетъ быть и такіе мотивы его интересовали. Но это несомнѣнно былъ одинъ изъ знающихъ, живыхъ артиллерійскихъ офицеровъ. Онъ могъ, конечно, получать на фронтѣ свѣ-

дѣнія и передавать. Дѣлалъ онъ это, или нѣтъ — не знаю. Изъ него сдѣлали шпіона южныхъ Карпатъ. Но можетъ быть потому, что по отношенію къ Мясоѣдову общественное мнѣніе было достаточно подготовлено газетными статьями 1912 года, а имя Иванова представлялось для русскаго общества абсолютно ничего не говорящимъ, признано было цѣлесообразнымъ обвинить въ этомъ же шпіонствѣ Альтшиллера, уличить котораго было нельзя, потому что онъ еще до войны уѣхалъ. Одновременно предали суду и Думбадзе, который никогда на этомъ фронтѣ не былъ и уже поэтому одному не могъ бы подлежать полевому суду, потому что полевой судъ по закону, на основаніи XXIV книги Свода Военныхъ Постановленій, уставъ военно-судебный, о военно-полевыхъ судахъ, рѣшаетъ дѣла о событіяхъ, совершившихся на фронтѣ и никоимъ образомъ не прибѣгаетъ къ предварительному слѣдствію. Но еслибы повѣсили одного Иванова, то это для общественнаго мнѣнія достаточнымъ оправданіемъ похода въ Карпаты не послужило бы.

Вы помните. что говоря о предстоявшемъ повѣшеніи Мясоѣдова, въ томъ письмѣ, гдѣ онъ сообщалъ еще только о назначеніи суда надъ нимъ, генералъ Янушкевичъ писалъ генералу Сухомлинову, что надо будетъ постараться поскорѣе, до праздниковъ, покончить съ Мясоѣдовскимъ дѣломъ — *для успокоенія общественаго мнѣнія.*. Это написано рукою генерала Янушкевича. Спросите себя, чѣмъ больше было встревожено общественное мнѣніе: тѣмъ ли, что въ него проникъ слухъ объ обнаруженіи въ русской арміи полковника-шпіона, предполагая, что этому слуху общественное мнѣніе повѣрило, или тѣмъ, что по непонятнымъ причинамъ цѣлая армія, во

главѣ съ однимъ изъ немногихъ генераловъ, пріобрѣвшихъ себѣ въ японскую войну большую почетную извѣстность, армія генерала Самсонова погибла, и въ этомъ обвиняется... Такъ съ которымъ изъ этихъ двухъ фактовъ долженъ былъ считаться генералъ Янушкевичъ, когда говорилъ, что ему нужно поскорѣе, до праздниковъ, успокоить общественное мнѣніе? Вотъ, господа, условія, при которыхъ возникли эти полевые суды..........

....

Въ 1912 году А. И. Гучковъ по его разсказу получилъ въ Кіевѣ свѣдѣнія отъ высокопоставленнаго, повидимому, лица. На мое предложеніе назвать это лицо, онъ намъ здѣсь отвѣтилъ, что назвать его онъ не желаетъ. Отвѣтилъ послѣ того, какъ онъ принялъ присягу, въ которой сказано: „я по совѣсти покажу въ семъ дѣлѣ сущую обо всемъ правду и не утаю ничего, мнѣ извѣстнаго". Онъ не сказалъ: „не знаю, не помню", нѣтъ. Онъ сказалъ: „не желаю сказать". И такъ какъ это былъ А. И. Гучковъ, то я настаивать не сталъ. Кто это лицо, отъ котораго онъ имѣлъ свѣдѣнія въ Кіевѣ, мы не знаемъ. Я получилъ разрѣшенія Правительствующаго Сената ссылаться на изданную имъ книгу рѣчей, гдѣ, какъ онъ намъ здѣсь подробно разсказывалъ, полностью напечатанъ стенографическій отчетъ о докладѣ, сдѣланномъ имъ наканунѣ его дуэли съ Мясоѣдовымъ. Онъ объяснилъ намъ, какъ и всякій, могъ быть убитъ, онъ пожелалъ оставить въ письменной формѣ свое какъ-бы духовное завѣщаніе и изложить въ немъ всю сущую правду, все, что онъ находитъ возможнымъ сказать по этому дѣлу. Представьте себѣ, что въ то время въ его рукахъ были дѣйствительно серьезныя данныя о томъ, что

Альтшиллеръ, о которомъ говорится въ этомъ докладѣ, и Мясоѣдовъ, о которомъ онъ говорилъ въ газетныхъ статьяхъ — шпіоны. Представьте себѣ, что изложеніе этихъ обстоятельствъ могло послужить достаточнымъ основаніемъ для разслѣдованія уже тогда всего этого дѣла въ судебномъ порядкѣ и привести къ обличенію этихъ лицъ. Имѣйте въ виду, что, какъ Гучковъ, такъ и вся Дума, съ года на годъ ждали войны, какъ говорилось здѣсь, слѣдовательно онъ долженъ былъ ожидать, что Альтшиллеръ и Мясоѣдовъ должны были сыграть роль, еще болѣе страшную для Россіи, чѣмъ въ то мирное время. Посмотрите на этотъ докладъ, на это завѣщаніе, какъ на предсмертное показаніе, какъ на послѣднее, что онъ могъ сдѣлать и сказать судебной власти, которая съ этимъ показаніемъ должна была бы такъ или иначе считаться, какъ на послѣдній моментъ, когда онъ, благодаря всѣмъ имѣющимся у него свѣдѣніямъ, могъ принести пользу, предупредить опасность для отечества въ смыслѣ шпіоновъ. И я спрошу Васъ: могъ-ли человѣкъ, состоявшій предсѣдателемъ Государственной Думы, говорившій, что имъ все время руководилъ одинъ только горячій патріотизмъ и желаніе спасти свою родину отъ шпіонства, могъ-ли онъ въ своемъ послѣднемъ, предсмертномъ показаніи по этому вопросу скрыть нѣчто такое, что могло помочь правосудію? Въ этомъ отношеніи имѣлъ-ли онъ основаніе руководствоваться тѣми соображеніями, которыми теперь г. прокуроръ оправдываетъ его отказъ, когда онъ намъ здѣсь говорилъ: „я не желаю его назвать“? Г. прокуроръ говоритъ, что это лицо знаетъ эти вещи по должности, поэтому не должно было ихъ оглашать, а огласило; называть его неудобно. Я думаю,

что укрывать такое лицо значитъ укрывать должностное преступленіе. Укрывательство — не обязанность, ради которой можно отказываться отъ обязанности свидѣтеля. Могъ онъ руководствоваться такой заботливостью о должностномъ лицѣ, разболтавшемъ служебную тайну? Не лежала ли на немъ обязанность передъ родиной, не щадя чужой карьеры и самолюбія, назвать прямо это лицо, для того, чтобы судебная власть могла придти и сказать: „Вы говорили А. И. Гучкову, на чемъ вы основывались? Дайте дальнѣйшія нити, чтобы мы имѣли возможность словить шпіоновъ, иначе будетъ поздно". Я спрашиваю Васъ: далъ онъ эти нити? Далъ онъ эти имена? Если Вы посмотрите всѣ показанія, данныя имъ по этому дѣлу, Вы нигдѣ не встрѣтите ни одного лица, ни объ одномъ фактѣ, о которомъ онъ показываетъ, онъ не соблаговолилъ сказать, отъ кого онъ его знаетъ. Здѣсь на вопросъ о Кіевскомъ главномъ источникѣ онъ сказалъ: „не хочу". Когда его стали распрашивать о бумагѣ, которую Альтшиллеръ разсматривалъ въ спальнѣ Екатерины Викторовны, Гучковъ нашелся и сказалъ, что очевидцемъ этого, сообщившимъ ему, былъ полковникъ Боткинъ. На предварительномъ слѣдствіи онъ его не называлъ, и Боткинъ допрошенъ не былъ, а сюда вызывался, но не явился и Гучковъ знаетъ, что его здѣсь нѣтъ. Мы его просили сказать, отъ кого онъ слышалъ о шрапнеляхъ, посланныхъ на театръ войны безъ дистанціонныхъ трубокъ. Онъ отвѣтилъ: „отъ командира либо 2-го, либо 3-го Туркестанскаго полка, находящагося теперь гдѣ-то на войнѣ". Мы могли бы искать командира 2 полка, но оказа-

лось бы, что это не онъ. Тогда мы стали бы искать командира 3 полка, но разумѣется найти обоихъ до конца процесса немыслимо. Разсказывается одна исторія, разсказывается другая исторія, то совсѣмъ нѣтъ источниковъ, то источники болѣе чѣмъ сомнительные, потому что послѣ той картины „ближайшаго окруженія министра", какъ выражается Гучковъ, послѣ характеристики, которую далъ и самъ г. прокуроръ этой компаніи Коломниной, Червинской, Булацеля, мнѣ одно имя Боткина, достаточно обрисованнаго другими свидѣтелями, не внушаетъ довѣрія. Кто такіе эти инкогнито, которые давали свѣдѣнія Гучкову, мы не знаемъ. Мы знаемъ, что въ 1909 году, когда В. А. Сухомлиновъ вступилъ на постъ военнаго министра, у него были еще хорошія отношенія съ коммиссіей государственной обороны Гос. Думы. Тогда у него были хорошія отношенія, но затѣмъ они стали портиться. Вся эта коммиссія, къ которой перваго тенора пѣлъ А. И. Гучковъ...

Предсѣдатель. Потрудитесь выбирать ваши выраженія. Это неприличное выраженіе.

Захарьинъ. Эта коммиссія къ голосу А. И. Гучкова прислушивалась болѣе, чѣмъ къ какому-либо другому. Онъ является лицомъ, въ высокой степени авторитетнымъ въ военномъ вопросѣ, такъ какъ онъ былъ добровольцемъ въ англо-бурскую войну. И вотъ вся эта компанія во главѣ съ Гучковымъ начинаетъ постепенно относиться къ В. А. Сухомлинову все съ большей и большей враждебностью. Самъ А. И. Гучковъ показываетъ, что вокругъ этой коммиссіи и вокругъ него лично сталъ образовываться второй маленькій генеральный штабъ. Тамъ оффиціальный, казенный генеральный штабъ дѣлаетъ свое дѣ-

ло, а здѣсь, съ полковниками изъ того-же генеральнаго штаба, немного ниже по службѣ, немного помоложе, свое дѣло дѣлается. Они окружаютъ Гучкова, но не Сухомлинова и у нихъ гораздо совершеннѣе разрабатываются вопросы о томъ, какъ поставить оборону государства. Образовался маленькій штабъ, который весьма строго критиковалъ большой генеральный штабъ и пошелъ походъ противъ Сухомлинова. Мы не знаемъ точно, когда А. И. получилъ свои первыя свѣдѣнія, давшія поводъ къ этимъ газетнымъ статьямъ. Онъ говоритъ, что въ Кіевѣ, когда онъ ѣздилъ на похороны Столыпина, но потомъ поправляется и говоритъ, что на открытіе памятника. Я не знаю, когда именно это было. Дата намъ особенно не нужна, но статьи появились въ апрѣлѣ. Можетъ быть Вы помните изъ показаній Коломниной, близко причастной къ „Новому Времени", что въ „Новомъ" и „Вечернемъ Времени" въ декабрѣ передъ этимъ, въ декабрѣ 1911 года, замышлялась кампанія противъ Сухомлинова. Меня очень озадачивало: какой собственно былъ поводъ у „Новаго Времени" въ декабрѣ 1911 года начать кампанію противъ Сухомлинова. Но здѣсь мнѣ это уяснилось: показаніемъ Б. А. Суворина установлено, что Гучковъ состоялъ пайщикомъ товарищества „А. С. Суворина наслѣдники". И уже въ декабрѣ одинъ изъ почетныхъ сотрудниковъ „Новаго Времени", извѣстный Манасевичъ-Мануйловъ, разсказывалъ Коломниной, а она съ ужасомъ и доброжелательствомъ передавала Сухомлиновымъ: „примите мѣры, противъ Васъ тамъ готовится кампанія". Въ той единственной газетѣ, противъ нападеній которой генералъ Сухомлиновъ заводилъ себѣ столько заступниковъ. „Тамъ предвидится травля по поводу

Мясоѣдова". Это такъ выразилась Коломнина, это не мое выраженіе. Въ апрѣлѣ эта кампанія началась: начались Гучковскія статьи. Вѣроятно ожидали, что эта исторія вызоветъ паденіе Сухомлинова, о чемъ Гучковъ спалъ и видѣлъ во снѣ, что было его мечтой. Поливановъ былъ помощникомъ военнаго министра и постоянно представлялъ военнаго министра въ Думѣ. По мѣрѣ того, что портились отношенія Гучкова и думской коммиссіи съ Сухомлиновымъ, они укрѣплялись, связывались съ Поливановымъ. Расчистить Поливанову мѣсто, убравши этого крѣпко видящаго конкуррента, было очень интересно. Я позволяю себѣ думать, что Гучковъ, будучи предсѣдателемъ думской, общественной слѣдовательно, организаціи, думской коммиссіи, считаетъ себя наиболѣе компетентнымъ въ Россіи лицомъ по военнымъ вопросамъ и вѣроятно искренно былъ убѣжденъ, что такъ хорошо управлять военнымъ министерствомъ, лично или черезъ покорное лицо, никто не съумѣетъ. Ему хотѣлось, если не сѣсть министромъ, потому что это въ данный моментъ было еще трудно — хотя онъ принадлежалъ къ партіи, на которую смотрѣли тогда благосклонно, былъ лидеромъ партіи 17 октября, которая пользовалась благоволеніемъ тогдашняго правительства, но онъ, можетъ быть, не расчитывалъ на это — то нужно было немедленно провести туда Поливанова, нужно было спихнуть Сухомлинова. Вотъ источникъ этого похода. И начинаются эти статьи. Послѣ этихъ статей идетъ судебный процессъ съ Мясоѣдовымъ. Правда, судъ отказалъ Мясоѣдову въ удостовѣреніи своемъ, которое свидѣтельствовало бы, что онъ, Мясоѣдовъ, не виновенъ въ томъ, что ему приписывается. Но во первыхъ Вы

читали эти статьи, тамъ Мясоѣдовъ въ шпіонствѣ не обвиняется: тамъ идетъ рѣчь о порученіяхъ по контръ-развѣдкѣ лицу, не заслуживающему довѣрія, но контръ-развѣдка не есть шпіонажъ въ пользу непріятеля. Во вторыхъ то обстоятельство, что судъ можетъ оправдать по дѣлу о клеветѣ не потому, что признаетъ сказанное правдой, а потому, что написавшій статью и за это обвиняемый получилъ оглашенныя имъ свѣдѣнія изъ такого источника, что имѣлъ нравственное право имъ вѣрить, не учитывается достаточно въ широкой публикѣ. И свидѣтели по этому дѣлу, и самъ Суворинъ, конечно, могли сказать: „мы эти свѣдѣнія получили отъ предсѣдателя коммиссіи государственной обороны Государственной Думы — отъ А. И. Гучкова. Могли-ли мы ему не вѣрить?“ И какая же газета при такомъ объясненіи могла быть осуждена, если А. И. Гучковъ приходитъ на судъ и говоритъ: „да, я это сказалъ“. Его спрашиваютъ: „а на какомъ основаніи Вы это сказали?“ — „я имѣлъ свѣдѣнія“. Еслибы тогда его спросили: „а у Васъ откуда эти свѣдѣнія?“, господа, то по тому судя, что онъ сказалъ здѣсь, онъ сказалъ бы и тамъ свое „не желаю“. И съ этимъ тоже помирились бы. Слухъ былъ пущенъ. Это кончилось отставкой Мясоѣдова и создало еще больше розни между Сухомлиновымъ и Думой. А такъ какъ Вы изволили слышать, что около этого времени Дума пріобрѣтала все больше и больше значенія, то этимъ былъ занятъ въ войнѣ противъ Сухомлинова, изрядный кусочекъ территоріи. Предполагалось, что генералъ Сухомлиновъ вскорѣ послѣ этого поѣхалъ съ какимъ-то докладомъ въ Ливадію и тамъ между прочимъ разсказалъ всю эту исторію, ни малѣйшимъ образомъ не

добиваясь, какъ это подозрѣваютъ Гучковъ и Поливановъ, отставки послѣдняго, а просто разсказалъ объ этомъ дѣлѣ и, какъ онъ разсказывалъ, бывшій Императоръ сказалъ: „Ну", — я передаю, конечно, только смыслъ — „если у Васъ съ помощникомъ идутъ такія интриги, разъ онъ держитъ руку Гучкова, который подъ Васъ подкапывается, то лучше возьмите другого". Владиміръ Александровичъ говоритъ, что это застало его въ расплохъ и онъ не могъ сказать, кого. „Ну, хорошо, посмотримъ списки. Что вы думаете? Вотъ кто на интриги не способенъ. Годится?" — „Годится". Приказъ подписанъ, Поливановъ уходитъ, назначается Вермандеръ. И кромѣ одного врага по политическому значенію Гучкова, и Поливанова, который былъ только союзникомъ и сотрудникомъ Гучкова, у Сухомлинова съ этого момента является два врага: тотъ-же Гучковъ и тотъ-же Поливановъ, какъ по сотрудничеству съ Гучковымъ, такъ и изъ мести за увольненіе, которое онъ приписывалъ проискамъ ген. Сухомлинова. Что происковъ никакихъ не было, явствуетъ изъ показаній свидѣтеля Зотимова, удостовѣрившаго, что даже бланка для указа съ собой въ Крыму не было, и въ этомъ случаѣ ген. Сухомлиновъ говоритъ правду, а ихъ подозрѣніе неосновательно....

....

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

ДѢЛА „СТАРЫЯ",

статья проф. А. Гойхбарга изъ „Новой Жизни" отъ 21 октября (3 ноября) 1917 г.

На дняхъ газеты сообщили, что слѣдствіе о дѣятеляхъ стараго режима не обнаружило особенно вопіющихъ злоупотребленій и преступленій съ ихъ стороны, преступленій, за которыя ихъ долженъ былъ бы судить революціонный народъ, что обнаружены только мелкія плутни, превышеніе власти и т. п. незначительныя преступленія съ ихъ стороны.

И, повидимому, этихъ дѣятелей не постигнутъ особо тяжкія кары.

Я не собираюсь взывать о суровыхъ карахъ для нихъ. Я вообще не считаю наказаніе столь спасительнымъ. Я хочу только отмѣтить, что самое суровое осужденіе дѣятельности представителей стараго режима, раскрытіе передъ народомъ тѣхъ ужасовъ, которые ими безнаказанно творились, что все это вовсе не требуетъ тяжкихъ наказаній для самихъ этихъ темныхъ дѣятелей. Не такъ важно причиненіе имъ лично страданій, какъ воспитаніе народа въ такомъ духѣ, при которомъ эти дѣятели и ихъ близкіе не могли вновь вернуться къ власти.

Поэтому я считаю весьма пагубнымъ этотъ едва ли основанный на фактахъ дѣйствительности выводъ относительно дѣятельности слугъ, или, вѣрнѣе, владыкъ стараго режима. Необходимо заклеймить старый строй

въ лицѣ его дѣятелей, необходимо раскрыть передъ народомъ, какъ представители этого насквозь развращеннаго и прогнившаго строя для достиженія своихъ мелкихъ личныхъ интересовъ не щадили ничего святого, не щадили жизни и чести людей, готовы были отдавать прямые приказы объ отмѣнѣ всякихъ законовъ, объ организаціи судебныхъ убійствъ, словомъ, творили нѣчто такое, отъ чего при одномъ воспоминаніи волосы встаютъ дыбомъ, но что въ настоящее время многіе начинаютъ забывать.

И, все это, повторяю, необходимо настойчиво напоминать вовсе не съ той цѣлью, чтобы призывать на головы виновныхъ громы небесные и скорпіоны земные, а затѣмъ, чтобы народъ разъ навсегда съ презрѣніемъ, и омерзеніемъ отвергнулся отъ этого стараго строя, затѣмъ, чтобы осиновый колъ былъ воткнутъ народомъ въ могилу стараго строя окончательно и безповоротно.

Объ одномъ такомъ позорнѣйшемъ дѣяніи владыкъ стараго режима я хочу здѣсь напомнить. Я имѣю въ виду лицъ, невинно казненныхъ по Мясоѣдовскому дѣлу. Верховное командованіе, *желая снять съ себя вину за отступленіе нашей арміи, рѣшаетъ объяснить это отступленіе существованіемъ обширной шпіонской организаціи.* Для этой цѣли инсценируется процессъ о шпіонствѣ. Набираются съ бору да съ сосенки разные обвиняемые, въ большинствѣ евреи, изъ которыхъ многіе никогда и не видѣли Мясоѣдова. Ставятъ процессъ генералъ Бончъ-Бруевичъ и, тогда еще полковникъ, Батюшинъ. За неимѣніемъ подходящихъ военныхъ слѣдователей, Щегловитовъ совершенно противозаконно, но „по порученію верховнаго главнокомандующаго“, поручаетъ слѣд-

ствіе сихъ дѣлъ мастеру, слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ въ Варшавѣ Матвѣеву, который, совокупно съ прокурормъ Жижиныімъ, начинаетъ „готовить“ дѣло.

Но Верховному главнокомандующему не терпится. Онъ приказываетъ „закончить дѣло быстро и рѣшительно“, незаконно приказываетъ передать дѣло особо образованному военно-полевому суду. Слѣдователь, вопреки закону, не окончивъ слѣдствія, отсылаетъ дѣло въ военно-полевой судъ.

Военно-полевой судъ, судъ скорорѣшительный, на основаніи оговора сумасшедшей, покончившей съ собою до суда, приговариваетъ трехъ обвиняемыхъ евреевъ — Бориса Фрейдберга и братьевъ Зальцмановъ, къ смертной казни, трехъ обвиняемыхъ: еврея Давида Фрейдберга, купца Ригерта и крестьянина Микулиса къ каторгѣ, а остальныхъ 8 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 евреевъ, оправдываетъ. Этотъ приговоръ на слѣдующій день, 17-го іюня, былъ утвержденъ и въ отношеніи смертниковъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Но такое малое количество смертныхъ приговровъ, опровергшее легенду объ обширной шпіонской организаціи, погубившей армію, повидимому, вовсе не понравилось инициаторамъ этихъ организованныхъ убійствъ. Хотя оправданныхъ судомъ судить вторично нельзя, но *ненасытившійся тремя убійствами, тремя смертями Николай Николаевичъ Романовъ, отдаетъ новый неслыханный, противный всякимъ законамъ приказъ* считать приговоръ утвержденнымъ только относительно казненныхъ, а всѣхъ остальныхъ, т. е. и тѣхъ, кто уже вошедшимъ въ законную силу приговромъ военно-полевого суда были признаны невиновными, вновь судить дру-

гимъ судомъ, военно-окружнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, они все таки шпіоны. Причемъ въ приказѣ сказано: „безусловно не допуская гражданскихъ защитниковъ... и принять всѣ мѣры къ формированію надлежащаго состава суда и назначенію опытнаго обвинителя“. Этоъ приказъ былъ равносиленъ приказу приговорить къ смерти еще нѣсколько человѣкъ, это былъ *приказъ подстрекателя убійцамъ..* И двинскій военно-окружный судъ вновь судилъ 11 человѣкъ, изъ которыхъ восемь были, по рѣшенію военно-полевого суда, завѣдомо невиновными, и приговорилъ къ смертной казни, кромѣ трехъ стариковъ, прежнимъ судомъ приговоренныхъ только къ каторгѣ, также и трехъ изъ оправданныхъ, еврея Фалька, 58 лѣтъ, барона Гротгуса и Мясоѣдову.

Всѣмъ обвиняемымъ, опять вопреки закону, было объявлено, что на это рѣшеніе нельзя принести никакой жалобы. Приговоръ, явно незаконный, былъ утвержденъ по отношенію къ простымъ людямъ и евреямъ теперь стоящимъ за правосудіе ген. Алексѣевымъ, который, однако, барону Гротгусу и Кларѣ Мясоѣдовой замѣнилъ казнь каторгой.

Одному изъ приговоренныхъ къ каторгѣ удалось теперь, спустя два года, добиться возстановленія срока на подачу кассаціонной жалобы. Но казненные по приказамъ Алексѣева и Верховнаго главнокомандующаго при участіи Щегловитова, теперь жалобы не подадутъ. *Кто имъ вернетъ жизнь?* Кто вернетъ ихъ семьямъ честное имя?

Такихъ дѣлъ многое множество на совѣсти дѣятелей стараго строя, и объ этихъ дѣлахъ необходимо, въ особенности теперь, говорить громко и настойчиво.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
I Общія свѣдѣнія	7
II Исторія возникновенія дѣла	39
III Обыски и аресты	48
IV Созданіе особой подсудности	54
V Расправа съ Мясоѣдовымъ	60
VI Привлеченіе остальныхъ заподозрѣнныхъ	71
VII Преступныя дѣйствія слѣдователя и военныхъ властей	83
VIII Военно-полевой судъ въ Варшавѣ	91
IX Насиліе надъ закономъ и судебнымъ приговоромъ	98
X Производство Двинскаго военно-окружнаго суда	105
XI Приговоръ военно-окружнаго суда	111
XII Борьба за правду	119
Приложеніе I	132
Приложеніе II	134
Приложеніе III	135
Приложеніе IV	147
Приложеніе V	167